

Creating Links and Innovative Overviews for a New History Research Agenda
for the Citizens of a Growing Europe

CLIOHRES.net

Doctoral Dissertations IV

CLIOHRES.net is a largescale research project, supported by the European Commission through the Sixth Framework Programme of its Directorate General for Research as a “Network of Excellence” for European History. It includes 180 researchers (90 staff and 90 doctoral students) from 45 universities in 31 countries. Working together in six thematic work groups, their aim is to achieve greater understanding of both the histories and the representations of the past current in Europe today, highlighting both diversities and connections.

The Consortium

Karl-Franzens-Universität Graz (Austria)
Universiteit Gent (Belgium)
Sofiyski Universitet “Sveti Kliment Ohridski” (Bulgaria)
Univerzita Karlova v Praze (Czech Republic)
Panepistimio Kyprou (Cyprus)
Roskilde Universitetscenter (Denmark)
Tartu Ülikool (Estonia)
Turun Yliopisto (Finland)
Université Pierre Mendès-France, Grenoble II (France)
Université de Toulouse II - Le Mirail (France)
Forschungszentrum Europäische Aufklärung (Germany)
Otto-Friedrich-Universität Bamberg (Germany)
University of Aberdeen (Great Britain)
Cardiff University (Great Britain)
University of Sussex (Great Britain)
Ethniko kai Kapodistriako Panepistimio Athinon (Greece)
Aristotelio Panepistimio Thessalonikis (Greece)
Debreceni Egyetem (Hungary)
Miskolci Egyetem (Hungary)
Háskóli Íslands (Iceland)
National University of Ireland, Galway/Ollscoil na hÉireann, Gaillimh (Ireland)
Università di Bologna (Italy)
Università degli Studi di Milano (Italy)
Università degli Studi di Padova (Italy)
Università di Pisa (Italy)
Latvijas Universitāte, Riga (Latvia)
L-Università ta’ Malta (Malta)
Universiteit Utrecht (The Netherlands)
Universitetet i Oslo (Norway)
Uniwersytet Jagielloński, Krakow (Poland)
Universidade de Coimbra (Portugal)
Universidade Aberta (Portugal)
Universitatea Babeş Bolyai din Cluj-Napoca (Romania)
Universitatea ‘Stefan cel Mare’, Suceava (Romania)
Moskowskij Gosudarstvennyj Oblastnoj Universitet (Russian Federation)
Univerzitet u Novom Sadu (Serbia)
Slovenskej Akademie Vied (Slovakia)
Univerza v Mariboru (Slovenia)
University of KwaZulu-Natal (South Africa)
Universidad de Alcalá de Henares (Spain)
Universidad de Deusto (Spain)
Universidad Autónoma de Madrid (Spain)
Universitat de Valencia (Spain)
Universität Basel (Switzerland)
Orta Dogu Teknik Üniversitesi (Turkey)

ИСТОРИК «СТАРОЙ ШКОЛЫ»
Научная биография Б.И. Сыромятникова

В.В. ТИХОНОВ

EDIZIONI
plūs
pisa university
press

Tikhonov, Vitaliy V.

Istorič "staroj skoly" : naučnaja biografija B.I. Syromjatnikova / V.V. Tihonov. - Pisa : Plus-Pisa university press, 2008

(Doctoral dissertations ; 4)

Testo in russo

947.08092 - 21 (21.)

1. Syromyatnikov, Boris Ivanovich (1874-1947) – Biografie 2. Syromyatnikov, Boris Ivanovich (1874-1947) – Attività scientifica

CIP a cura del Sistema bibliotecario dell'Università di Pisa

This volume is published thanks to the support of the Directorate General for Research of the European Commission, by the Sixth Framework Network of Excellence CLIOHRES.net under the contract CIT3-CT-2005-006164.

The volume is solely the responsibility of the Network and the authors; the European Community cannot be held responsible for its contents or for any use which may be made of it.

Cover: Nikolaj Michajlovič Romadin (1903-1987), *Landscape with River (Kerzhenez)*, painting (1946-1947), Tretjakov Gallery, Moscow. 1990 © Photo Scala.

© 2008 by CLIOHRES.net

The materials published as part of the CLIOHRES Project are the property of the CLIOHRES.net Consortium. They are available for study and use, provided that the source is clearly acknowledged.
cliohres@cliohres.net - www.clioehres.net

Published by Edizioni Plus – Pisa University Press

Lungarno Pacinotti, 43

56126 Pisa

Tel. 050 2212056 – Fax 050 2212945

info.plus@adm.unipi.it

www.edizioniplus.it - Section "Biblioteca"

Member of

Association of American
University Presses

ISBN: 978-88-8492-581-7

Linguistic Editing

Viktoriya Kolp

Informatic Editing

Răzvan Adrian Marinescu

СОДЕРЖАНИЕ

Preface	стр. VII
The CLIONRES Network of Excellence.....	» IX
Biographical Note	» XI
I. ВВЕДЕНИЕ	» 1
II. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА	» 11
III. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА	
Развитие отечественной исторической науки в конце XIX-первой половине XX вв. и методологические аспекты научного творчества Б.И. Сыромятникова	» 39
Историографические взгляды	» 66
IV. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В ТРУДАХ Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА	
Проблемы общественного строя Древней Руси	» 81
Оценка правления Ивана Грозного	» 103
«Регулярное» государство Петра Великого	» 110
V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	» 133
ПРИМЕЧАНИЯ	» 139
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	» 158
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	
Библиография печатных трудов Б.И. Сыромятникова	» 158
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	
Литература о Б.И. Сыромятникове и его трудах	» 162
ENGLISH SUMMARY	» 165

PREFACE

Vitaliy Tikhonov's volume, *A Historian of the "Old School": Boris Ivanovich Syromyatnikov's Scientific Biography*, is the fourth in a series based on research carried out by the doctoral candidates belonging to the CLIOHRES Network of Excellence. We are very pleased to be able to publish it, in Russian with an ample summary in English, on our website (www.cliohres.net) and in book form.

Tikhonov recounts the results of his analysis of the intellectual development and the achievements of a legal historian whose life and research career spanned the pre- and the post-Revolutionary periods. Syromyatnikov was born in 1874 and died in 1947. Because of the complexities and tensions that characterised the Soviet regime – with regard to historiography as well as many better known areas of endeavour – important parts of Syromyatnikov's oeuvre were never published. Using archival materials, including the unpublished works, Tikhonov has taken up the task of reconstructing the legal historian's intellectual or scientific biography in its interaction with the surrounding intellectual and political world.

After taking a law degree at the University of Moscow, Syromyatnikov went abroad for a brief but important formative period. In response to the stimuli he received from the historiographical and intellectual debates of the time, both in Russia and in 'the West', and using the insights developed through his legal studies, Syromyatnikov addressed what he perceived to be the central problem: the relationship of Russian history to that of the rest of Europe. Is Russian history (and hence Russia itself) similar, analogous or connected with that of Europe? Or is it something apart, obeying different rules and developing in a different time frame?

Syromyatnikov's response was based on a comparative method and upon a conviction: that all societies pass through the same stages in development, in the same order, although there may be differences in detail and in timing. His juridical formation was of use in delineating a new periodisation for the pre-history and early history of Russia, taking into account the changes in society and in the economy as causal factors in the evolution of politics and institutions. He saw society and law passing from a city-state slaveholding phase in Kievan Rus' through various configurations of feudalism up to and including the development of the 'police' state.

In addition to conveying the intrinsic interest of Syromyatnikov's work and ideas on the social and legal history of Russia and its relationship to the rest of Europe, Tikhonov shows how a researcher who had little sympathy for Bolshevism con-

tinued to work and eventually found a degree of acceptance in the USSR. As the emphasis shifted from Marxist-Leninist internationalism to Russian patriotism, Syromyatnikov's outlook became less incompatible with political requirements. His most demanding task was preparing the *Monuments of Law* for the Academy of Sciences of the USSR, never published because of disagreement on aspects of Syromyatnikov's interpretations of early Russian history. However his best known work, *The "Regulated" State of Peter the Great and its Ideology*, was published in 1943, the pivotal year in the Second World War, or the Great Patriotic War as it is known in Russia.

Thus Tikhonov illustrates the evolution of a nuanced and changing relationship – rather than simple acceptance or opposition – between Syromyatnikov, as a historian of the 'old school', and Stalinist historiography.

Vitaliy Tikhonov has been an active member of the CLIOHRES Thematic Work Group 2, on "Power and Culture". The Group's second volume, *Power and Culture. Identity, Ideology, Representation* (edited by Jonathan Osmond and Ausma Cimdina), Pisa 2007, includes his chapter on *The Russian State and the Interpretation of History during the Second World War: the Impact of B. I. Syromiatnikov's The 'Regulated' State of Peter the Great and its Ideology*.

Here reader will find further information on Syromyatnikov and the environment and the constraints within which he worked.

The CLIOHRES Network is unique in bringing together numerous researchers from many countries in a coordinated transnational and transgenerational project on History and Citizenship. Of the 180 members, coming from 45 universities in 31 countries, 90 are senior staff and 90 are doctoral researchers. During their participation in the Network the doctoral candidates participate in the collaborative research programme, participating in one of the six Thematic Working Groups, and in the general activities of the Network.

We thank Vitaliy Tikhonov for his contribution to CLIOHRES, and for re-elaborating his dissertation, creating a new Russian text and an English summary according to our guidelines so that it can be shared with the Russo- and Anglophone public.

We are also grateful to Viktoriya Kolp for her work in preparing the Russian text from an editorial point of view, and to Răzvan Adrian Marinescu for carrying out the production and electronic editing.

Ann Katherine Isaacs
University of Pisa

Guðmundur Hálfðanarson
University of Iceland

THE CLIOHRES NETWORK OF EXCELLENCE

CLIOHRES is a consortium of 45 universities and research institutions in 31 countries. Each institution is represented by two senior researchers and two doctoral students coming from various academic fields – primarily from history, but also from art history, archaeology, architecture, philology, political science, literary studies and geography. The 180 researchers in the network are divided into six “Thematic Work Groups”, each of which deals with a broadly defined research area – ‘States, Institutions and Legislation’, ‘Power and Culture’, ‘Religion and Philosophy’, ‘Work, Gender and Society’, ‘Frontiers and Identities’, and ‘Europe and the Wider World’. Furthermore, the Network as a whole addresses ‘transversal themes’ of general relevance. These include ‘Citizenship’, ‘Migration’, ‘Tolerance and Discrimination’, ‘Gender’ and ‘Identities’; one of these is targeted each year.

As a Network of Excellence, CLIOHRES is not an ordinary research project. It does not focus on a single research question or on a set of specific questions. Rather it is conceived as a forum where researchers representing various national and regional traditions can meet and elaborate their work in new ways thanks to structured interaction with their colleagues. The objective is not only to transcend the national boundaries that still largely define historical research agendas, opening new avenues for research, but also to use those very differences to become critically aware of how current research agendas have evolved. Thus, the goal is to examine basic and unquestioned attitudes about ourselves and others, which are rooted in the ways that the scientific community in each country looks at history. Historians create and cultivate selective views of the national or local past, which in turn underpin pervasive ideas about identities and stereotypes: national, religious, gender, political, etc. National historiographies today are still largely shaped by problems and preoccupations reflecting previous political and cultural contexts. CLIOHRES aims to create and promote a new structure and agenda for the community of historical research, redirecting its critical efforts along more fruitful lines.

The Network began its work in June 2005, thanks to a five-year contract with the European Commission through the Sixth Framework Programme of its Directorate General for Research, under Priority 7, dealing with “Citizenship”. Its activities aim to contribute to the development of innovative approaches to history as regards both the European Research Area and European Higher Education Area. The Network works for a closer connection between research and learning/teaching,

holding that this is essential in order to ensure that European citizens possess the necessary information, conceptual tools and more in general the vital critical and self-critical abilities which they will need in the future.

All the thematic groups have worked from the start according to a common research plan, beginning in the first year with reconnaissance or mapping, of how the questions perceived as important for the thematic area appear in the different national historiographies. During the second year they defined 'connecting' themes, which are relevant for research in a wider geographical and chronological context. The third phase has concentrated on comparing and reviewing sources and methodologies; the fourth will focus on cross-fertilisation, that is on showing how problems identified in the previous phases can be developed in new contexts. During the last phase, the groups will define new and relevant projects, in the broadest sense, for future research in the sector.

Each Thematic Work Group publishes one volume a year in order to share and discuss the results of their work with the broader academic community.

The volumes are not conceived as the final word on the issues that they deal with, but rather as work-in-progress. In addition to the six Thematic Work Group volumes, the Network publishes one common volume per year dealing with the transversal theme targeted. It also publishes abridged versions of the dissertations written by doctoral students who have participated in its work. Together the volumes already published form an invitation to discuss the results of the Network and the novel directions that are emerging from its work; they also constitute a unique patrimony of up-to-date studies on well-known and less well-known aspects of Europe and its history.

All publications are available in book form and on the www.clioheres.net website. They can be downloaded without charge. A list of publications to date can be found at the end of this volume.

BIOGRAPHICAL NOTE

Vitaliy Tikhonov was educated at Moscow State Regional University. Currently he is employed at the Russian Academy of Education. His doctoral dissertation on the scientific biography of B.I. Syromyatnikov was completed in 2007. His main research interests are in the areas of Russian historiography and political thought.

Окончил Московский государственный областной университет в 2005 году. В 2007 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему “Исторические взгляды Б.И. Сыромятникова”. В настоящее время работает доцентом в Университете Российской академии образования. Сфера профессиональных интересов: русская историография, краеведение и история политической мысли.

I. ВВЕДЕНИЕ

Отличительной чертой современных историографических исследований является «персонификация» историко-познавательного процесса. При этом превалирует интерес к научной биографии историков конца XIX – первых десятилетий XX века. Эпоха беспрецедентных политических и социальных катаклизмов оказала исключительное воздействие на историческую науку. Достижения историографии того времени продолжают влиять на развитие современной исторической мысли, а изучение жизни и деятельности историков минувших столетий помогает лучше понять и адекватно оценить современную историографическую действительность.

На предреволюционное время приходится расцвет творчества плеяды выдающихся отечественных историков. Их труды в области отечественной и всеобщей истории позволили национальной исторической мысли занять почетное место среди европейских школ.

Одним из ярких представителей этого поколения был известный историк, правовед и общественный деятель Борис Иванович Сыромятников (1874 – 1947).

Научное наследие ученого отличается разнообразием, широтой тем, глубиной научного поиска. Часть его работ опубликована. Некоторые из них вызвали широкий резонанс, стали предметом острых дискуссий. Часть не опубликована, малоизвестна и недостаточно изучена. Фундаментальной закономерностью развития исторической науки является иногда постепенная, иногда весьма динамичная смена направлений и школ при сохранении, в том или ином качестве, преемственности между ними. Вот почему существенно изучение не только высших достижений исторической мысли, но и результатов труда исследователей, выступавших последователями тех или иных школ, направлений, течений, обеспечивавших жизнеспособность историографических достижений. Творчество Сыромятникова в указанном смысле особенно показательно.

Комплексный анализ научного наследия Сыромятникова позволяет уверенно утверждать, что им была разработана целостная концепция развития российской истории. В ходе своей творческой деятельности историк чутко уловил основные тенденции методологических исканий конца XIX – начала XX веков. Сыромятников опирался на новейшие достижения западноевропейской

исторической мысли, поэтому его наследие способствует изучению проникновения достижений зарубежной науки в Россию. Участие историка в ключевых исторических дискуссиях советского времени позволяет лучше понять поворотные моменты эволюции отечественной историографии в минувшем столетии.

Историографических исследований, посвященных историку, крайне мало. Работы, связанные с темой данной диссертации, можно разделить на две группы. В первую группу входят исследования, посвященные непосредственно Сыромятникову, во вторую – труды, в которых его книги и статьи изучаются в контексте определенной научно-исторической проблемы.

Первоначально историографической оценке подвергались отдельные опубликованные исследования историка. Часто оценки, данные в них, не отличались объективностью.

Среди таких работ очерк о конституционном проекте П.И. Пестеля¹ «Очерк по истории русской текстильной промышленности в связи с историей народного хозяйства», статья о движении декабристов².

Нужно отметить достаточно устойчивый интерес историографической литературы к монографии Сыромятникова «"Регулярное государство" Петра Первого и его идеология». В свое время появление этого исследования вызвало оживленную полемику, имевшую значительную политическую подоплеку. Необъективные оценки, данные в то время в угоду сложившейся конъюнктуре, долгое время повторялись исследователями без какого-либо критического разбора.

Достаточно объективный анализ был дан Б.Б. Кафенгаузом. Он указал на тесную связь между концептуальными построениями Сыромятникова и дореволюционной историографии³.

Тем не менее, стало практически общим местом трактовать концепцию Сыромятникова как возрождение взглядов М.Н. Покровского⁴. Г.Д. Бурдей рассмотрел концепцию книги как отражение идеологической ситуации времен Великой Отечественной войны⁵.

Исключением является интересная работа С. Блэка, представляющая собой обзор советской исторической литературы, посвященной Петру Великому⁶. Американский историк верно вписал «Регулярное государство...» в политико-историографический контекст эпохи, указывая на то, что данная работа

является свидетельством ослабления идеологического давления на историческую науку во время Второй мировой войны.

Пионером в изучении наследия Сыромятникова стал В.А. Муравьев, посвятивший значительную часть своей диссертации⁷ анализу его взглядов, преимущественно, на проблему феодализма в Древней Руси. В.А. Муравьев проделал большой объем работы по выявлению архивных материалов, верно обозначил многие характерные черты исторических взглядов ученого. Определяя место Сыромятникова в русской историографии, В.А. Муравьев указал на то, что историк «почти одновременно с Н.П. Павловым-Сильванским и во многом независимо от него разрабатывал вопрос о феодализме в Древней Руси»⁸.

Муравьев в диссертации, посвященной дореволюционной историографии феодализма на Руси, высказал суждение, что теоретико-методологические взгляды Сыромятникова основываются, с одной стороны, на концепции Ключевского, с другой – на достижениях западноевропейской исторической мысли⁹. Следуя принятой на тот момент классификации историографических направлений, автор причислил Сыромятникова к так называемому «экономическому материализму»¹⁰, считая, что «историко-методологическая программа Б.И. Сыромятникова может расцениваться в рамках исторической науки как одна из наиболее твердых и последовательных программ буржуазного “экономического материализма”»¹¹. Кроме того, он предложил периодизацию дооктябрьского периода научного творчества историка. В дореволюционной деятельности Сыромятникова было выделено два этапа. «Первый, продолжавшийся примерно до 1911 – 1912 гг., характеризуется максимальным напряжением творческих сил историка. <...> Второй период, охватывающий 1912 – 1917 гг., был, в основном, занят общественной деятельностью»¹².

Хронологические рамки исследования не позволили В.А. Муравьеву сколь угодно подробно остановиться на изучении последующего творчества Сыромятникова. Он ограничился лишь замечанием о его стремлении, впрочем, не очень успешном, освоить марксистскую методологию¹³.

В дальнейшем сам термин «экономический материализм», в силу своей определенной искусственности, перестал удовлетворять специалистов. Сравнительно недавно, уже в иных историографических условиях, В.А. Муравьев предложил концепцию так называемой «новой волны историков», в которую включил и Сыромятникова. Под термином «новая волна» В.А. Муравьев понимает генерацию историков, сформировавших свой научный почерк под

влиянием работ В.О. Ключевского. «К Ключевскому и его наследию дифференцировалось два основных типа. Первый – это творчество в русле его исторических построений и попытка развить их собственно в истории, так и, главным образом, на материале смежных с исторической наукой дисциплин (истории права, зачатках исторической психологии и социологии и др.). <...> Но наиболее представительным и ощутимым становится другой тип отношения – критицизм и отход от «старого» позитивизма»¹⁴. Сыромятников автор причислил к первому типу.

В последнее время появилось несколько работ, рассматривающих совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 году, в котором принимал активное участие Сыромятников. С.В. Константинов видел в факте проведения совещания обострение межличностных отношений в среде историков, что отразилось и на критическом характере оценки монографии «Регулярное государство...»¹⁵. В статье Д.Л. Бранденберга и А.М. Дубровского, посвященной источниковедческому исследованию итогового документа совещания историков, кроме всего прочего, проводится анализ ситуации в контексте взаимоотношения власти и исторического сообщества¹⁶. Исследователи пришли к выводу, что совещание в ЦК ВКП(б) было важным этапом возвращения партийного контроля над исторической наукой. Кроме того, полемики Сыромятникова и Б.Д. Грекова коснулась в своей монографии Н.А. Горская. Она категорически настаивала на политической ангажированности выступлений Сыромятникова¹⁷.

Последней работой, посвященной Сыромятникову, стала статья И.Л. Беленького¹⁸. В ней автор не приводит новых фактов жизни историка, не использует он и новых документов. Между тем, им было сделано несколько важных выводов касательно научного творчества Сыромятникова в целом. И.Л. Беленький указал на тесную связь между дореволюционным и советским периодами деятельности историка-юриста.

На этом, по сути, историография темы «Б.И. Сыромятников», не считая ряда упоминаний его имени и работ в различных изданиях, исчерпывается. В целом, вклад Сыромятникова в развитие науки и оценка его исторической концепции не были достаточно проанализированы. Главной причиной этого является то, что труды Сыромятникова рассматривались изолированно друг от друга, не было составлено целостное представление о его научном творчестве; в большинстве случаев не были выявлены, или выявлены неверно, источники его исторических построений. В определении места и роли историка-юриста в

отечественной исторической науке остается актуальным комплексный анализ всего наследия историка, целостное рассмотрение его исторической концепции.

Комплекс источников, прямо или опосредованно относящихся к диссертационному исследованию, в первую очередь, представлен научно-педагогическим наследием Сыромятникова.

Источники, дошедшие до нас непосредственно от Сыромятникова, можно условно разделить на две большие группы. Первую группу составляют опубликованные работы историка. В свою очередь, этот комплекс делится на отдельные издания его трудов, в том числе и литографированным способом, и множество статей и очерков научного и научно-популярного характера, опубликованных в различных периодических изданиях и отдельных тематических сборниках.

Особый интерес представляют два курса лекций, изданные литографическим способом. Первый - освещал эволюцию государственного права России, второй - раскрывал историю русской торговой юриспруденции¹⁹. К ним примыкает пособие по курсу истории государственной власти²⁰.

Для понимания эволюции исторических взглядов ученого немаловажное значение имеют две книги, вышедшие после революции. Первая посвящена развитию русской текстильной промышленности и носит научно-популярный характер. Вторая – идеологии петровского государства²¹. Последнюю предполагалось издать в двух частях, но из-за критических рецензий в советской прессе, вторая часть так и не была опубликована.

К политико-публицистическим работам относится брошюра об Учредительном собрании и политической ситуации в стране в целом²².

Важными источниками являются статьи и очерки. Так, можно выделить статьи, посвященные истории отдельных институтов общества²³, идеологическим доктринам²⁴, истории исторической науки²⁵ и некоторые другие.

Большой интерес представляют статьи, очерки и заметки, опубликованные в Энциклопедическом словаре Гранат. Несмотря на то, что большинство из написанного для этого издания носит научно-популярный характер и не является самостоятельными исследованиями, эти работы позволяют полнее представить взгляды ученого как на отдельные вопросы русского прошлого, так и на исторический процесс в целом.

Важное место в наследии Сыромятникова занимает публицистика, которая, можно сказать, практически не введена в научный оборот. Она сосредоточена в таких периодических изданиях, как газеты: «Век», «Столичная молва», «Русское слово», «Утро России», «Оборона», «Волжско-Камская речь», «Волжский день», «Нижегородский листок», «Вятская речь», «Русские ведомости», «Защита»²⁶. Статьи посвящены актуальным аспектам современной ему действительности, в первую очередь - проблемам образования. Нередко, во избежание преследования со стороны властей, статьи печатались под различными псевдонимами, что существенно затрудняет их поиск. Всего известно несколько псевдонимов, под которыми печатался Сыромятников: 1) Б.И.С.; 2) Б.С.; 3) Бис; 4) Иванович Б.; 5) Сперанский Б.; 6) S²⁷.

Кроме статей, освещавших проблемы «текущего» момента, исследователь опубликовал ряд очерков, касавшихся исторических вопросов²⁸. Изучение публицистической направленности творческой деятельности историка позволяет составить не только представительную картину его общественно-политических взглядов, но и уточнить отдельные моменты его исторической концепции, а также суждения по конкретным проблемам истории.

Неопубликованные источники составляют крупнейшую часть научного наследия Сыромятникова. На ценность и актуальность их научного анализа для разработки истории исторической науки указывали С.Л. Пештич²⁹, В.А. Муравьев³⁰ и А.А. Формозов³¹.

Основной пласт неопубликованных источников находится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в личном фонде Б.И. Сыромятникова (Ф. 366). В составе фонда выписки из исторической литературы, студенческие конспекты, вырезки из газет, подготовительные материалы для написания статей и монографий, научные заметки. Особый интерес представляют неопубликованные монографии историка.

Первым в этом ряду стоит «Введение» к незаконченной докторской диссертации «Происхождение феодальных отношений в древней Руси»³², датированное 1911 годом. Эта работа получила название «Традиционная теория русского исторического развития» и посвящена анализу эволюции русской исторической науки в контексте проблемы изучения феодальных отношений в Древней Руси. Кроме того, существует еще один экземпляр в Собрании отдельных поступлений РНБ (бывшей библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина), несколько экземпляров сохранилось в частных собраниях³³. В данной

диссертации была использована копия рукописи, принадлежавшая И.А. Кудрявцеву.

Значительный интерес представляет до сих пор не введенная в научный оборот монография о правлении Ивана Грозного «Эпоха Ивана Грозного (Из истории борьбы классов и политических идей в XVI в.)»³⁴, датированная 1926 годом.

Особенностью монографических исследований Сыромятникова является их незавершенность. Тем не менее, эти материалы значительно дополняют опубликованное наследие историка.

Сыромятников, являясь историком-правоведом, уделял особое внимание истории законодательства. Подготовленное им фундаментальное собрание юридических памятников было названо «Памятники истории государства и права СССР, комментированные Б.И. Сыромятниковым»³⁵. Несколько готовых томов материалов так и не вышло из печати в связи с конфликтом с Б.Д. Грековым.

К материалам служебно-педагогической деятельности относятся программы курсов, протоколы заседаний университетских кафедр и советов, доклады³⁶. Несмотря на определенную фрагментарность, этот комплекс источников позволяет достаточно полно осветить деятельность Сыромятникова в различных университетских центрах России.

Источниками служебной деятельности Сыромятникова, являются материалы, связанные с работой на посту секретаря и лектора Московского общества народных университетов – одна из ярких страниц его биографии как ученого-просветителя³⁷. В архиве сохранились анкеты слушателей университетов, письма, протоколы и резолюции всероссийских съездов, переписка с провинциальными отделениями общества. Вышеназванные документы представляют интерес не только для изучения темы «Б.И. Сыромятников», но и позволяют глубже раскрыть историю российского народного образования. Для реконструкции работы историка-юриста в указанном образовательном учреждении большое значение имеют «Отчеты о деятельности Московского общества народных университетов», освещавшие деятельность этого общественного института. Отчеты выходили регулярно, что позволяет подробным образом проследить работу МОНУ.

В источниковую базу входят также отзывы и рецензии на монографии, статьи, издания документов по истории Отечества. Они позволяют проанализировать как отношение Сыромятникова к современной ему историографической ситуации, так и уточнить его историческую концепцию, реконструируемую по опубликованным и ненапечатанным трудам³⁸.

Документов личного происхождения (письма, дневники) после Сыромятникова осталось крайне мало, что служит существенным препятствием для реконструкции его биографии³⁹. Отдельные письма Сыромятникова находятся также в фонде М.О. Гершензона⁴⁰. Любопытные материалы были обнаружены в фонде С.В. Бахрушина (Архив Академии наук Ф. 624). В фонде находятся тезисы Сыромятникова к докладам «Проблема рабства в Древней Руси»⁴¹ и «Иван Грозный как политический деятель и мыслитель»⁴², а также отзыв С.В. Бахрушина на монографию «“Регулярное государство” Петра Первого и его идеология»⁴³.

Большой интерес представляют протоколы и резолюции заседания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г., в котором принимал участие и Сыромятников, а также письма А.М. Панкратовой, в которых она дает подробное описание этого мероприятия⁴⁴.

Дополнительными источниками являются воспоминания ученых, живших с историком права в одно и то же время. В данной диссертации были использованы воспоминания Н.И. Кареева и В.И. Вернадского⁴⁵.

Для анализа концептуальных воззрений, методов построения исторического синтеза, решения историком отдельных проблем, а также выявления его места в отечественной историографии как дореволюционного, так и послереволюционного времени, установления источников теоретико-методологических подходов к историческому материалу, были привлечены труды отечественных и зарубежных историков и мыслителей: В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Р.Ю. Виппера, М.Н. Покровского, М.Ф. Владимирского–Буданова, М.А. Дьяконова, С.Ф. Платонова, С.В. Бахрушина, М.М. Ковалевского, П.Г. Виноградова, А. Фримена, К. Маркса, а также ряда других историков и философов.

В ходе историографического исследования автор в полной мере учитывал современные исследования в области истории исторической науки. В работе использовались труды, рассматривающие общие тенденции развития отечественной историографии⁴⁶, исторические взгляды отдельных ученых⁴⁷, школы и направления⁴⁸, некоторые другие проблемы.

В ходе анализа научной биографии Сыромятникова автор учитывал, что развитие исторической мысли является частью развития общемирового интеллектуального процесса, где в тесной связи находятся исторические науки и другие научные дисциплины, формирующие целостную научную картину мира в изучаемый период. На формирование мировоззрения ученого-историка, становление его научных взглядов, убеждений и предпочтений, влияет общекультурная ситуация эпохи. При объяснении тех или иных историографических проблем учитываются и личные особенности исследователя. Отдельные черты характера, его мировоззренческие установки, жизненный опыт оказывают заметное влияние на его исторические взгляды, придают им значительный индивидуальный оттенок.

Таким образом, при анализе целостного и непрерывного процесса эволюции исторической науки через творчество конкретного историка учитывается воздействие всех факторов, оказывающих влияние на формирование его историко-философской позиции.

Для решения поставленных задач применяется комплексный методологический подход, который предполагает использование методологии всех уровней: философского, специально-научного и конкретно-проблемного.

Изучение научного наследия Б.И. Сыромятникова позволит полнее представить процесс развития отечественной историографии в первой половине XX века. Рассмотрение его общественной деятельности может способствовать более детальному изучению основных тенденций общественной эволюции в начале XX века.

II. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА

Борис Иванович Сыромятников родился 4 октября 1874 г. в семье земского врача, выходца из известной московской купеческой семьи. В 1895 г. Сыромятников поступил на юридический факультет Московского университета. Молодой человек попал в благоприятную научно-педагогическую атмосферу. Среди тех, кто учился на факультете одновременно с Сыромятниковым, были впоследствии известные ученые С.И. Викторский, М.Н. Гернет, Н.Н. Полянский. На факультете преподавали такие крупные специалисты в области права, как Ю.С. Гамбаров, Г.Ф. Шершеневич и другие.

Несмотря на то, что на юридическом факультете были собраны выдающиеся преподаватели и ученые, истинным своим учителем Сыромятников считал В.О. Ключевского, заветам которого в науке следовал всю жизнь. В архиве сохранились старательные конспекты основных работ Ключевского⁴⁹. Кроме того, будущий историк интенсивно изучал работы И.Е. Забелина, А.П. Пригары, Н.А. Рожкова, Б.Н. Чичерина, Н.И. Костомарова, В.С. Сергеевича, М.Ф. Владимирского-Буданова и многих других историков и правоведов⁵⁰.

Большинство преподавательского состава придерживалось либеральных взглядов, всячески стараясь привить подобное мировоззрение и своим студентам. Их идеи находили благодатную почву. Противоречия, пронизывавшие российское общество, и неспособность правительства их решить, подталкивали учащуюся молодежь к оппозиционным настроениям, нередко более радикальным, нежели взгляды самой профессуры.

Уже в годы обучения в университете Сыромятников отличался активной общественной позицией. В своей автобиографии, написанной в 1938 г., он упомянул о том, что принимал деятельное участие в студенческих сходках и был в 1899 г. на некоторое время выслан в Рязань, а затем в Казань⁵¹. Однако, вскоре он вернулся в Москву. В 1900 г. будущий историк успешно окончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию⁵².

Необходимой квалификационной работой для поступления в магистратуру стал его реферат «Краткий очерк литературных мнений по вопросу об удельном периоде древней Руси»⁵³. Он был посвящен историографическому обзору изучения удельного периода русской истории в отечественной исторической науке. В очерке молодой ученый в достаточно критичной форме проанализи-

ровал взгляды своих предшественников на так называемый удельный период. Характерной чертой историографии по данному вопросу, с его точки зрения, являлось отсутствие более или менее единого мнения среди исследователей. Причиной такого положения вещей стало «отсутствие какой-либо руководящей философско-исторической идеи, которая смогла бы внутренне объединить и дать надлежащее объяснение и самому материалу и его группировке»⁵⁴. Главный вывод автора: ни одному историку так и не удалось по настоящему выделить удельную Русь в особый, уникальный период истории, не говоря уже о том, чтобы адекватно раскрыть его содержание.

Критичность высказываний по отношению к авторитетным представителям исторической науки России, видимо, вызвала возражение у комиссии. Сохранилось письмо Сыромятникова к неизвестному лицу, очевидно, члену комиссии, в котором он извинялся за резкость тона и временами необъективную оценку отдельных концепций, но от основных выводов не отказался⁵⁵. Несмотря на некоторые замечания, работа была принята, а экзамены успешно сданы.

После сдачи экзаменов для получения права преподавать в университете были прочитаны две пробные лекции: «Общественные классы в древней Руси»⁵⁶ и «Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств»⁵⁷.

В первой работе Сыромятников рассматривал правовое положение различных категорий населения Киевского государства сквозь призму социально-экономических отношений. Исследователь пришел к выводу, что Древняя Русь – это общество с четко прослеживающейся классовой структурой: «Древнерусское общество на первой же странице своей истории выступает перед нами со всеми признаками классовой организации. Общественные силы его уже специализированы, они комбинируются не только по принципу сотрудничества, но и подчинения»⁵⁸.

Следующая лекция была посвящена эволюции высших правительственных учреждений. История учреждений прослеживалась с XVI века. Лейтмотивом эволюции отечественной административной системы, по мнению Сыромятникова, являлась борьба коллегиального и министерского (единоначального) принципов управления. Неэффективность первого, порождавшего бюрократическую волокиту, предопределила победу последнего. Главным источником развития правительственных учреждений являлась их практическая деятельность. Именно под давлением обстоятельств, порожденных практикой, про-

исходила модернизация управления и механизмов принятия решений. Таким образом, трансформация высших органов управления – процесс во многом стихийный, а не результат правительственной воли. В большинстве же случаев государство, не понимая стоящих перед ним задач, своими мероприятиями расстраивало всю структуру, как это было в случае с Петром I, чьи коллегии оказались неадекватны требованиям времени⁵⁹.

Уже в этих ранних работах можно четко уловить исследовательский почерк историка. Его характерными чертами были: внимание к социально-экономическим вопросам в трактовке правовых норм и институтов; следование принципу историзма в анализе материала; скептическое отношение к деятельности самодержавной власти и уверенность в неспособности такой системы управления эффективно решать возникающие проблемы. В отличие от представителей историко-юридической школы он рассматривал не только законодательный замысел, но и реальное функционирование государственных учреждений.

Успешное прохождение испытаний, согласно тогдашним правилам, позволявшим замещать педагогические должности без защиты диссертации, способствовало приглашению Сыромятникова в качестве преподавателя в Московский университет на должность приват-доцента. Он был оставлен работать на кафедре государственного права в качестве специалиста по истории русского законодательства⁶⁰.

Благодаря широко распространенной практике отправки наиболее перспективных молодых ученых в научную командировку за границу, Сыромятников совершил в 1903 – 1905 гг. поездку в Европу, где проходил стажировку во Франции, в Париже и Дижоне, а также посетил Берлин. Сохранился подробный отчет самого Сыромятникова о времени, проведенном во Франции⁶¹. Основной задачей историка было «изучение сравнительной истории права и истории французского права, существовала также специальная задача – изучение феодальных учреждений»⁶². Кроме этого, большой интерес вызвала организация архивного дела во Франции, основные принципы которой Сыромятников предлагал применить и в России. Он даже ратовал за введение курса архивоведения для юристов, поскольку, по его мнению, это значительно повысит эффективность их работы как практикующих специалистов.

Во Франции Сыромятников познакомился с новейшими достижениями историко-правовой науки в Западной Европе. Он неоднократно встречался и вел беседы с известным историком средневекового права Э. Глассоном, который

занимал пост декана на факультете права Сорбонны. Кроме личных встреч с ведущими учеными Сыромятников значительное время посвятил работе в архивах и библиотеках. В личном фонде Сыромятникова сохранились многочисленные конспекты трудов немецких и французских историков, правоведов и философов⁶³. Главной задачей командированного было изучение сравнительно-исторического метода. В широком применении сравнительного подхода историк видел выход для русской науки, которая, по его мнению, находилась в кризисе.

По возвращении из заграничной командировки Сыромятников продолжил работу в Московском университете. С 1906 г. он преподавал в Константиновском Межевом институте на кафедре истории русского права землевладения, где и проработал до 1922 г., получив должность экстраординарного профессора. В Межевом институте им был прочитан курс по истории русского государственного права, изданный литографическим способом в 1909 году⁶⁴. Кроме преподавания Сыромятников занимал должность секретаря университетского совета⁶⁵.

В 1907 г. Сыромятникова пригласили вести занятия на Высших женских юридических курсах⁶⁶. С 1908 г. историк начал преподавать в Московском коммерческом институте, читая курс по истории русской торговли и русского торгового права. Курс был издан в литографическом виде в 1916 году⁶⁷.

Бурные события первой русской революции не обошли стороной и Сыромятникова: он начал принимать деятельное участие в общественной жизни страны, завел знакомства не только среди ученых и историков, но и среди творческой интеллигенции. Его друзьями были М.О. Гершензон, В.Ф. Ходасевич⁶⁸.

К тому времени Сыромятников уже имел устойчивое мировоззрение и четкую политическую позицию. По его мнению, Россия должна была пройти тот же путь развития, что и Европа, выработать те же институты управления, что и западные демократии, тем самым окончательно присоединившись к европейской семье народов.

С 1905 г. Сыромятников стал активно сотрудничать в газете «Русское слово», издававшейся товариществом И.Д. Сытина и явно сочувствовавшей партии конституционных демократов. Его статьи появляются в других кадетских изданиях, таких как газеты «Век», «Столичная молва», а также в ряде провинциальных печатных органах⁶⁹. С 1906 г. Сыромятников неоднократно печатал-

ся в газете Рябушинских «Утро России», посещал «экономические беседы» в их доме⁷⁰.

В это же время Сыромятников начал изучение русского революционного движения⁷¹. В некоторых статьях он наглядно показал свою позицию и по поводу Первой русской революции.

Признавая закономерность происходящего, ученый категорически не принял подпольных методов борьбы, террора. Данная черта современного ему революционного движения, по его мнению, берет свое начало во второй половине XIX века. Подобные формы революционной деятельности рано или поздно, по убеждению Сыромятникова, должны будут сойти со сцены, уступив место борьбе в рамках конституционного строя и парламентской демократии, как это произошло в Западной Европе. «Революционное движение, выбившееся наружу и открыто выступившее на арену политической борьбы, не могло сразу отказаться от старой традиции того революционизма, который оно воспитывало в себе десятками лет. Эта революционная традиция, революционный «обычай», развившийся в душной атмосфере «подполья», становится теперь одним из факторов, сильно влияющих на тактику и идеологию современного революционного движения, сообщая последнему утопический и особенно боевой порядок. Мы не сомневаемся, однако, что в самом непродолжительном времени эта революционная традиция встретит такой же энергичный отпор со стороны русских «революционных партий», какой, например, уже встретила со стороны западно-европейской социалистической партии старая революционная традиция XVIII века, с ее верой в силу героических средств («политического восстания», террора). Это, безусловно, обрекает ее на жестокое развенчание и смерть»⁷². Причиной отмирания вышеизложенных форм революционной борьбы является их неэффективность в силу того, что никакими действиями, даже самыми героическими и радикальными, невозможно изменить ход истории. Таким образом, по убеждению Сыромятникова, для установления какого-либо общественного порядка, необходима готовность общества⁷³. «Современная революция, которую переживает Россия, вне всякого сомнения, есть революция либеральная», - писал он. Для дальнейшего общественного развития, будь то социализм, к которому Сыромятников, судя по всему, испытывал определенные симпатии, или что-то иное, необходимо, чтобы общество остановилось и закрепило, а затем и развило те завоевания, которые были достигнуты в ходе Первой русской революции. Он был категорически не согласен с теми революционерами, которые призывали, не ос-

танавливая революционного процесса, перейти к утверждению социализма: «Они самую эту революцию хотели сделать орудием дальнейших завоеваний, а потому их революционизм является надисторическим, беспочвенным. Они забывали, что революция является эпилогом революционного процесса, длящегося иногда веками»⁷⁴.

В начале XX века в России, как и в других европейских странах, велись активные поиски таких организационных форм образования, которые позволили бы сделать его в максимальной степени доступным широким слоям населения. Насущные потребности общества в образовании и стремление широких слоев к повышению своего культурного и социального статуса нашли отклик в среде образованнейших людей того времени.

Решение «университетского вопроса» признавалось не терпящим отлагательства не только по строго научным или социальным мотивам; важную роль в его актуализации сыграли напряженные отношения между высшими учебными заведениями и министерством народного просвещения. Недальновидные действия правительственных чиновников обусловили известную радикализацию «университетского вопроса».

Русские историки не остались в стороне от повсеместно проводящихся опытов организации общедоступного, в конечном итоге, «свободного», негосударственного образования. Среди тех, кто преподавал не только в университете, но и в образовательных учреждениях для широких масс, были известные в русском обществе и авторитетные в научной среде А.А. Кизеветтер, П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков, А.Е. Пресняков, А.К. Дживилегов и многие другие.

В лекционных курсах для широкой публики излагался не только соответствующий фактический материал; слушатели получали представление о взглядах профессора на современную действительность, его политических идеалах.

Среди тех, кто отдал немало сил и энергии делу общедоступного образования, был и Сыромятников.

В 1905 г. Сыромятников принимал участие в создании Академического союза – объединения либерально настроенных преподавателей высших учебных заведений. Эта профессионально-общественная организация начала свое фактическое существование после появления «Записки о нуждах просвещения», подписанной 342 работниками высшей школы и опубликованной 20 января 1905 г. В ней деятели науки высказали убеждение, что главный двигатель соци-

ально-экономической модернизации страны – это народное просвещение. Учредительный съезд Академического союза состоялся 26 – 28 марта 1905 года. Исследователи характеризуют программу союза следующим образом: «Состояние, насущные нужды и судьбы, находящейся в «самом жалком положении» школы всех ступеней - от низшей до высшей - они ставили в прямую связь с необходимостью «полного и коренного преобразования современного строя России» на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законодательной власти и контроля над действиями администрации»⁷⁵. Объединение декларировало не только задачи реформирования учебных заведений путем предоставления им большей автономии, но также выдвигало и политические лозунги. «Свободный университет в свободной стране» – таким было основное требование организации. Союз просуществовал до 1906 г. и распался, как об этом свидетельствовал Н.И. Кареев, из-за политических разногласий: «Одним из результатов Академического союза было более резкое, чем ранее, разделение профессуры на правую и левую»⁷⁶. За время существования Союза историк-правовед неоднократно избирался делегатом от Московского университета на съезды организации⁷⁷.

Летом 1905 г. на совместном съезде земцев-конституционалистов и второго делегатского съезда Академического союза была выдвинута идея о создании принципиально нового для России образовательного учреждения, которое могло бы привлечь в свои аудитории не только выходцев из образованных и обеспеченных слоев населения, но и простых рабочих и служащих. Съезд выступил за «осуществление идей высшей вольной школы, за создание такого учебного заведения, которое, не будучи связанным ни правительственными требованиями, ни обязательной программой преподавания, отличалось бы по сравнению со школой государственной большей подвижностью, вводя новые методы преподавания»⁷⁸.

На реализацию идеи были получены деньги от Московского литературно-художественного кружка (10 000 р.) и столько же от Немецкого клуба. Было образовано Временное бюро по организации народного университета в составе профессоров А.С. Алексеева, Н.Д. Зелинского, И.А. и Н.А. Каблуковых, В.К. Рота, приват-доцентов А.Н. Реформаторского и Сыромятникова. 25 февраля Сыромятников был избран секретарем Временного бюро⁷⁹. В марте только что созданное учреждение начало свою работу⁸⁰. Изложенные события послужили началом существования Московского общества народных университетов

(МОНУ). Таким образом, Сыромятников выступил одним из основателей Общества народных университетов.

Народные университеты стали заметным событием в культурной жизни до-революционной России, превратившись в визитную карточку либерального просветительского движения. Основное их отличие от классического учебного заведения заключалось в том, что народный университет не давал систематического образования. Обучение проходило в форме лекционных циклов, носящих популярно-просветительский характер, и рассчитанных на неподготовленную публику. Занятия проходили по вечерам, после окончания рабочего дня. Такая система позволяла простым людям, не имевшим ни средств, ни времени для обучения в обычном университете, не отрываясь от работы получать интересующие их знания. Предложенная форма обучения оказалась очень популярной у заводских рабочих. Так, если весной 1906 г. на 63 лекциях побывало чуть более 15,5 тыс., то в 1906/07 учебном году на 302 лекциях присутствовало 215 тыс. человек⁸¹. Весь груз организации лекционного процесса ложился на Сыромятникова и О.Е. Сабину, в обязанности которых входил поиск и приглашение преподавателей. Сыромятников встал во главе лекционно-организационного отдела⁸².

Сыромятников начал активно участвовать в преподавательском процессе, совмещая работу лектора с должностью члена правления. За несколько лет он объездил с публичными лекциями всю европейскую часть России.

Заметную роль сыграл Сыромятников и на «Первом всероссийском съезде Общества народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы», проходившем в Санкт-Петербурге 3 – 7 января. На этом съезде Сыромятников сделал доклады: «Народный университет как очередная задача нашего времени», «О внутренней организации Народного университета», «О характере и научном уровне чтений в Народном университете» и «Деятельность Московского общества народных университетов»⁸³. Сыромятников был избран председателем 1-ой секции, на которой обсуждались важнейшие принципы организационной деятельности университетов. В работе съезда принимали участие не только деятели просветительного движения, но и профсоюзные организации, имевшие непосредственное отношение к основному контингенту слушателей народных университетов – заводским рабочим.

В ходе проведения заседания возникла дискуссия, связанная с фундаментальным принципом деятельности народных университетов, – общедоступностью для всех слоев населения. Во время заседания известная участница революционного движения А.М. Коллонтай, потребовала значительного усиления роли профсоюзов в работе народных университетов, переориентации их деятельности исключительно на городской пролетариат. Учитывая то, что в профсоюзах были очень сильны левые, антиправительственные настроения, это неминуемо привело бы к политизации преподавания, вливанию значительной пропагандистской струи в деятельность организации. С предложением категорически не согласился Сыромятников, убежденный сторонник деполитизации образования. Как председатель секции, он отклонил предложение Коллонтай. В ответ на это профсоюзная делегация почти полностью покинула заседание. Оставшаяся часть выдвинула вопрос о компетентности бюро, который председатель попытался заблокировать, но после давления членов съезда, он снял с себя полномочия и удалился⁸⁴. Так, со скандалом, закончилось заседание.

В статье, освещавшей деятельность съезда, Сыромятников, подводя итоги и посетовав на некоторую неорганизованность мероприятия, все же подчеркнул его важность для дальнейшего развития российского просвещения. Не преминул автор коснуться и инцидента, произошедшего на заседании, возглавляемой им секции, дав решительный отпор сторонникам политизации народных университетов. «Стремление использовать народные университеты в интересах той или иной общественной группы, конечно, должно было неизбежно ввести в просветительскую сферу элемент розни, который должен или привести к разложению учреждения или же превратить это учреждение в партийную организацию»⁸⁵, - утверждал автор.

Кроме чтения лекций и административной работы Сыромятников большое внимание уделял популяризации идеи народных университетов в печати. В своих работах, освещавших работу университетов, историк-просветитель представил целостное понимание задач деятельности и принципов развития учреждения. С его точки зрения, народный университет является абсолютно новой формой организации образовательного процесса. Появление нового органа образования Сыромятников связывал с процессами демократизации общества и эмансипации отдельно взятой личности, ускорившимися в России в связи с событиями Первой русской революции: «Вовлеченная в общее движение масса народа особенно остро почувствовала свою трагическую беспомощность перед лицом новых жизненных явлений. <...> Призванный ис-

торией к самостоятельной гражданской жизни, он [народ - В.Т.] должен был, прежде всего, сознать, что на открывшемся для него новом пути ему не удастся сделать ни одного самостоятельного шага, пока не спадет с его глаз завеса, скрывающая от него источник света и знаний»⁸⁶. Но, несмотря на социально-политические истоки стремления народных масс к образованию, все же в учебных заведениях, по убеждению Сыромятникова, не должно быть политики: «Политика привела его [народ - В.Т.] в аудиторию Народного университета, но не для «политики» пришел в эту аудиторию. Ошеломленный зрелищем великой исторической драмы, тайный смысл которой был от него сокрыт, он понял только одно – глубину своего невежества»⁸⁷. Народный университет – организация, несущая исключительно просветительские функции, далекие от злобы дня. Исходя из этого, целевая аудитория университета не могла ограничиваться какой-либо одной социальной прослойкой, ориентируя просветительскую деятельность университетов на все слои населения⁸⁸. Такая разношерстная аудитория, нередко полуграмотная, неподготовленная, и определяла стиль преподавания, вынуждая лекторов читать курсы на общедоступном языке, по возможности избегая ученые и иностранные слова. Учитывая все это, Сыромятников отводил народным университетам положение между начальным образованием и высшим, подчеркивая то, что они не скованы обязательной программой, что позволяет им более оперативно отвечать на запросы слушателей. По его мнению, «единственная задача университета – распространение знания, а не обучение»⁸⁹.

Несмотря на отрицание связи образования с политикой, просветительские взгляды Сыромятникова теснейшим образом были связаны с его общественно-политической позицией. Либерал-западник по своим убеждениям, он считал, что для нарождающегося в России общества западного типа, необходима эмансипированная, образованная личность, способная не только осмыслить свое место в мире, но и настойчиво бороться за свои права. Задачу народных университетов ученый видел именно в помощи людям в осознании своей личности, способности быть активными членами социума.

Политическую окраску лекций прекрасно понимали и представители надзирающих органов. Так, были запрещены курсы Сыромятникова, посвященные истории местного самоуправления⁹⁰.

Параллельно с работой в Московском обществе народных университетов, Московском университете и ряде других вузов Москвы, Сыромятников про-

должал написание докторской диссертации по проблеме существования феодальных отношений в Древней Руси. Работу над ней историк начал еще в период стажировки за границей⁹¹. В 1906 г. была опубликована первая глава⁹². К 1911 г. он закончил первую часть, представлявшую собой фундаментальный историографический очерк, из которого до нас дошло 416 страниц. Диссертация уже была в наборе, когда разразился конфликт между преподавателями Московского университета и министром народного просвещения Л.А. Кассо. В своде правил от 27 августа 1905 г. университеты получили право выбора ректора, а положение от 14 сентября 1906 г. упраздняло должность инспектора студентов. Фактически университет получал значительную автономию. Но вскоре назначенный министром народного просвещения Л.А. Кассо, следуя духу времени, постепенно берет курс на ущемление прав высшей школы, полученных под давлением революционных событий. В 1911 г. последовало распоряжение министра об увольнении членов университетского президиума Московского университета: профессоров А.А. Мануилова, М.А. Мензбира и П.А. Минакова, протестовавших против вмешательства во внутреннюю жизнь университета. В знак солидарности прошение об увольнении подало огромное количество сотрудников университета⁹³. Среди них был и Сыромятников. Этот шаг на определенное время поставил крест на дальнейшем пребывании ученого в Московском университете, не говоря уже о том, что фактически был погублен труд многих лет жизни: книга о феодальных отношениях так и не увидела свет. Впоследствии, в своей автобиографии, историк писал: «Я не имел уже возможности на свои средства возобновить ее печатание, тем более что прошло уже несколько лет с ее написания»⁹⁴.

После ухода из Московского университета, Сыромятников сосредоточил свою работу в Обществе народных университетов, где в 1912 г. был избран товарищем председателя. В 1914 г. он занял пост председателя общества. На этой должности он находился вплоть до самого конца существования Московского общества народных университетов, которое было закрыто в 1918 году. С 1910 г. историк преподавал в университете А.А. Шанявского⁹⁵, тесно сотрудничавшего, но не входившего в структуру МОНУ.

В условиях возрастающих потребностей в образовании со стороны не только жителей крупных городов, но и провинции, Сыромятников активно пропагандировал идею передвижных лекторских бюро, способных охватить широкие слои населения, проживающие в разных регионах империи. Ему самому

неоднократно приходилось читать лекции перед самой разной аудиторией. В том числе и перед неграмотными крестьянами, о чем он не без гордости рассказывал в одной из своих статей⁹⁶. Такие мероприятия сформировали у него стойкое убеждение в том, что необходимо наладить интеллектуальные контакты между столицами и провинцией, тем самым сгладив культурную пропасть между ними⁹⁷.

Одновременно с лекторской и организационной деятельностью Сыромятников продолжил публикацию трудов, носивших образовательный характер. Так, в учебной книге для чтения по мировой истории, составленной П.Г. Виноградовым, Сыромятников поместил два очерка по проблемам исторического развития России⁹⁸.

В качестве учебного пособия для слушателей народных университетов была напечатана брошюра, целью которой было помочь неспециалисту сориентироваться в печатной продукции, касавшейся истории российского права. Кроме того, в работе, в кратком виде было изложено видение самим автором процесса развития отечественной истории государства и права⁹⁹. На издание появилась рецензия В.А. Мякотина. В ней автор указывал на пользу подобных изданий, имеющих целью помощь в самостоятельном образовании. Но рецензент отмечал неполноту библиографического указателя и обзора, считая, что «последний является лишь изложением в весьма категорическом тоне взглядов самого г.Сыромятникова, кое в чем значительно расходящихся с общепринятыми в русской исторической науке»¹⁰⁰.

Наравне с просветительской деятельностью продолжалась и исследовательская работа. Несколько научных статей¹⁰¹, принадлежавших Сыромятникову, были опубликованы в печати. Наибольшего внимания заслуживает работа о «Наказе» П.И. Пестеля¹⁰².

Интерес исследователя к декабристам протекал на фоне все возрастающего внимания исторического сообщества к данной проблематике. Причиной этого было обострение отношений власти и общества, подъем революционного движения и, как следствие, обращение историков к изучению истоков антицаристского движения в России. Еще одним катализатором интереса к истории декабристского времени было снятие грифа секретности и обнародование целого ряда ранее недоступных документов, непосредственно касавшихся восстания 14 декабря 1825 года. С актуальности исследования начинается свою статью и Сыромятников: «В условиях исторического момента, переживаемо-

го ныне Россией, жертвы восстания и заговора 14 декабря с их надеждами и идеями, понятным образом, должны были вновь привлечь к себе общественное внимание и как бы возродиться в политическом сознании освободительной эпохи. Так, декабристы сделались близки возмущенной русской действительности. <...>¹⁰³. Несмотря на складывающийся в общественном сознании ореол мучеников, Сыромятников постарался критически подойти к проблеме. Объектом анализа стали политические идеи Пестеля, изложенные в «Наказе» («Русской правде»). Автор подчеркивал связь движения декабристов и идей Просвещения. В понимании историка, они были «сыновьями» XVIII в., на идеалах которого были воспитаны. Их деятельность была завершающим этапом эволюции общественно-политических движений, основанных на рационализме и радикализме уходящей эпохи. В наиболее яркой форме эти идеи получили воплощение в политической доктрине Пестеля. «Пестель рационалист чистой воды. В своих построениях идеального государства он исходит из популярнейших предпосылок философии просветительной эпохи»¹⁰⁴, - замечал автор. Тщательно проанализировав сущностные характеристики политической программы, историк-юрист пришел к выводу, что в своих построениях лидер Южного общества не ушел дальше характерного для XVIII в. идеала «полицейского государства» - общественной системы, в которой все поставлено на службу государственной машине, действующей, якобы, в интересах общества. Пестель, борясь против самодержавия, сам закладывал предпосылки для возрождения основных принципов абсолютизма. «Республика Пестеля, воздвигнутая на развалинах монархического принципа, в основе своей, таким образом, сохранила все предпосылки абсолютизма, а потому и вылилось, в конечном итоге, в типические формы полицейского государства»¹⁰⁵, - заключил исследователь. Таким образом, в понимании историка, декабристы не открыли новой эпохи, а лишь подвели черту под предыдущим периодом русской истории.

С 1913 г. ученый начал активно сотрудничать с издательством Гранат, приступившим к изданию своего известного энциклопедического словаря¹⁰⁶. В общей сложности, за время сотрудничества историк написал около пятидесяти статей, заметок и очерков на различные темы, связанные с историей русского права, политической историей, биографиями известных государственных, общественных деятелей и ученых¹⁰⁷.

В 1915 г. вышел большой очерк, написанный для юбилейного издания, посвященного пятидесятилетию судебной реформы¹⁰⁸.

Начало Первой мировой войны существеннейшим образом отразилось и на Сыромятникове. Он, как и подавляющее большинство тогдашнего российского общества, испытывал патриотический подъем, призывая к объединению всех сил для скорейшей победы. С его точки зрения, несомненным инициатором военных действий являлась Германия, чьи агрессивные действия вынудили страны Антанты защищаться. Выступил он и против немецкого засилья в российской экономике. Но у Сыромятникова популярная в то время пропагандистская риторика приобрела несколько неожиданный ракурс. Он рассматривает зависимость от немецкой промышленности как следствие культурной отсталости России. «Немецкое засилье – в конечном счете – не что иное, как наша собственная культурная немощь. И действительно, наша промышленность спит, многомиллионный народ пребывает во «власти тьмы» и безграмотности»¹⁰⁹. Выход из сложившейся ситуации один – дальнейшая демократизация образования, его распространение, доступность для широких слоев населения.

Не обошел своим вниманием историк и боевые действия против Турции. Однако, здесь его выступления в печати не отличались особой оригинальностью. Он обосновывал историческое право Российской империи на владение как проливами Босфор и Дарданеллы, так и Константинополем, изображая Россию как исторического защитника Европы от османской агрессии¹¹⁰.

Под влиянием войны существенно изменилась и тематика публичных лекций в народных университетах и в провинции. Сохранились программы его выступлений, свидетельствующие о присутствии значительного проантантовского пропагандистского компонента в просветительской деятельности. Например, в планах чтений на 1915–16 гг. были заявлены следующие темы:

- Для чего нужно продолжать войну?
- Война и Ближний Восток.
- Война, культура и народное просвещение.
- Народный дом и его культурное значение.
- Международное право и война.
- Мировая война и мировая культура.
- Немецкая культура и немецкие варварства.
- Право как элемент культуры.
- Самоуправление и государственный строй¹¹¹.

С изменением ситуации и поворотом от патриотической эйфории к критике правительственных действий появлялась новая тематика. Например, в лекционном плане на 1916–17 гг. кроме указанных тем можно найти и такую, как «Ответственное правительство»¹¹² - популярный лозунг, выдвинутый Государственной думой. Вообще же, по мере роста разочарования в политике правящего режима, выступления Сыромятникова в печати становятся все более критичными¹¹³.

В 1917 г. Сыромятников снова возвратился к работе на юридическом факультете Московского университета. С приходом Февральской революции были сняты многие барьеры, возникшие в связи с деятельностью царского правительства. В официальном письме от 29 апреля говорилось, что было решено «принять в число приват-доцентов сего Университета без обычных формальностей, по простым заявлениям, всех тех лиц, которые сложили с себя звание приват-доцента в связи с событиями 1911 года»¹¹⁴. Под это решение попадал и Сыромятников, который вернулся в университет. Впрочем, его пребывание там оказалось недолгим в связи с началом Октябрьской революции и последовавшими за этим событиями.

Наступившую Февральскую революцию Сыромятников встретил с воодушевлением. Несмотря на то, что, по его убеждению, Россия переживала великий этап в своей истории – этап, который закончится кардинальным переустройством всей общественной системы – историк считал, что подобные явления не новы, и русское общество лишь проходит тот же путь, что и развитые страны западного мира. «Россия в настоящий момент, как страна исторически более молодая, со значительным запозданием, переживает то же самое, что пережили в свое время другие нации в соответствующий революционный период борьбы со старым самодержавным государством, на место которого они поставили государство «правовое» или – говоря иначе – государство народоправное, демократическое», - писал Сыромятников¹¹⁵.

Убежденность в неизбежности западного пути для России теснейшим образом связана с историческими взглядами ученого, считавшего, что законы истории для всех одинаковы. В этой связи необходимо внести некоторую ясность в сложившиеся представления об историко-политических взглядах ученого. Так, высказывалось мнение, что «исторический процесс [с точки зрения Сыромятникова – В.Т.] стремится, в конечном счете, к определенному идеалу общественного устройства – к капитализму в тех формах, в каких он установил-

ся в Западной Европе»¹¹⁶. В приведенном отрывке взгляды историка сильно упрощаются. На самом деле, Сыромятников видел в буржуазно-капиталистическом государстве не конечный идеал, а лишь необходимый этап развития человеческого общества. В одной из его статей, еще периода Первой русской революции, можно найти следующее высказывание: «Мы далеки от мысли, чтобы провозгласить либеральную конституцию¹¹⁷ «конечной целью» прогрессивного развития русского общества. Мы видим в ней лишь необходимый этап, через который неизбежно должна пройти Россия»¹¹⁸.

Конкретным механизмом для перехода от самодержавной монархии к буржуазно-демократической республике, по мысли Сыромятникова, должно было стать Учредительное собрание. Исходя из этого, роль Временного правительства виделась ему в основном в подготовке к выборам во всероссийский представительный орган. Переходный период, символом которого являлось Временное правительство, Сыромятников считал опасным явлением, грозившим негативной деформацией всего государственного механизма. Поэтому единственный представлявшийся ему выход из сложившейся ситуации – скорейший созыв Учредительного собрания, с помощью которого можно было бы обсудить и выработать стратегии решений наиболее острых вопросов, придав принятым решениям легитимный статус¹¹⁹.

Но мечтам историка о правовом, демократическом государстве не суждено было сбыться. Прогнозы Сыромятникова опровергла наступившая Октябрьская революция. Эти события, а также нарастающая разруха и анархия в стране послужили причиной все большего разочарования в революции со стороны историка. В то же время, он начал чувствовать ответственность за произошедшее и того слоя общества, принадлежностью к которому раньше всегда гордился, – интеллигенции. В неопубликованной статье «Трагедия русской интеллигенции» мы находим следующие мысли: «Анализируя события и ход русской революции, и ее роковые итоги, приходится с тяжелым чувством признать, что, родив прекрасное дитя свободы, она разрешилась безобразным выкидышем анархии»¹²⁰. Причину этого ученый находил в неспособности интеллигенции повести за собой народные массы, в ее оторванности от простых людей, непонимание их устремлений и надежд. В ответ на это простые люди стали «чуждыми и даже враждебными интеллигенции»¹²¹.

Несмотря на разочарование в способности либерального правительства вывести Россию из кризиса, Сыромятников категорически не принял и больше-

вистскую власть. Особенное неприятие вызывали попытки кардинально реформировать образование. Он писал: «Одновременно с гонениями на независимую науку и автономную высшую школу, советская власть выкинула знамя «демократизации» науки и академической школы, попытавшись противопоставить научной школе как таковой, университету, классовую или так называемый “пролетарский университет”»¹²². Достаточно вспомнить об убеждении ученого-просветителя во внесословности и надклассовости образования, как становится очевидной причина его возмущения. Взгляды Сыромятникова на развитие образования кардинальным образом не совпадали с курсом большевиков на усиление пролетарской составляющей образовательных учреждений. Для историка аудитория университета была не ареной классовых битв, а храмом знаний.

Из-за вышеизложенной точки зрения и противодействия попыткам пролетаризации высших учебных заведений, а также в связи с закрытием юридических факультетов и образованием факультетов общественных наук (ФОНов), Сыромятникова, видимо, и уволили из Московского университета. На верность этого предположения указывает и донос в Рабоче-крестьянскую комиссию, поступивший в 1928 году. В нем писалось, что историка изгнали из университета после Октябрьской революции за антисоветские взгляды¹²³. Подобный факт Сыромятников, понятное дело, впоследствии отрицал.

О том, как Сыромятников прожил последовавшие за революцией годы гражданской войны и разрухи, известно крайне мало. Он не уехал из страны, хотя у него были связи за рубежом, а попытался продолжить научную и преподавательскую деятельность в условиях советского режима. После увольнения из Московского университета, Сыромятников получил должность декана Общественно-философского отделения университета А.Л. Шанявского. Здесь он проработал вплоть до 1921 года. После закрытия народного университета, остро нуждаясь в средствах, Сыромятников принял предложение преподавать в Иваново-Вознесенском политехническом институте (ИВПИ). В то время в ИВПИ сложилась уникальная ситуация. В связи с закрытием юридических факультетов в ведущих университетах страны, к преподаванию на социально-экономическом факультете этого учебного заведения удалось привлечь цвет русской исторической и юридической науки. Среди приглашенных были В.М. Гессен, Б.В. Александров, А.Л. Соболев, А.А. Кизеветтер и Сыромятников¹²⁴. 4 октября 1921 г. его избрали ординарным профессором по кафедре социологии с правом быть «наезжающим», то есть преподавателем, не проживающим

постоянно в Иваново-Вознесенском¹²⁵. Впрочем, преподавательская карьера историка-правоведа в ИВПИ была непродолжительной. Сложная финансовая ситуация в университете повлекла за собой невозможность оплачивать проезд «наезжающим» работникам факультета. В связи с этим, 14 января 1922 г. Сыромятников был уволен, а через некоторое время и сам факультет прекратил свое существование¹²⁶.

После ухода с работы из ИВПИ Сыромятников был вынужден подрабатывать в различных организациях. В архивах сохранились отрывочные упоминания о его работе в Межевом институте, где с 1923 г. он начал читать курс по историческому материализму¹²⁷. С 1922 г. Сыромятников приступил к преподаванию на одном из рабфаков Москвы¹²⁸.

В этих непростых условиях он пытался продолжить и научно-исследовательскую работу. В 20-е годы ученый сотрудничал с юридическим изданием «Право и жизнь», в котором в юбилей восстания декабристов опубликовал нашу-мевшую статью «Последний дворцовый переворот (К столетию восстания декабристов)»¹²⁹.

Во многом статья являлась продолжением работы, посвященной «Наказу» П.И. Пестеля. Тема была актуальна в связи с наступившим столетием восстания на Сенатской площади, историческая оценка которого приобрела особую злободневность. Так, в статье видного партийного деятеля и историка М.С. Ольминского «Две годовщины», проводилась мысль, что декабристы – это дворяне-землевладельцы, обманом заставившие солдат пойти на восстание, а затем их предавшие. В связи с этим, он предлагал не праздновать юбилей. С таким упрощенным взглядом на важное историческое событие Сыромятников не согласился. Он подчеркнул большое значение восстания для развития освободительного движения: «Рассматриваемые в исторической перспективе, декабристы являются перед нами как пионеры великого дела русской революции, отмечая своим подвигом ее ранний, самый первый этап»¹³⁰. Несмотря на это, автор трактует декабрьское восстание как «последний дворцовый переворот»¹³¹. С его точки зрения, декабристы оставались сыновьями своего века и своей социальной среды. Они попытались реализовать свои устремления при помощи переворота без участия широких народных масс, которые они даже не попытались привлечь, так как боялись наступления новой «пугачевщины». Еще одной причиной выбранной тактики стало общее мировоззрение эпохи Просвещения, по которому радикально изменить ситуацию к лучшему могли

лишь отдельные просвещенные личности, а не массы. Такие взгляды привели к тому, что вместо народного восстания выступление заговорщиков приобрело характер банального вооруженного переворота, на которые была так богата русская история XVIII века.

Фактически в работе Сыромятников во многом повторял точку зрения Ключевского, высказанную им в «Курсе русской истории»¹³². Но во взгляде историка-правоведа было немало и оригинальных черт. В отличие от Ключевского, он тесно связал идеологию Просвещения и движение декабристов. Более того, в отличие от Ключевского, считавшего, что восставшие не имели развернутого плана, а хотели лишь разбудить общественное мнение, Сыромятников, основываясь на только что рассекреченных документах, показал, что у заговорщиков существовал четкий план по преобразованию России.

Журнал «Право и жизнь» просуществовал до 1928 года. В дневнике В.И. Вернадского по этому поводу можно найти следующую запись от 15 августа 1928 г.: «Этим летом закрыто последнее более свободное (если можно говорить о свободе у нас) юридич[еское] издательство «Право и жизнь». Последние возможности юридич[еской] научн[ой] работы прекращены и лица, соприк[асавшиеся] с этим (Сыромятников, Полянский из московской юридической «молодежи» 1911 года) не печатаются нигде»¹³³.

В 1925 г. исследователь опубликовал научно-популярную книгу по истории русской текстильной промышленности¹³⁴. Сыромятников прослеживал историю развития текстильного дела, начиная с его зарождения и вплоть до времени написания работы. В развитии текстильной промышленности автор выделил несколько периодов: 1) «доисторический» – до XVIII в., когда производство находилось в зачаточном состоянии; 2) XVIII в. – период зарождения и быстрого развития; 3) первая половина XIX в., характеризующаяся революционными изменениями в отрасли; 4) пореформенный период.

Своим появлением текстильная промышленность, по мнению историка, обязана реформам Петра, который основал крупное мануфактурное производство. Петровскую мануфактуру Сыромятников охарактеризовал как «купеческую фабрику», продукт деятельности «торговой буржуазии»¹³⁵. В XVIII в. происходит борьба между купеческой фабрикой и бурно развивающейся дворянской, появление которой стало следствием дарования вольности этому сословию. Автор подчеркивал поступательное развитие отрасли на протяжении всего периода. Тем не менее, он отметил и неважное качество изделий, связывая это с

использованием крепостного труда в производстве¹³⁶. В начале XIX в. происходит «революция» в текстильной промышленности, являвшаяся следствием переоснащения отрасли машинами и началом систематического использования вольнонаемного труда, а также избавлением из под опеки государства¹³⁷. Еще одной чертой, отмеченной историком, являлось снижение дворянского элемента в промышленности и выдвижением на первые роли промышленников из непривилегированных слоев общества.

Последний этап начинался с отмены крепостного права, которая создала условия для капиталистического развития страны. Последовавший за этим, после непродолжительного спада, экономический бум привел к быстрому увеличению пролетарских слоев населения, а также росту их классового самосознания. Это способствовало вступлению пролетариата на путь борьбы за свои права и интересы, что стало важной предпосылкой Февральской и Октябрьской революций. Но не только внутреннее развитие являлось причиной революционных событий. В поисках истоков Февральской и Октябрьской революций, Сыромятников подводил читателя к мысли, что главную роль в этом сыграла неудачная Первая мировая война, обострившая социальные противоречия. «Война, ударившая по мировому хозяйству с колоссальной силой, вызвала, как известно, не менее мощный контрудар – социальную революцию, восстание подавленных трудовых масс, которым приходилось расплачиваться своей кровью за дикий ужас империалистической вакханалии»¹³⁸. Мировая и гражданская войны привели к разрухе всей экономики страны, восстановление которой, заканчивает автор, и есть основная цель молодой советской республики¹³⁹.

Стоит отметить, что подобные исследования были характерны для первых лет развития исторической науки в условиях советской власти, создавая особое историографическое направление истории труда, рабочего класса, развития производительных сил и так далее¹⁴⁰. Очерк Сыромятникова написан в русле концепции «торгового капитализма» М.Н. Покровского. Суть ее заключалась в том, что социально-экономическую историю России целесообразно объяснять именно влиянием «торгового капитализма» как решающего фактора исторического процесса¹⁴¹.

Появление этого исследования, столь нехарактерного для Сыромятникова как по тематике, так и по методологии, очевидно, навеяно конъюнктурой, и его следует связать с попытками Сыромятникова «вписаться» в современное ему ис-

торико-научное сообщество, в котором доминировали историки-марксисты, в особенности, ученики и последователи М.Н. Покровского. На такое стремление указывают и панегирические речи в адрес Покровского, сохранившиеся в архиве. Например, в докладе «Значение исторических трудов М.Н. Покровского для науки истории права», он назван «основателем новой исторической школы», равной школе Ключевского¹⁴².

Несмотря на то, что книга, в первую очередь, написана не из-за научных соображений, а в угоду сложившейся ситуации в исторической науке, специалисты в области экономической истории отмечают ее несомненный интерес для историографии, называя интереснейшим исследованием 20-х годов¹⁴³.

Плодом научного поиска Сыромятникова того времени стала незаконченная монография (датирована 1926 г.), рассматривающая историю России во времена Ивана Грозного. Книга получила название «Эпоха Ивана Грозного (Из истории борьбы классов и политических идей XVI в.)». До нас дошли две части: «Иван Грозный перед судом русских историков» и «Иван Грозный и его время»¹⁴⁴. Монография не была дописана и опубликована, скорее всего, из-за осложнения положения Сыромятникова, что в итоге вынудило его переехать на некоторое время в Казань.

В то же время ученый не переставал сотрудничать с издательством Гранат, публикуя в энциклопедии статьи, касавшиеся всех периодов отечественной истории. Наиболее значительной работой, помещенной в энциклопедическом издании, стал обширный очерк, освещавший историю Российской империи в XIX – начале XX вв., вплоть до Февральской революции¹⁴⁵. В работе в научно-популярной форме описывался исторический путь России на протяжении столетия. Данную работу трудно отнести к творческим удачам Сыромятникова. В ней как нигде более заметна ориентация на концептуальные построения Покровского. Так, пальму первенства в развитии Российской империи автор отдает «торговому капитализму», использует характеристики событий и личностей, позаимствованные у Покровского. Эту работу также можно связать со стремлением Сыромятникова стать востребованным в новых историографических условиях.

В 20-е годы в научном творчестве историка появляется новая тема – русские писатели. Видимо, обращение к литературе помогало, с одной стороны, отвлечься от происходивших вокруг событий, а с другой – осмыслить произошедшее с Россией сквозь призму художественной литературы. Этот факт позволил

И.Ф. Масанову в своем словаре псевдонимов назвать Сыромятникова не только историком права, но и литературоведом¹⁴⁶. Особый интерес у Сыромятникова вызывал А.П. Чехов, которому были посвящены несколько статей, появившихся в «Чеховском сборнике». Основной проблемой, поднятой исследователем, стало отношение Чехова к интеллигенции¹⁴⁷. В статьях Сыромятников резко противопоставлял Чехова и современные ему интеллигентские массы – упаднические, апатичные и оторванные от народа. Следует заметить, что в какой-то мере в исследовании отразилось разочарование в интеллигенции и самого Сыромятникова, пережитое после революции и отразившееся в ряде его неопубликованных работ публицистического характера.

Вопреки попыткам подстроиться под требования времени, Сыромятников так и не стал «своим» для марксистского поколения историков. Для него обстановка оставалась напряженной, в особенности с 1928 г., когда начали запрещать деятельность негосударственных общественных учреждений. Насколько беспокойным было время свидетельствует и тот факт, что на Сыромятникова был написан донос. В нем говорилось, что историк, якобы будучи изгнанным из Московского университета за антисоветские взгляды, не имел права работать на рабфаке¹⁴⁸. Ученому пришлось оправдываться перед Рабоче-крестьянской инспекцией, стараясь доказать клеветнический характер поступившей информации. Скорее всего, это событие, а также закрытие журнала «Право и жизнь», и заставили Сыромятникова переехать в Казань, подальше от московских неурядиц. В Казани он начал преподавать в местном университете на факультете Советского права.

Сыромятников официально был зачислен на должность профессора кафедры Правовых институтов Казанского университета 11 сентября 1928 года. Историк не только занимался преподавательской деятельностью, но и заведовал университетской библиотекой¹⁴⁹. Главной его обязанностью было чтение курсов истории Отечества и истории отечественного права. Более того, он был назначен председателем Лекционной комиссии университета. Целью комиссии была организация лекторской работы среди рабочих. Очевидно, эту должность Сыромятников получил благодаря своему большому опыту в проведении просветительских мероприятий, приобретенному еще на посту председателя МОНУ. На новом месте и в новых условиях Сыромятников стремился максимально эффективно применить хорошо проверенные методы работы с неподготовленной аудиторией, выработанные до революции народными университетами. В частности, он настоятельно рекомендовал отказаться

от бессмысленных попыток проведения систематических чтений, которые невозможны, с его точки зрения, в виду нехватки времени и помещений для этого¹⁵⁰. Для более эффективной работы были созданы передвижные лекторские бюро – элемент просветительской деятельности МОНУ.

Пребывание в Казанском университете оказалось недолгим. Уже 1 марта 1930 г. Сыромятников по неизвестным причинам официально уволился, покинул университет и вернулся в Москву. Здесь он довольно продолжительное время занимает должность заведующего библиотекой Центрального научно-исследовательского текстильного института (НИТИ)¹⁵¹.

1934 г. стал поворотным в развитии советской исторической науки. После десятилетия официального доминирования школы Покровского, сложилась устойчивая интерпретация отечественного прошлого с негативных позиций как истории господства классовых врагов пролетариата. Подобная точка зрения могла существовать, пока в идеологии коммунистической партии доминировала идея мировой революции и интернационализма. После того, как Сталин окончательно получил контроль над партией и страной, а надежды на скорую мировую революцию исчезли, изменился и исторический компонент официальной идеологии: она становится более патриотичной. В собственном прошлом теперь следовало искать не только отрицательные примеры, но и образцы для подражания¹⁵². Происходившие изменения были закреплены «Замечаниями по поводу конспекта учебников по истории СССР», написанными А.А. Ждановым, И.В. Сталиным и С.М. Кировым¹⁵³. Такой поворот событий позволил гуманитариям, сформировавшимся еще в дореволюционное время, занять свою нишу в советской науке. Среди них был и Сыромятников.

После произошедших изменений, его знания, педагогический опыт снова стали востребованными. Он приступил к работе в Московском государственном юридическом институте¹⁵⁴. Работа оказалась нелегкой. Историк-правовед столкнулся с заметным упадком преподавания истории отечественного государства и права. В своей докладной записке «К вопросу о реформе высшей правовой школы» он замечал: «Между тем приходится констатировать, что именно с постановкой историко-правовых дисциплин у нас на правовых факультетах до сих пор дело обстоит и обстоит еще далеко не благополучно»¹⁵⁵. Выход из сложившейся ситуации он видел в активном использовании научно-педагогического опыта дореволюционных высших юридических учебных заведений¹⁵⁶.

В 1938 г. поступило приглашение работать в Институте государства и права АН СССР, в котором незадолго до этого была проведена реорганизация и расширен круг проблем для изучения. Сыромятникова пригласили работать в секции Государственного права, которую он и возглавил. Официальной задачей секции была «разработка вопросов советского государства и административного права, а также вопросов буржуазного государственного права»¹⁵⁷. Сыромятникова привлекли к работе в институте как крупнейшего из оставшихся специалистов по истории дореволюционного государства и права. Параллельно с исследовательской деятельностью в Академии наук ученый продолжал преподавание в юридическом институте. В этом же году, по широко распространенной тогда практике присуждения степеней по совокупности опубликованных трудов, он получил степень доктора юридических наук.

В качестве основной работы исследователь предоставил проект по созданию сборника правовых документов с подробнейшими комментариями. Конечный план издания в трех томах выглядел следующим образом:

Т.І. Введение. Проблема Русской правды.

1. Историческое происхождение «Русской правды».
2. «Русская правда» и теория норманизма.
3. О «смерде» древней Руси (к критике текстов «Русской правды»).
4. «Русская правда» как «феодальный кодекс».
5. Отзывы об изданиях «Русской правды».

Т.ІІ. Введение. История русских политических учений как самостоятельная правовая дисциплина.

1. Политическая идеология удельной Руси.
 2. Максим Грек – идеолог феодальной реакции.
 3. Политические учения XVI в.
 4. Иван Грозный как государственный деятель и политический мыслитель.
 5. «Правда воли монаршей» и Феофан Прокопович.
 6. М.Сперанский и его политические воззрения.
 7. Политическое созерцание Н.Карамзина.
- Отзывы (рецензии).

Т.ІІІ. Введение. Спорные проблемы истории права древней Руси.

1. Проблема происхождения русского государства.

2. О роли рабства в древней Руси.
3. О феодализме в древней Руси.
4. Древнерусская демократия (о вече в древней Руси).
5. «Держава Рюриковичей».
6. Критические отзывы на те же темы (об Арциховском, Грекове, Пархоменко и др.)¹⁵⁸».

Объем издания, почти законченного к 1941 г., должен был составлять около 50 печатных листов. В этой работе Сыромятников, по сути, представил концепцию социально-экономической истории Древней Руси, альтернативную теориям Б.Д. Грекова, трактовавшего общественный строй киевской эпохи как феодальный. С точки зрения Сыромятникова, Киевскую Русь следует классифицировать как рабовладельческое общество. На проект издания был написан положительный отзыв академика Ю.В. Готье. В нем он замечал: «<...> следует по всей справедливости признать, что Б.И. Сыромятников высококвалифицированный специалист и знаток истории русского права, лучший, быть может, представитель этой научной дисциплины в настоящее время <...>»¹⁵⁹. Но, несмотря на поддержку Ю.В. Готье, книга, из-за активного противодействия Института истории во главе с Б.Д. Грековым, так и не увидела свет. Одной из причин такого итога было и то, что в Институте истории готовилось свое собрание законодательных памятников под наблюдением Б.Д. Грекова в русле его концепции существования феодализма в Древней Руси. Конкуренты ему были не нужны. Следствием такого положения дел стало то, что в печати в виде статей появились лишь отдельные главы и разделы задуманной книги¹⁶⁰.

С началом Великой Отечественной войны Сыромятников вместе с Институтом государства и права был эвакуирован в Ташкент. Еще в эвакуации Сыромятников был назначен руководителем секции истории государства и права¹⁶¹. В то же время, несмотря на первые неудачи, он продолжает активно работать над своими фундаментальными комментариями к историко-правовым документам. В заметках, помещенных в «Историческом журнале» в 1944 г., можно найти следующую информацию: «Особое место в работах секции занимала также разработка истории политических учений в СССР. По этому разделу секция заслушала, помимо общего доклада руководителя секции доктора юридических наук, профессора Б.И. Сыромятникова, также его доклады на темы: “Иван Грозный – государственный деятель и политический мыслитель”, “Политическая доктрина «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича”, “Политические воззрения Н.М. Карамзина”. По истории государства и права

был заслушан доклад проф. Сыромятникова «Происхождение русского государства»¹⁶².

В 1943 г. было опубликовано самое известное исследование Сыромятникова, посвященное идеологии государства Петра Великого¹⁶³. Книга выделялась на фоне не только исторической литературы военного времени, носившей скорее пропагандистский, чем научный характер, но не вписывалась и в советскую академическую историографию. На книгу появилось множество рецензий, в массе своей отрицательных. Выводы исследователя обсуждали и на известном совещании историков в ЦК ВКП(б), проходившем в 1944 году. На этом совещании книга была подвергнута резкой критике якобы за возрождение концепции Покровского в интерпретации петровской эпохи.

Следствием этих событий стало то, что вторая часть работы так и не увидела свет, а историк серьезно опасался за свое будущее, о чем свидетельствует его неотправленное письмо лично И.В. Сталину. Несмотря на все это, в том же 1944 г. Сыромятников получил звание заслуженного деятеля науки¹⁶⁴.

В последние годы жизни ведущей темой его научных работ становится история права славянских народов, изучение которого могло помочь, как считал историк, глубже понять русское право, а также проследить связи «братских народов»¹⁶⁵. От Московского государственного юридического института ему поступил заказ на написание монографии «Проблемы истории государства и права славянских народов»¹⁶⁶. К сожалению, книгу историк написать не успел. До нас дошла статья «К истории изучения права славянских народов», датированная 14 апреля 1946 года. Судя по всему, эта статья являлась первой главой так и ненаписанной книги о славянском праве. В работе освещалось становление славяноведения со времени его появления как особого направления научных исследований. Следуя духу времени, автор подчеркивает героический характер славянской истории: «Современное возрождение славянских народов, конечно, исторически связано с их многовековой, упорной борьбой за свою национальную, государственную и культурную самобытность»¹⁶⁷.

Историк-правовед умер 12 января 1947 года. После его смерти в журнале «Советское государство и право» появился некролог, в котором отмечались его огромные заслуги перед исторической и юридической науками. Его подход к изучению историко-правовых проблем назывался новаторским и прогрессивным по сравнению с «формально-юридической школой»¹⁶⁸.

Сыромятников прожил долгую и насыщенную жизнь. По личностным качествам историка можно охарактеризовать как человека с четкими целями и приоритетами, основным из которых являлось самовыражение через научно-педагогическую деятельность. Определяющей чертой характера Сыромятникова следует назвать чувство долга, добросовестность, переходящую в педантичность, стремление досконально изучить предмет, умение рассмотреть проблему с разных сторон, сделать ее решение предметом своего личного интереса. Он во всем пытался найти четкую систему, внести рациональное зерно во все проекты, над которыми работал.

В целом, личные качества историка-правоведа наложили заметный отпечаток на его научное творчество. Так, его исторические труды отличались педантичным воспроизведением фактов, деталей, желанием их систематизировать, превратив в жесткую схему. Этому способствовал не только общий, позитивистский дух эпохи, но и личностные качества самого исследователя, отличавшегося педантизмом и отвлеченностью мышления.

Изучение работ Сыромятникова показывает, что их автор обладал устойчивой системой ценностей и приоритетов, которые мог привнести в свое творчество и отстоять в жизни.

Подводя итог рассмотрению научной биографии Б.И. Сыромятникова, целесообразно выделить основные вехи его деятельности. Очевидно, что весь научно-исследовательский путь историка можно разделить на два больших этапа, в общем совпадающих с историей страны: дооктябрьский и послеоктябрьский периоды. Периодизацию первому этапу, как это было указано выше, дал еще В.А. Муравьев.

Следует констатировать, что В.А. Муравьев, в целом, верно определил основные периоды общественно-научной деятельности Сыромятникова до 1917 года. Определенные сомнения вызывают попытки В.А. Муравьева четко проследить политические пристрастия ученого (впрочем, этот компонент исследования был практически обязательным в советской историографии в силу ее партийно-классовой заостренности). Сыромятников вообще отличался неустойчивыми политическими пристрастиями. С.П. Мельгунов охарактеризовал его как человека «всегда и везде сидящего между двумя стульями»¹⁶⁹. Скорее всего, его следует относить к либеральному лагерю в целом, а не стремиться определить его партийные пристрастия буквально по годам.

Рассматривая научную биографию Сыромятникова после Октябрьской революции, представляется возможным выделить следующие этапы: 1) 20-е годы – 1934 г; 2) середина 30-х – середина 40-х.

Первый этап характеризовался не слишком успешными попытками ученого вписаться в советскую историографию. Историк преподавал в различных вузах страны, но его положение оставалось шатким, он почти не публиковался.

Второй этап начался, как и для большинства ученых «старой формации», с постановления 1934 года. После него Сыромятников занял свою нишу в академической среде, был приглашен работать в престижные столичные учебные заведения и исследовательские центры. Несмотря на ряд препятствий, его работы регулярно появлялись в важнейших периодических изданиях, он опубликовал крупную монографию, которая, впрочем, подверглась резким критическим выпадам.

В заключение, следует отметить, что рассмотренные выше научно-биографические и политико-мировоззренческие аспекты деятельности Сыромятникова обладают большой важностью для изучения его исторических взглядов. Отдельные перипетии его судьбы позволяют лучше понять его научное творчество.

III. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНЦЕ XIX-
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВВ. И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО
ТВОРЧЕСТВА Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА

К концу XIX - началу XX вв. отечественная историческая наука достигла значительных успехов. Развиваясь в общем русле европейской научной традиции, русская историография дала миру плеяду оригинальных историков, по праву занявших место рядом с наиболее заметными представителями западной науки.

В пореформенный период российская историография, развиваясь в условиях усложнения политических и социальных отношений, отличалась напряженным поиском нового как на поле исторической проблематики, так и в области методологии. Пройдя этап накопления исторических фактов, российская историческая наука остро нуждалась в концептуальном осмыслении полученных данных. И в силу внутренних потребностей, и в силу сильного влияния общеевропейского интеллектуального процесса историческая наука в России эволюционировала в одном направлении с историко-философской мыслью Запада. Одной из ведущих тенденций этой эволюции был переход от идеалистической методологии истории к позитивистскому взгляду на развитие общества. Несмотря на господствующее положение позитивизма, с конца XIX в. в отечественную историографию стали активно проникать заимствования и из других философских учений, в частности неокантианства и марксизма. Таким образом, историографическая картина, сложившаяся в конце XIX – начале XX вв., характеризовалась крайней пестротой и сложностью.

Развитие гуманитарного знания на рубеже XIX и XX вв. привело к сосуществованию разнотипных философских систем, нередко предлагавших прямо противоположные варианты объяснения вопросов. История чутко откликнулась на общие тенденции развития знания.

Безусловное лидерство принадлежало позитивизму. Зародившись как социологическое учение, созданное О. Контом, позитивизм оказал огромное влияние на различные области гуманитарного знания. Позитивизм (от лат. *positivus* – положительный) подкупал ученых своим стремлением к строгой

научности, отказом от каких-либо метафизических построений. Основой науки провозглашалось опытное знание. При этом признавалась относительность познания, поскольку опыт всегда носит субъективный характер, что сказывается и на полученных данных. Еще одной чертой позитивизма было признание единообразия человеческой природы, что позволило сделать вывод о возможности сравнительного изучения всемирной истории.

Утвердившись в исторической науке со середины XIX в., позитивизм первоначально имел очевидную эмпирическую направленность. Предполагалось, что на данном этапе развития знания нужно ограничиться изучением фактов и явлений, не пытаясь выявить их сущность.

Но в 1880-е гг. на смену эмпирически-эволюционному позитивизму пришел критический позитивизм, основанный на социологических обобщениях. Он привел к сближению социологии, ориентированной на изучение общих закономерностей развития, и истории, изучающей в основном индивидуальные явления.

Несмотря на многообразие форм, позитивизм в исторической науке отличал ряд устойчивых черт. Исследователи, в первую очередь, отмечают несколько характерных признаков позитивистской методологии: 1) представление об эволюционном характере развития общества, соединенное с признанием закономерности его развития; 2) многофакторный подход к объяснению истории; 3) сравнительно-исторический метод в изучении общественных явлений¹⁷⁰. Позитивизм оставался господствовавшей методологией вплоть до советского времени. На его идеалах было воспитанно не одно поколение ученых. Не был исключением и Сыромятников.

Сложившаяся историографическая ситуация, когда различные теоретические установки, с одной стороны, конкурировали, а с другой – дополняли друг друга, свидетельствовала о множестве путей дальнейшего развития отечественной историографии.

Среди ученых до сих пор нет однозначного понимания состояния отечественной историографии накануне гибели Российской империи. Одни считают, что историческая наука находилась в состоянии кризиса из-за того, что позитивизм перестал удовлетворять насущные потребности науки, другие – что, наоборот, переживала расцвет. Последнее утверждение ближе к истине. На это указывает не только размах и качество исторического поиска, но и, например, тот факт, что позитивизм, служивший основой научного мировоззрения доре-

волюционных историков, оставался ведущей методологией и в среде историков-эмигрантов, что свидетельствовало о его неисчерпанном научном потенциале.

Многие историки причисляли себя к последователям «экономического материализма». В конце XIX в. под этим термином понимали методологию, построенную на принципе признания главенствующей роли экономического фактора в истории. Надо отметить, что понятие «экономического материализма» является достаточно расплывчатым, поскольку к данному течению не без оснований можно отнести как сторонников позитивизма, так и, например, ранних марксистов. Под марксизмом часто понимался именно «экономический материализм», методологические подходы которого в той или иной форме нашли применение в работах многих исследователей. М.Н. Покровский в 1906 г. в брошюре «Экономический материализм» разграничивал указанное направление и собственно марксизм. Он считал, что экономическому материализму не хватает классового подхода.

Революционные события и обострение классовой борьбы способствовали нарастанию интереса к марксистской методологии. Такие деятели социал-демократического революционного движения, как Г.В. Плеханов, М.С. Ольминский и В.И. Ленин нередко обращались к исторической тематике в поиске ответов на стоявшие перед ними проблемы. Из видных профессиональных историков к марксистам причисляли себя М.Н. Покровский и Н.А. Рожков. Тем не менее, марксизм нельзя причислить к лидирующим историографическим направлениям конца XIX – начала XX веков.

В рамках позитивистского учения существовало убеждение, что принципы изучения естественнонаучных и гуманитарных дисциплин одинаковы, разница лишь в предмете изучения. Это утверждение, также как и многие другие положения учения О. Конта, оспаривалось представителями неокантианства.

Неокантианство как философское течение сформировалось в 60-е гг. XIX в. в Германии. «Возвращение» к философскому наследию И. Канта происходило в условиях разочарования в натуралистическом мировоззрении и абсолютизации опытного знания. В 1880-е гг. возникла Баденская школа неокантианства, выдвинувшая на первый план проблему гуманитарного познания. Ее представители, Г. Риккерт и В. Виндельбанд, считали, что научное знание целесообразно разделить на науки о духе и науки о природе. Первые – идиографические – изучают индивидуальные явления, вторые – номотетические – ориен-

тированы на выявление естественно-научных законов. История относилась к первому типу. Следовательно, полагали они, историки должны отказаться от широких обобщений из-за их бесперспективности в сфере гуманитарного познания.

Те или иные философские направления и течения редко проявлялись в научном творчестве историков в чистом виде, чаще всего происходило переосмысление философских концепций в системе исторических представлений.

Кроме господствующего положения позитивизма отличительной чертой эпохи была тесная связь историко-правовых дисциплин и собственно исторической науки. С XIX в. сохранилась устойчивая связь между юриспруденцией и историей. В начале XX в. плодотворное взаимовлияние указанных дисциплин только усилилось¹⁷¹. По мнению Н.В. Иллерицкой: «История права явилась наукой, пограничной для истории и юриспруденции, и несла в себе методологические признаки обеих наук – подходы и методы исследования исторической науки и объект исследования юридической науки. Занимались ею юристы с историческим мышлением, и чем более развитым было их историческое мышление, тем более удачным были примеры историко-правовых трудов»¹⁷².

Во второй половине XIX в. в рамках историко-правовой науки начало формироваться социологическое или реалистическое направление. Под влиянием социологии значительно расширилась проблематика исследования. Яркими представителями реалистической школы были М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров. В русле указанных тенденций протекало и научное творчество Сыромятникова, юриста по образованию, чьи исследования в области истории права оставили значительный след и в исторической науке.

В рамках позитивизма существовало немало школ со своими особенностями в методологии, в построении концепции общемирового развития и решении конкретных исторических проблем. К какой же школе относился Сыромятников?

Выше было сказано, что В.А. Муравьев указывал на тесную связь работ Сыромятникова и методологических разработок Ключевского. А.С. Попов выдвигал гипотезу о принадлежности историка-юриста к школе Ключевского.

Для проверки указанных выше гипотез и для уяснения места Сыромятникова в отечественной историографии, очевидно, необходимо предварительно рассмотреть историко-теоретические взгляды ученого.

Несмотря на то, что Сыромятников не оставил специальных работ, посвященных непосредственно методологическим проблемам, комплексный анализ его наследия позволяет отметить постоянное внимание ученого к теоретическим аспектам научно-исследовательского поиска. В наиболее полной форме свои методологические взгляды Сыромятников изложил во «Введении» к литографированному курсу «История русского государственного права», получившем название «Задачи и метод исторических наук».

Необходимо отметить, что методологии историк отводил ключевую роль в развитии исторических дисциплин. С его точки зрения, ни простое накопление фактов, ни открытие новых исторических источников не меняют радикально развитие науки. Факты могут подгоняться под уже известные схемы, а источники неправильно истолковываться. Только изменение методологии исследования позволяет сделать качественный рывок вперед, перейти от устаревших представлений ближе к истине: «Движение научной мысли совершается в процессе чередования руководящих идей и точек зрения, которые надолго определяют саму постановку исторической проблемы. Накопление и разработка исторического материала идут непрерывно, но факты были и сами по себе измениться не могут, меняются только методы научного исследования, и этой-то сменой методов и объясняется поступательное движение научного знания. Факты остаются, сохраняются нередко и сложившиеся ранее схемы исторических построений, но понимание их настолько глубоко изменяется, что, в конце концов, приводит к полному перевороту всей системы усвоенного знания»¹⁷³. В данной точке зрения можно уловить общую тенденцию развития методологии начала XX в., мы имеем в виду интерес к деятельности познающего субъекта. Декларируя приоритет «руководящих идей и точек зрения», Сыромятников, сознательно или нет, касался проблемы процесса активного познания ученого, создающего и применяющего новые методологические подходы, ставящего новые вопросы, а не просто группирующего информацию, почерпнутую из источников. Впрочем, Сыромятников даже не пытался решить этой проблемы, видимо в силу позитивистских корней своего научного мировоззрения. Ключевую позицию проблема познающего индивида займет в неокантианстве, в частности, в трудах А.С. Лаппо-Данилевского¹⁷⁴.

К сожалению, повышенное внимание ученого к методам исследования привело к несколько пренебрежительному отношению к источникам, о чем свидетельствует тот факт, что в работах Сыромятникова практически отсутствовали ранее неизвестные документы, что существенно снижало научную ценность

его трудов. Впрочем, подобная черта достаточно часто была характерна для многих московских историков, которые нередко, в отличие от петербургских, жертвовали фактической стороной в угоду масштабным концептуальным обобщениям¹⁷⁵.

Еще одной причиной подобного подхода к истории стала специфика историко-юридического подхода. Пожалуй, в данном случае проявилась достаточно характерная черта юристов, как правило, «подходивших к вопросам истории более широко и отвлеченно»¹⁷⁶.

Делая упор в развитии исторической науки на методологическую ее составляющую, Сыромятников, конечно же, подробнейшим образом характеризовал методы и принципы исторического анализа и синтеза. Подчеркивая трудность пути истории как науки к ее современному состоянию, ученый выделяет наиболее важные, с его точки зрения, приемы и императивы научного поиска.

В первую очередь, он останавливался на принципе эволюционного рассмотрения исторических процессов. Заслугу во внедрении подобного взгляда на прошлое Сыромятников отдал исторической школе правоведения во главе с Ф.К. Савиньи. Автор заметил, что фраза: «настоящее есть сын прошедшего и отец будущего», в его время казалась «очень бледным и бедным трюизмом, плоской прописной истиной». Но когда-то «эти слова звучали новым поколением мощным “призывом” и им суждено было оставить неизгладимый след в исторической науке»¹⁷⁷. Во времена Сыромятникова принцип историзма (эволюционизма) стал необходимым элементом любого исторического исследования. Не отступал от него и исследователь. Он констатировал, что без учета эволюционного характера развития общества, история неспособна претендовать на открытие закономерностей. В работах самого историка-юриста принцип эволюционизма играл решающую роль. Наиболее наглядно это проявляется в его «Истории русского государственного права». Стремясь показать взаимозависимость процессов и событий, автор практически отказался от датировок, периодизации, поскольку это разрывает непрерывную цепь развития. В его концепции исторической эволюции России все обусловлено, взаимосвязано, нет ничего случайного.

Важным дополнением к принципу историзма Сыромятников называл историко-сравнительный подход. Без последнего эволюционные идеи, вместо того, чтобы способствовать прогрессу как в сфере интеллектуальной, так и в сфере общественной жизни, приводят к господству консерватизма и реакции,

как это и произошло в первой половине XIX в., когда монархические режимы использовали идеи исторической школы для обоснования собственной легитимности. О том, какое огромное значение историко-сравнительному методу придавал Сыромятников, свидетельствует уже упоминавшийся факт, что одной из целей заграничной командировки 1903-1905 гг. было именно изучение компаративистики в Западной Европе¹⁷⁸.

Еще с XVIII в. русская историография была знакома со сравнительно-историческим методом¹⁷⁹. Так И.Н. Болтин использовал его для сопоставления русской истории с европейской, стремясь доказать величие исторического пути России¹⁸⁰. Но только во второй половине XIX в. сравнительно-исторический подход становится необходимым компонентом в методологии исследования. В России теоретические аспекты применения данного метода рассматривал М.М. Ковалевский¹⁸¹, с работами которого Сыромятников был хорошо знаком и многое из них позаимствовал. Большой популярностью пользовались идеи Э. Фримана, касавшиеся сравнительно-исторических изысканий¹⁸².

Сыромятников указывал, что появление сравнительно-исторического метода сопоставимо с изобретением компаса¹⁸³. Только благодаря сравнительному исследованию, по мнению автора, появилась возможность структурировать и объяснить тот огромный фактический материал, который был накоплен в науке к тому времени.

Применение сравнительного метода неминуемо наталкивается на проблему общего и индивидуального в изучаемых объектах и процессах. Сыромятников решал эту проблему следующим образом: с его точки зрения, общее отнюдь не противоречит индивидуальному и наоборот. Исследователь обязан при проведении сравнения уловить не только типические для рассматриваемых объектов черты, но и обозначить, а затем и проанализировать их отличия. «Типическое ведь не только не противоречит индивидуальному, но, напротив, его необходимо предполагает»¹⁸⁴, - констатировал автор. С точки зрения ученого, история знает типические черты в эволюции, но не знает шаблона. Поэтому при проведении сравнительного изучения не стоит искать абсолютного совпадения явлений, протекание однотипных процессов в разных странах имеет значительную специфику.

В применении сравнительного метода в конце XIX - начале XX вв. существовало два подхода. По первому – сопоставлению могли подвергнуться только родственные общества, имевшие генетически одинаковое происхождение;

во втором же случае признавалось целесообразным проводить широкие, неограниченные расовыми и национальными преградами, сравнительные изыскания. Первой точки зрения придерживались Е.Ф. Шмурло, Н.П. Павлов-Сильванский¹⁸⁵ и М.Ф. Владимирский-Буданов¹⁸⁶, считавшие, что сходство в общественных институтах европейских народов обусловлено их общим арийским происхождением. Второго придерживался, в частности, М.А. Дьяконов¹⁸⁷. Сыромятников являлся сторонником второй точки зрения. По его мнению, все народы проходят одни и те же стадии развития, только в разное время, что позволяет подвергнуть анализу и сопоставлению их социальную структуру в независимости от их этнического происхождения¹⁸⁸. Тем самым, сравнительно-исторический метод, по мысли историка, несет на себе и значительную мировоззренческую функцию, показывая единство народов в независимости от их расовой принадлежности, способствуя наступлению «эпохи культурного сотрудничества наций». В интерпретации западнически настроенного Сыромятникова, это единство неминуемо привело бы их к европейскому пути развития¹⁸⁹.

Методологические проблемы, в понимании Сыромятникова, теснейшим образом связаны с обоснованием научного статуса исторических дисциплин. Именно следование принципу историзма и применение историко-сравнительного метода, дают истории право называться наукой, целью которой является поиск закономерностей. Без этих необходимых компонентов история становится лишь набором занимательных рассказов или идеологической конструкцией. Исследователь, безусловно, признавал научный характер исторических дисциплин наравне с естественнонаучными отраслями знания. Главная задача истории – открытие законов. Следуя широко распространенной тенденции, сложившейся в рамках позитивизма, отождествлять природу и общество, он нередко заимствовал естественнонаучную терминологию, в частности, из биологии. Например, «усвоение органической средой», «общественной организм» и так далее. Тем самым, он указывал на тождественность гуманитарных и естественных дисциплин.

Будучи специалистом в области истории права, Сыромятников одну из важнейших задач видел в обосновании статуса исторического правоведения, поиске его места среди других исторических дисциплин. История права на тот момент уже заняла прочные позиции среди гуманитарных дисциплин, преподаваемых в высшей школе. Историческое правоведение имело в России устойчивую традицию. Достаточно сказать, что в середине XIX в. в русской ис-

ториографии историко-юридическое направление, сконцентрировавшееся на изучении исторических процессов сквозь призму законодательства, занимало лидирующие позиции. С этого периода сохранилась теснейшая связь между историками права и собственно исторической наукой. Указанную связь подчеркивал и Сыромятников: «<...> цели и методы истории права по существу те же самые, что и у науки исторической вообще. От последней история права отличается только специальным объектом (предметом) своего изучения»¹⁹⁰. Предметом, выделяющим историческое правоведение среди других исторических наук, является то, «при каких внешних условиях в сознании людей рождается известная правовая идея, которая в большей или меньшей степени несовершененно отражает реальный мир»¹⁹¹.

Признавая отражательный характер права, Сыромятников тем самым неминуемо ставил вопрос об адекватном толковании юридических норм. В истории права к тому времени сложилось два основных подхода к интерпретации юридической стороны общественных отношений. Первый получил название формально-юридического или просто юридического метода. Суть его состояла в изучении правовых категорий, юридических конструкций и законодательной техники вне связи с историко-культурной обстановкой. Применение этого подхода приводило к трактовке юридических норм с точки зрения современности, а сам анализ ограничивался рассмотрением и умозрительным толкованием законодательной сферы. Второй предполагал применение принципа историзма. Такой подход Сыромятников называл «историко-юридическим методом», отдавая ему решительное предпочтение в технологии исследования¹⁹².

Предложенный ракурс исследования приводил к существенному расширению источниковедческой базы. Если в классическом учебнике по истории русского права М.Ф. Владимирского-Буданова различаются только два источника права, а именно обычай и закон¹⁹³, то Сыромятников предлагал более сложную картину. В его понимании, источники права можно разделить на источники в «материальном смысле» и источники в «техническом смысле». К источникам в «техническом смысле» он относил: 1) обычай; 2) закон; 3) судебное решение¹⁹⁴.

«В материальном смысле единственным источником права, как социально-культурного явления, является, конечно, *жизнь* с ее изменениями внешних отношений»¹⁹⁵, - утверждал автор. Правовые нормы рождаются в результате

компромисса борющихся в обществе противоположенных сил и интересов. В этом смысле источником права являются «жизненные отношения, которые несут на себе печать осознанной необходимости»¹⁹⁶. Признавая наличие классовой борьбы в обществе, автор отнюдь не утверждал о ее непримиримости, в чем существенно расходился с марксистской интерпретацией общественных отношений. Наоборот, он считал, что борьба неизбежно приводит к компромиссу, выражением которого является законодательство. Декларируя компромиссный характер норм права, Сыромятников, таким образом, во многом поддерживал популярную в то время точку зрения, по которой государственные структуры, следящие за соблюдением этих самых норм, являются по многим показателям надобщественным образованием, призванным служить интересам всех.

В отношении права и жизни, автор подчеркивал то, что право всегда отстает от развития общества, многие нормы остаются неизменными, в то время как жизнь уходит далеко вперед. Поэтому без помощи истории невозможно уяснить смысл законодательства.

Рассматривая общество в качестве основного объекта исследования, Сыромятников различал в подходах статистическую и динамическую точки зрения. Статистическая – предполагает рассмотрение социума в «неподвижном» состоянии; динамическая – фокусируется на изучении явлений в развитии. Эти два подхода, позаимствованные из арсенала социологии, по мысли историка-юриста, необходимо дополняют друг друга. После рассмотрения предмета в статике, исследователь должен «перейти к динамическому изучению данных исторических отношений, то есть показать, при каких условиях эти развитые общественные силы вдруг сразу распались и приняли новые формы»¹⁹⁷.

Признание жизни основным источником права значительно расширяет и общесторический источниковедческий фундамент работы. Автор считал, что наравне с правовыми документами необходимо использовать и весь арсенал документов, в которых находят отражение исторические процессы. Подобный подход к формированию источниковой базы с мобилизацией всех видов источников для создания целостной картины юридических отношений, в том числе и не носящих законодательный характер, не отличался новизной, в частности, он нашел отражение у М.Ф. Владимирского-Буданова¹⁹⁸. Однако Сыромятников сделал важный шаг вперед в своих работах. Он подходил к анализу историко-правовых отношений с историко-социологической точки зрения.

Социология, основанная как научная дисциплина О. Контом, к началу XX в. находила все более тесные точки соприкосновения с другими гуманитарными науками. В России социологическими изысканиями занимались некоторые историки-правоведы, например, М.М. Ковалевский. Но, являясь разносторонне развитым ученым, оставившим свой след в различных областях знаний, Ковалевский кардинально разделяет историко-правовые науки и социологию. В его понимании, «для правовой науки остается только изучение государственных форм и учреждений в духе юридического позитивизма, вне их социального содержания и политической направленности»¹⁹⁹. Сыромятникова предложенный взгляд не удовлетворял. Ему больше импонировал подход на административно-правовые институты, являвшиеся предметом истории права, нашедший применение в трудах В.О. Ключевского.

Когда Сыромятников начинал свой путь в науке, В.О. Ключевский находился в зените славы. Не избежал его влияния и молодой историк права. Монографию «Боярская Дума Древней Руси» Сыромятников до конца жизни считал образцовым историческим исследованием. Напомним, что в ней автор рассматривал Думу не только как политико-правовой институт, но и показывал социальный контекст вопроса. В развернутой форме В.О. Ключевский показал свои теоретико-методологические взгляды во «Введении» к докторской диссертации и в первой лекции своего знаменитого «Курса русской истории». В этой лекции автор выделил особую историческую дисциплину, «историческую социологию»²⁰⁰. Он провозгласил смену ракурса исследования от политических к социальным процессам. «Историк-социолог», по мнению автора, должен интересоваться в первую очередь «социальными сочетаниями» и их «составными элементами»²⁰¹.

В методологическом смысле историк-юрист противопоставлял себя второму поколению государственной школы. Ее представители (А.Д. Градовский, В.И. Сергеевич и Ф.И. Леонтович), несмотря на приверженность позитивизму, придерживались мнения, что историко-юридические исследования должны вестись с позиций формально-юридического метода. С их точки зрения, это позволило бы достичь наиболее объективистского знания.

Сыромятников, во многом следуя идеям В.О. Ключевского и основываясь на его методологических приемах, фактически перешел к социологически направленному историко-правовому исследованию. При анализе истории права ученый основное внимание уделил той социально-исторической основе,

на которой вырастают юридические отношения. В наиболее наглядном виде социологическая составляющая работ Сыромятникова отражалась в его понимании задач читаемого им курса по государственному праву. «В нашем курсе, который будет обнимать лишь историю одного института права, историю государственных форм в связи с историей политических учений и движений на Руси, мы попытаемся представить, как складывалось у нас соотношение общественных сил, как они вместе с тем отлагались в народном сознании в виде тех или других юридических понятий, тех или других политических теорий», - писал автор²⁰². Нетрудно заметить, что термин «соотношение общественных сил» корреспондируется с «социальными сочетаниями» В.О. Ключевского. Свою приверженность подходу, предложенному В.О. Ключевским, Сыромятников сам неоднократно подчеркивал²⁰³.

Применение широкого, в том числе и социологического, подхода в изучении права мы находим не только у Сыромятникова, но и у П.Г. Виноградова²⁰⁴. Во многом методологические подходы вышеназванных ученых совпадали. Виноградов также отмечал тесную связь истории и правоведения. Более того, он «настаивал на социальной природе юридических норм и их исторической ценности»²⁰⁵. Оба ученых работали в рамках так называемой социологической школы права, появившейся во второй половине XIX века. Их отличие состояло в том, что фундаменты для социологического толкования норм права были разными. Сыромятников отталкивался от методологических приемов Ключевского, а Виноградов, к тому времени уже эмигрировавший и появлявшийся в России эпизодически, основывался на западноевропейской традиции, в первую очередь, английской. Тем не менее, мы вправе отметить тенденции проникновения социологической составляющей как собственно в историю, так и в историю права.

Компонентом любых теоретико-методологических представлений является трактовка всемирно-исторического процесса.

Важнейшей онтологической и гносеологической проблемой исторической науки рубежа XIX – начала XX вв. была проблема «Россия – Запад». Исследователи характеризуют данную проблему следующим образом: «Это одно из коренных противоречий русской культуры, политики и науки рождалось едва ли не одновременно с возникновением идеи преодоления отсталости России. Его содержание менялось в зависимости от конкретных явлений и событий русской и западноевропейской жизни, уровня и характера исторического поз-

нения, достижений мировой историко-философской мысли»²⁰⁶. Актуализация указанного вопроса проходила на фоне динамичной модернизации Российской империи. Ускоренная эволюция традиционных институтов общества и издержки этого процесса порождали обострение споров об особом/типическом пути России. Вопрос «Россия – Запад» являлся ключевым вопросом исторического развития русского общества, с точки зрения Сыромятникова.

Основным постулатом, на котором историк основывал свои представления о всемирно-историческом развитии, являлась убежденность в том, что все народы проходят идентичные стадии развития. Более того, эта мысль была усложнена идеей так называемого «круговорота истории». По ней исторические стадии развития общества неизбежно повторяются при появлении нового общественного организма в новом временном континууме. Так, феодализм, следуя этой теории, можно найти, например, в древнем Египте. Данная идея, имеющая своими истоками философию истории Вико, была достаточно популярной в свое время, особенно среди специалистов по всемирной истории, ее придерживался, в частности, Р.Ю. Виппер²⁰⁷.

В понимании Сыромятникова, общество проходит различные стадии своей эволюции. На первом этапе исторического развития, в период так называемого древнего общества, социум представляет собой однородную систему, в которой человеческая личность растворяется в основной массе людей. Это общество характеризуется экономической и социальной однородностью. В то же время, данная однородность способствует утверждению такого положения вещей, при котором каждый член участвует в управлении и принятии общезначимых решений.

В дальнейшем, по Сыромятникову, происходит «процесс социальной интеграции и социальной дифференциации». По его мнению, развитие проходит по пути постепенного перехода от простых форм к более сложным, «от однородного к разнородному»²⁰⁸. По сути, он рассматривал историю как эволюцию от гомогенного патриархального общества к более сложным общественным образованиям. Трудность этого процесса заключается в том, что более сложные общественные образования внутри однородного общества не только формируются и эмансипируются друг от друга, но и интегрируются, все более усложняя социальную структуру. Вот как этот процесс виделся Сыромятникову: «Сущность процесса интеграции заключается в том, что в недрах первоначально однородной социальной среды образуют центры средоточия

общественных сил путем накопления однородных признаков. Это-то постепенное накопление определенной общественной группой типических черт и признаков и составляет процесс интеграции или внутреннего усвоения органической средой только для него характерных социальных признаков. Если процесс интеграции локализуется в нескольких точках однородной среды, мы видим, что он логически, в конце концов, должен привести к общественному расчленению, т.е. дифференциации, образованию сложной социальной среды, которая представляет из себя совокупность комплексов сил, образовавшихся путем накопления специфических признаков. В сфере социальных отношений этот процесс дифференциации, процесс социального расчленения, мы называем процессом постепенного образования классов (социальное разделение труда)»²⁰⁹.

Итак, социальная дифференциация происходит в результате общественного разделения труда. Неизбежным следствием такого процесса является появление классов. Сыромятников давал следующую дефиницию понятию «класс»: «<...> это есть такая общественная группа, которую мы можем характеризовать каким-либо социальным признаком, приобретенным в историческом процессе»²¹⁰. Можно отметить, что определение «класса» у автора крайне расплывчато. По сути, под «классом» историк имел в виду любую общественную группу. Предложенная трактовка совпадала с пониманием значения этого термина В.О. Ключевским²¹¹, от концепции и понятийного аппарата которого, в данном случае, и отталкивался Сыромятников.

В общеисторических взглядах Сыромятникова важное место занимала проблема революций в истории. В особенности, злободневный оттенок этот вопрос приобрел во время Первой русской революции. Будучи убежденным сторонником эволюционного подхода, он считал, что революция, какой бы неожиданной она не казалась, есть следствие длительных исторических процессов. Революция – лишь логическое завершение развития, а не радикальная ломка²¹².

Сыромятников предлагал периодизацию отечественной истории, основываясь на своих представлениях о мировом прогрессе. Он демонстративно подчеркивал схожесть русской истории с прошлым любых других народов: «Исторические этапы для русской истории намечаются в той же последовательности, что и для истории любого народа»²¹³. Только в эволюции России историк признавал некоторую замедленность по сравнению с Западом. В ос-

нову периодизации исследователь ставил понятие «социальное хозяйство», под которым подразумевал «совокупность материальных средств, при помощи которых человек может удовлетворить свои жизненные потребности»²¹⁴. Фактически, под «социальным хозяйством» имеется в виду комбинация общественно-политических сил и ведущего способа «удовлетворения материальных потребностей», присущих той или иной эпохе.

В соответствии с этим тезисом, автор выделял следующие периоды русской истории: 1) эпоху примитивной демократии; 2) эпоху господства политического феодализма; 3) сословно-феодалную монархию; 4) полицейское государство и 5) народно-правовое государство²¹⁵.

На первом этапе общество представляло собой однородную систему, в которой отсутствовала классовая дифференциация. Общественные отношения строились на основе кровных связей, которые служили фундаментом для межплеменных отношений. Господствующей формой экономических отношений были простейшие формы удовлетворения материальных потребностей. «Это эпоха господства хищнического или кочевого хозяйства»²¹⁶, - замечал автор. В этих условиях производитель является одновременно и главным потребителем продукции.

Политической формой организации древнего общества является, по мнению Сыромятникова, «непосредственная демократия», где каждый имеет равные права по отношению к другим²¹⁷.

Следующий период, феодальное общество, исследователь дробил на три этапа: политический феодализм, сословно-представительную монархию и полицейское государство. Феодализм, в понимании историка, следует квалифицировать, в первую очередь, как период, «когда земля является основной политической и хозяйственной ценностью»²¹⁸.

Феодальное общество появляется на основе «разложения примитивных политических союзов» и приводит к первому общественному разделению труда. Разделение труда происходит в результате перехода к землевладению. С появлением земледельцев, господствующих производителей, появилась необходимость защиты мирного населения. Таким образом, появились профессиональные воины, «военный класс», и произошло первое разделение труда в обществе. На основе данной дифференциации выросли две формы земельного хозяйства: мелкое, принадлежащее свободному земледельцу, и крупное, направленное на удовлетворение нужд воина-феодала. На землях знати рабо-

тали пленные рабы. По словам Сыромятникова, «закладывается новая форма рабовладельческого землевладения»²¹⁹. Постепенно крупные землевладельцы поглощали владения мелких производителей. Начиналась усиленная конкуренция за землю и рабочие руки.

В условиях натурализации хозяйственных связей произошло ослабление государственной власти, что, в свою очередь, привело к господству «политического феодализма». В правовом смысле общество строилось на договоре между феодалом и вассалом. На основе экономического неравенства выросла общественная дифференциация, появляется социальная иерархия.

Следующим этапом стал период феодального государства или эпохи сословно-представительной монархии. Главной его чертой являлся процесс складывания единого государства в результате конкуренции различных феодальных центров. В результате борьбы произошло падение политического феодализма, ему на смену пришел феодализм социально-экономический²²⁰. В ходе формирования единого государства на смену договорным отношениям между властителем и вассалами пришли отношения подданства, то есть был совершен переход к государственной системе.

С точки зрения Сыромятникова, сословное представительство, характерное для Московского царства, формировалось на почве пережитков политического феодализма: «Участие в политической власти высшего класса, феодальной аристократии, было, так сказать, логическим выводом <...> из самой структуры феодального государства, когда каждый землевладелец был вместе с тем «государем». С объединением феодального мира, понятно, те политические функции, которые выполнялись ранее владетельным классом, обратились в его политические привилегии»²²¹.

В процессе эволюции представительной системы на историческую арену вышел новый класс – буржуазия. Усиление общественной значимости представителей этого социального слоя было обусловлено несостоятельностью натуральной экономики феодального государства. Экономическая слабость вынуждала царя брать займы у купечества, что приводило к усилению купеческого влияния на все остальное общество. Со временем положение буржуазии упрочилось настолько, что она могла конкурировать с феодальной знатью, вследствие чего возник очередной острый социально-экономический конфликт. В результате конкуренции двух сил в обществе сложилась ситуация социального равновесия, когда ни буржуазия, ни феодальная знать не могли за-

нять главенствующее положение. На этом фундаменте зародилась абсолютная монархия, реализовавшаяся в форме полицейского государства. Такая система характеризовалась установлением всеобъемлющего контроля государства над обществом. Но эта форма, неизбежно, по мысли Сыромятникова, сменится буржуазно-правовым обществом.

Более подробно содержание предложенных периодов истории будет рассмотрено в параграфах следующей главы, но здесь необходимо остановиться на отдельных спорных вопросах. В своих работах В.А. Муравьев пишет о заимствовании Сыромятниковым исторической схемы у Ключевского. Подобное мнение не подтверждается фактами. Да и сама периодизация русской истории, нашедшая место в историографических работах В.А. Муравьева об историко-правоведении, вызывает сомнения в принадлежности Сыромятникову, во всяком случае, она не отражает существа взглядов историка. Так, В.А. Муравьев считал: «В своих историко-правовых и исторических курсах Б.И. сформировал схему русской истории как последовательной смены пяти крупных периодов: 1. Эпоха «непосредственной демократии»; 2. Земский период; 3. Удельный период; 4. Московская монархия; 5. Петербургская империя. В этой схеме, где на первое место выведен характер и масштаб власти, без труда узнается попытка варьировать историческую схему В.О. Ключевского, которая пополнена первым периодом («непосредственная демократия»); название же второго («земский») скорее навяно «Обзором» М.Ф. Владимирского-Буданова, где этим понятием объединено время IX-XIII вв. В целом эта историко-правовая и историко-государственная – не собственно историческая – схема транспонировала последовательность: «Русь Днепровская – Русь Верхневолжская – Русь Московская – Всероссийский период»²²².

Прочитанный выше пространный отрывок вызывает большое количество вопросов. Во-первых, к сожалению, автор не указал работ, в которых Сыромятников применил именно эту историческую схему, поэтому трудно судить о ее принадлежности Сыромятникову, во всяком случае, в таком виде она не присутствует ни в одном из известных нам исследований; во-вторых, Сыромятников, как это было указано выше, положил в основу исторического процесса отнюдь не «характер и масштаб власти», а развитие общества и экономики. Особенно важно сказать о том, что тезис о заимствовании периодизации именно у В.О. Ключевского встречает множество контраргументов. Достаточно отметить, что В.О. Ключевский строил, так сказать, локально-историческую схему, отталкиваясь от своей концепции «местной истории», по

которой «народы <...> рассматриваются не как последовательные моменты цивилизации, не как фазы человеческого развития, а рассматриваются сами в себе, как отдельные этнографические особи»²²³. Таким образом, В.О. Ключевский предлагал периодизацию, применимую к истории России. Совершенно иной подход у Сыромятникова. Он изначально выбрал всемирно-исторический принцип периодизации русской истории, как страны, прошедшей те же стадии, что и другие общества. Отсюда исторические этапы, выделенные исследователем, очевидно, корреспондируются с общеевропейским развитием. В.О. Ключевский указывает на специфичность русской истории, Сыромятников – на ее типичность.

Откуда же позаимствовал историк-правовед указанную выше схему? Указанное разделение русской истории на периоды очень напоминает этапы исторического развития, предложенные Н.П. Павловым-Сильванским. Последний выделял следующие периоды: 1) «от доисторической древности до XII в.» – господство общины; 2) XIII – XVI вв. – господство боярской вотчины – эпоха феодализма; 3) Московская сословная монархия; 4) Петербургская империя²²⁴.

Итак, периодизации Сыромятникова и Н.П. Павлова-Сильванского в значительной мере совпадали. Причиной этого может быть не только прямое заимствование, но и схожесть принципов и методов исследования обоих ученых. Здесь также необходимо отметить, что, несмотря на сходство, в указанных периодизациях были и важные отличия. Н.П. Павлов-Сильванский в выделении последних двух этапов во многом использовал формальный признак, а именно смену столиц и характер власти. Сыромятников же сделал упор на существенные характеристики: так, «Московская сословная монархия» превращается в «сословно-феодальную», а «Петербургская империя» в «полицейское государство».

Эволюция России в объяснении историка-юриста происходила «снизу вверх», то есть импульс развития шел от состояния общества и экономики. Сыромятников предлагал последовательную картину истории России, в которой определяющую роль играет не государство, а общество, частью которого и является правительственный аппарат. Такая постановка вопроса объективно противоречила сложившимся представлениям в русской историографии. Практически, общим местом было признание государства в качестве демиурга русского исторического процесса. Большинство историков прямо причисляли

себя к государственной школе. Даже В.О. Ключевский, которого Сыромятников называл ученым, разрушившим традиционные представления об истории России, также отдал дань концептуальным построениям историков-государственников. Сыромятников сознательно пытался отказаться от такого взгляда. Он последовательно описывал русскую историю как историю общественных отношений, а не государственного строительства. Нередко его построения носили умозрительный характер, нередко он, как сын своего времени, вынужден был повторять «расхожие истины» государственной школы, но в научном творчестве историка можно четко проследить наметившуюся тенденцию предреволюционной исторической науки - тотальную ревизию исторического знания, отход от схем историко-юридического направления.

Предложенная Сыромятниковым схема развития общества несла и значительную идеологическую нагрузку. По ней Россия как страна, эволюционирующая по тем же законам, что и другие страны, в частности, в Западной Европе, неизбежно должна прийти к правовому государству с парламентской формой правления. Этап народно-правового государства, по мысли ученого, не будет последним в развитии, но в том, что он будет необходимым, историк не сомневался.

Таковы представления ученого о методах и приемах исторического исследования и всемирно-историческом процессе. Проведенный анализ позволит более объективно решить проблемы принадлежности Сыромятникова к тем или иным историографическим школам.

Указанные выше точки зрения В.А. Муравьева и А.С. Попова, так или иначе, приводят нас к проблеме школы Ключевского, споры о существовании которой не утихают до сих пор.

Изучение научного творчества Ключевского началось еще при его жизни. Как признанный классик и властитель дум целого поколения он стал символом новейших достижений исторической науки. О высокой оценке его деятельности свидетельствует и то, что сразу после его смерти появилось большое количество воспоминаний и научных изданий, посвященных историку. В них нередко затрагивался и интересующий нас вопрос о школе Ключевского. Так, не только о новаторстве творчества покойного ученого, но и о наличии целого направления, которому он дал жизнь, говорили Б.И. Сыромятников, а также М.М. Богословский²²⁵ и П.Н. Милюков²²⁶.

После революции это утверждение было подвергнуто сомнению лидером первого поколения историков-марксистов, и некогда одним из студентов Ключевского, М.Н. Покровским. «Принято говорить о «школе» Ключевского. Если какой-нибудь ученый органически не мог иметь школы, то это именно автор «Боярской думы», единственный метод которого заключался в том, что в старое время называли «дивинацией». Благодаря своей художественной фантазии Ключевский по нескольким строкам старой грамоты мог воскресить целую картину быта, по одному образчику восстановить целую систему отношений. Но научить, как это делается, он мог столь же мало, сколь мало Шаляпин может выучить петь так, как сам поет. Для этого нужно иметь голос Шаляпина, а для того нужно было иметь художественное воображение Ключевского»²²⁷. Это суждение впоследствии развила в своих трудах другой выдающийся советский историк, академик М.В. Нечкина, написавшая капитальный труд, посвященный жизни и научной деятельности Ключевского²²⁸. С ее точки зрения, Ключевский не мог оставить после себя научную школу, так как, якобы, не смог предложить целостной методологии, а встал на позиции «эклектизма», многофакторности в объяснении исторического процесса, что автоматически не позволяло создать прочный фундамент для нового направления²²⁹. Подобная позиция, освященная авторитетом вышеназванных ученых, стала господствующей в советской историографии.

Иного мнения придерживался Т. Эммонс. В его понимании, отказывать в существовании школе Ключевского нет оснований. На широком материале Эммонс проследил преемственность между Ключевским и его учениками. К школе Ключевского ученый причислил всех студентов Ключевского, защитивших под его руководством диссертации. Всего их насчитывалось шесть человек: П.Н. Милюков, М.К. Любавский, Н.А. Рожков, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер и Ю.В. Готье. По мнению Эммонса, школе Ключевского присущи следующие отличительные черты: применение многофакторного подхода в объяснении истории; критическое отношение к бюрократически-абсолютистскому государству и его способности проводить преобразования; интерес к изучению проблем децентрализации и самоуправления в русской истории²³⁰.

Последние десятилетия позволили по-новому оценить вклад Ключевского в русскую историографию, скорректировать и пересмотреть некоторые оценки его творчества и деятельности его учеников. Так, при объяснении феномена Ключевского и значения его наследия для историографии, В.А. Муравьев, как уже упоминалось выше, оперирует понятием «новой волны» истори-

ков, которые пришли в науку в конце XIX – начале XX вв. Их научно-исследовательский почерк формировался под непосредственным влиянием работ Ключевского. «"Новая волна" включала в себя ученых двух типов: тех, кто продолжил творчество в русле концепций Ключевского (М.М. Богословский, М.А. Дьяконов, Б.И. Сыромятников и др.) и тех, кто критически подошел к его методологическим принципам, выработав новое понимание истории как науки (П.Н. Милюков, Н.П. Павлов-Сильванский)»²³¹. Несмотря на некоторую неопределенность термина «новая волна», предложенный подход заслуживает внимания, поскольку ставится проблема тесной связи не только между Ключевским и его непосредственными учениками, но и влияния историка на целое поколение ученых.

Наиболее обстоятельный труд, посвященный школе Ключевского, был подготовлен А.С. Поповым. Значительная часть работы посвящена доказательству существования школы Ключевского. Опираясь на мнения историков и специалистов по истории науки, в частности на Г.П. Мягкова, А.С. Попов выделяет следующие критерии, которые позволяют судить о наличии школы. Школа должна трактоваться, во-первых, в аспекте своих коммуникативных характеристик (т.е. связей членов, структуры школы, психологических взаимоотношений в школе, наличия лидера, наличия институтов и т.д.); во-вторых, в аспектах идейных характеристик философско-методологических и политических ориентации школы); в-третьих, в аспекте непосредственных конкретных разработок школы в исторической науке²³².

Сопоставление характеристик школы Ключевского и предложенной идеальной модели привело исследователя к выводу о существовании феномена школы Ключевского: «школа Ключевского в основном отвечала указанным критериям, что позволяет признать ее легитимность. Она имела признанного руководителя – В.О. Ключевского, научный авторитет которого был непрекаем, институциональную форму в виде кафедры русской истории историко-филологического факультета Московского университета. Большинство представителей школы Ключевского, которая, как и любая другая научная школа, прежде всего, предполагает систему взаимоотношений «учитель – ученики», непосредственно являлись учениками В.О. Ключевского. Многие принадлежащие к ней историки сами идентифицировали себя как членов школы. Школа была признана со стороны научного сообщества, в том числе другими историографическими школами, например, петербургской. Наконец, школа имела общие базовые теоретические и методологические позиции и принци-

пы, инициированные ее главой Ключевским. В то же время не связанные путями ортодоксии, представители школы были свободны в своем творчестве, продемонстрировав порой отличное от него понимание тех или иных проблем русской истории»²³³.

При идентификации состава школы А.С. Попов приходит к выводу, что мы вправе причислить к школе Ключевского: П.Н. Милюкова, М.К. Любавского, Н.А. Рожкова, М.М. Богословского, А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье. Также есть основания отнести к данному направлению и таких историков, как Я.Л. Барсков, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, С.В. Веселовский, В.И. Пичета, Б.И. Сыромятников, А.И. Яковлев и некоторых других.

Итак, несмотря на то, что многие вопросы требуют дальнейшего изучения, и то, что остаются исследователи, не принимающие подобных взглядов, мнение о существовании школы Ключевского находит все больше подтверждения в работах специалистов в области истории исторической науки.

Для решения вопроса о причислении исследователей к какому-либо историографическому направлению в последнее время наибольшей популярностью пользуется следующая модель: 1) коммуникативные характеристики, то есть связь «учитель-ученик»; 2) единство методологических и политических взглядов; 3) конкретные разработки по проблемам истории.

Попробуем применить указанные положения к Сыромятникову. Мы сразу же сталкиваемся с определенной проблемой, поскольку Сыромятников не был непосредственно учеником Ключевского. Но тот факт, что он являлся неизменным участником всех сборников, посвященных Ключевскому, наравне с его учениками, свидетельствует о его принадлежности к этому кругу. Кроме того, влияние Ключевского шло скорее от его книг и идей, нежели от работы с учениками, которой он, по воспоминаниям, пренебрегал.

Что касается методологических и политических взглядов Сыромятникова, то они, очевидно, корреспондируются как со взглядами Ключевского, так и его учеников. О своей приверженности методологическим приемам выдающегося историка неоднократно заявлял сам Сыромятников, а либерализм, которого он придерживался в различных вариантах, был практически общим мировоззрением для школы Ключевского.

И наконец, конкретные разработки по истории. Здесь также многие темы были подсказаны В.О. Ключевским. Главная проблематика исследований Сы-

ромятникова до революции, проблема феодализма, появилась и разрабатывалась под сильным влиянием Ключевского, о чем прямо говорит сам ученый: «Мы рассмотрим при этом удельную Русь как феодальную организацию, основная характерная черта которой давно уже вскрыта мастерским анализом проф. Ключевского. Маститый историк по справедливости должен считаться самым глубоким обоснователем русского феодализма, хотя сам он и стоит в оппозиции к русским федистам»²³⁴.

Казалось бы, после всего сказанного, мы смело можем причислить Сыромятникова к школе Ключевского, но вопрос, на самом деле, несколько сложнее, чем это кажется на первый взгляд.

Кроме подходов, рассмотренных выше, есть мнение, согласно которому мы вправе говорить не столько о школе Ключевского, сколько о московской школе в целом. Наиболее отчетливо такая точка зрения выражена Д.А. Гутновым²³⁵. Автор обоснованно подчеркивает большое влияние на формирование исторических взглядов и методологии исследования историков-выпускников Московского университета не только В.О. Ключевского, но выдающегося специалиста по средневековой истории Западной Европы, П.Г. Виноградова. В рамках московской школы Гутновым выделяется два направления: первое, занимавшееся изучением отечественной истории – во главе с Ключевским; второе, специализировавшееся на проблемах всеобщей истории – во главе с Виноградовым. Гутнов выделяет следующие точки соприкосновения, по которым мы можем судить о наличии единой московской школы: общие методологические установки (позитивизм); внимательное отношение к историческому источнику; социальная направленность исследования и как отражение этого – преимущественное внимание к изучению социально-политических процессов развития общества и его взаимодействия с властью, политической эволюции государства и эпохам реформ, изучение социальных катаклизмов и их последствий. Во многом похожей точки зрения придерживаются А.Н. Шаханов²³⁶ и немецкий исследователь Томас Бон²³⁷.

Т. Бон предложил развернутую систему отличительных признаков-критериев, присущих московской школе: «1) Институциональной основой являлся историко-филологический факультет Московского университета. 2) В то время как В.О. Ключевский, являясь интеллектуальной харизматической личностью, вдохновлял подрастающее поколение историков к самостоятельным исследованиям, университетский историк П.Г. Виноградов направлял свои усилия

на групповую деятельность в рамках совместных проектов. 3) Манифестом послужило опубликование в 1880 г. в журнале «Русская мысль» введения Ключевского к работе «Боярская Дума древней Руси», где прокламировалось сочетание институциональной истории учреждений с социальной историей. 4) Докторская диссертация Ключевского, полностью опубликованная в 1882 г. была образцовым примером для всех его учеников. 5) Разработанной впоследствии научной парадигмой была «историческая социология», находившаяся под влиянием западного позитивизма. 6) В связи с экзаменационными условиями в России, научная степень присуждалась только узкому элитарному кругу. Публичная защита диссертации фактически являлась предпосылкой для вступления в научное сообщество. 7) В России работа над диссертацией была практически реальна в случае подготовки конкретного лица к научной карьере»²³⁸.

Итак, начнем по порядку. Автор выделяет историко-филологический факультет в качестве основы школы, но, в связи с проведенным анализом научной биографии Сыромятникова, необходимо сделать важное замечание. Дело в том, что В.О. Ключевский и П.Г. Виноградов оказывали большое влияние не только на собственно историков, но и на представителей других гуманитарных дисциплин, в частности юристов. Более того, влияние исходило не только от их работ, но и оттого, что оба читали курсы как для историков, так и для правоведов.

О влиянии как В.О. Ключевского, так и П.Г. Виноградова на генерацию историков Московского университета, говорилось неоднократно, но испытывали ли это влияние Сыромятников, не будучи студентом историко-филологического факультета? Зависимость методологических взглядов историка-правоведа от В.О. Ключевского нами уже отмечалась, сложнее вопрос с П.Г. Виноградовым. Мы не знаем, слушал ли курсы П.Г. Виноградова Сыромятников, хотя тот читал и на юридическом факультете, но можно отметить хорошее знакомство последнего с работами историка-медиевиста. Более того, Сыромятников знал П.Г. Виноградова лично, встречаясь с ним на различных мероприятиях, таких как Экономические беседы или Академический союз. Сыромятников принимал участие и в учебных изданиях, создание которых было инициативой П.Г. Виноградова. Также выше было показано, что подходы, предложенные обоими для решения проблем, связанных с изучением истории права, во многом совпадают. Вряд ли это является случайностью, и, как минимум, свидетель-

ствуует о схожести принципов исследования ученых, вышедших из Московского университета.

Следующие три критерия, предложенные Т. Боном, мы также вправе отнести к Сыромятникову. Диссертацию «Боярская дума древней Руси» Сыромятников считал образцовым историческим сочинением и равнялся на нее в методологическом плане. «Историческая социология» В.О. Ключевского трансформируется у историка-правоведа в социологическую интерпретацию истории права, а позитивизм был для исследователя основой мировоззрения. Последние два пункта, нашедшие место в концепции Бона, выглядят несколько странно и свидетельствуют скорее не о специфических чертах московской школы, а о системе подготовки кадров в России в целом, поэтому мы их опускаем.

Кто же прав: те, кто говорил о школе Ключевского или те, кто придерживался мнения о существовании московской школы? Думается, что научное творчество историка-правоведа, методологические принципы исследования которого находят свои истоки в работах московских историков, является ярким свидетельством того, что, скорее всего, надо говорить не о школе Ключевского, а о школе Московского университета в целом. Не будучи учеником автора «Боярской Думы» и даже выпускником историко-филологического факультета, Сыромятников воспринял методологические приемы, присущие именно историкам-ученикам Ключевского и Виноградова. Надо отметить, что случай Сыромятникова не единичен. Под влиянием Ключевского были написаны труды таких историков-юристов, как П.Н. Мрочек-Дроздовский, С.А. Петровский, А.Н. Филиппов и М.А. Дьяконов²³⁹. Подобные факты свидетельствуют о тесных связях (которые требуют дальнейшего изучения) между различными подразделениями университета, а также о том, что университет являлся центром, в котором культивировался именно рассмотренный выше подход для решения исторических проблем. Ключевский и его ученики – лишь частный, хотя и самый яркий, случай, одно из направлений в огромной генерации гуманитариев-историков, воспитанных в стенах университета, среди которых был и Сыромятников. Благодаря ориентации на принципы исследования московской школы, историко-правовые работы Сыромятникова фактически превращаются в классические исторические труды с выявлением всех элементов общественных связей конкретной эпохи для реконструкции правовых отношений различных исторических периодов.

Итак, рассмотрев различные точки зрения, и подводя итоги, думается, мы имеем право говорить о принадлежности Сыромятникова к Московской школе.

Кроме методологических принципов, присущих историкам Московского университета, на Сыромятникова, очевидно, оказала огромное влияние и отечественная школа исторического правоведения. Среди историков права заметно влияние М.М. Ковалевского, М.Ф. Владимирского-Буданова. Несмотря на отрицательное отношение к государственной школе, Сыромятников унаследовал, как и многие историки его эпохи, многие принципы исследования, присущие историкам-государственникам. Повышенный интерес ученого к истории государственных учреждений, что, например, отчетливо проявилось в его книге «“Регулярное государство” Петра Великого и его идеология», был продолжением традиций Б.Н. Чичерина и К.Д. Кавелина.

Не мог не оказывать влияние на научные взгляды историка-юриста и один из наиболее ярких представителей исторического сообщества на рубеже XIX – XX вв. – Н.П. Павлов-Сильванский. Совпадение проблематики и определенное первенство автора «Феодализма в древней Руси» заставляли Сыромятникова с пристальным вниманием наблюдать за исследовательской деятельностью первого, что привело к некоторой схожести картин феодального строя, нарисованных обоими учеными.

Существует также мнение, что большое влияние на историка-правоведа оказали последние достижения современной ему западной исторической науки²⁴⁰. С подобным суждением трудно поспорить. Сыромятников пристально следил за достижениями западной историографии. В его работах можно найти анализ трудов ведущих европейских историков и философов, а заграничная командировка стала важной вехой развития ученого, познакомив его с европейским сообществом ученых-гуманитариев. Русскую историческую науку он, безусловно, признавал частью общеевропейской.

После революции Сыромятников сохранил основные методологические принципы, характеризовавшие его дореволюционное творчество. В частности, он так и не отказался от своей периодизации русской истории²⁴¹. Фактически, он, как и многие другие представители старой школы, являлся одной из связующих нитей между разными эпохами в исторической и историко-правовой науках. Тем не менее, мы не можем говорить, что его взгляды остались без изменений.

В двадцатые годы он вынужден был писать работы с оглядкой на лидера советской исторической науки, М.Н. Покровского. Обязательным компонентом его работ стали цитаты из классиков марксизма-ленинизма. В связи с методологическим догматизмом и насаждением схематизма в истории в 20-30-е гг., когда приходилось доказывать состоятельность своих исследований при помощи «жонглирования» цитатами из Маркса, Ленина и Сталина (что, кстати, Сыромятников вполне успешно освоил), он также был вынужден изменить некоторые свои принципы исторического анализа. Если раньше главнейшим компонентом он рассматривал не документальную базу исследования, а методы построения исторического синтеза, которые и позволяют, считал он тогда, адекватно интерпретировать факты, то в условиях единой, навязанной теории, историк признал огромное значение источников. Он убедился, что методология может оказаться заидеологизированной настолько, что какие-либо объективные исследования будут весьма затруднительными без солидного документального фундамента. Поэтому он и выдвигает лозунг «Назад к источникам!» в своей работе о социально-экономических отношениях в Древней Руси. «При подобных условиях нам представляется в настоящий момент особенно важным обратиться к всестороннему анализу подлинных источников. В этом смысле лозунг – назад к источникам должен быть выдвинут, как актуальная задача в области исторических исследований», - писал исследователь²⁴². Указанный принцип он попытался реализовать в целой серии работ, посвященных источниковедческому и историографическому анализу крупнейших документальных памятников отечественной истории.

Такая позиция свидетельствует не об изменении методологической базы исследований, а о существенной корректировке принципов научного поиска, произошедшей под давлением обстоятельств, не имеющих к науке прямого отношения.

В его последних исследованиях проявилось и определенное влияние неокантианства, впрочем, обрамленное цитатами из Маркса и Энгельса. В докладе о социально-экономическом строе Киевской Руси Сыромятников использует термины «идеальный тип», «идеографическое и номотетическое направление»²⁴³.

Тем не менее основы теоретических представлений историка остались в общем неизменными и после революции.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Рефлексия на процесс развития исторической науки является важнейшим признаком профессионализма исследователя. Появление историографии как особой исторической дисциплины – показатель зрелости истории как науки. В конце XIX - начале XX вв. историографические исследования в России приобрели значительный размах, с одной стороны, являясь следствием методологических поисков историков, а с другой – историографические исследования стали важным средством в борьбе научных направлений начала XX века.

Библиография трудов Сыромятникова свидетельствует о достаточной широте и разнообразии его научных интересов. В частности, можно с уверенностью утверждать об особом внимании ученого к историографическим аспектам. Каждую конкретную историческую проблему, которая привлекала его внимание, он стремился ввести в историко-научный контекст. Бережное отношение к деталям научного поиска историков, внимание к малейшим поворотам их рассуждений были характерной отличительной чертой Сыромятникова-историографа.

Исследователь не оставил законченного труда, позволяющего представить целостную картину его историографических взглядов, но анализ научного наследия историка позволяет признать в нем крупного и оригинального специалиста в области истории исторической мысли.

Интерес к историографическим проблемам проявился у Сыромятникова еще в самом начале его научной карьеры. Так, в качестве магистерского реферата была представлена работа «Краткий очерк литературных мнений по вопросу об удельном периоде древней Руси»²⁴⁴. В работе рассматривалось развитие представлений об удельном периоде на протяжении XIX века. В этом очерке Сыромятников предстает еще только начинающим исследователем. Многие его суждения весьма односторонни, а концепции историков рассматриваются в статике. Тем не менее, уже первое исследование отличалась широтой постановки проблемы и смелостью мысли. В нем историки были разделены на «старую» и «новую» школы. К «старой» школе были отнесены Н.М. Карамзин и Н.И. Костомаров за их приверженность литературному слогу в ущерб науке; к «новой» школе – К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьёв и, наконец, В.О. Ключевский, старавшиеся дать, в первую очередь, научное объяснение ходу событий. Как видно, основным критерием выделения школ является при-

нцип научности. В дальнейшем Сыромятников не только разовьет высказанные в «Кратком очерке» мысли, но и многое критически пересмотрит.

В дореволюционный период своей научной деятельности историк написал немало работ историографического свойства. Поскольку все они написаны примерно в одно и то же время, мы вправе рассматривать их как единый комплекс. Основной целью историографических работ Сыромятникова была борьба с «пережитками» государственной школы. По его мнению, продолжающееся влияние этого историографического направления тормозило развитие исторической науки в России.

Наиболее наглядно понимание генезиса отечественной историографии Сыромятниковым представлено во «Введении» к докторской диссертации, неопубликованной из-за известного конфликта ряда преподавателей Московского университета, в том числе и Сыромятникова, с министром просвещения Л.А. Кассо. Работу предполагалось назвать «Происхождение феодальных отношений в древней Руси»²⁴⁵, и первая ее часть «Традиционная теория русского исторического развития» представляла собой историографический очерк, посвященный истории русской исторической мысли XVII – XIX веков.

На это исследование обращал внимание и отзывался о нем самым лестным образом С.Л. Пештич. «Прекрасное знание историографии всеобщей истории позволило автору «Традиционной теории русского исторического развития» сделать правильный вывод о зависимости взглядов современных ему историков на задачи исторического изучения от взглядов средневековых летописцев. <...> Книга ценна умелым подбором высказываний изучаемых авторов. Общественно-политические характеристики <...> интересны и в настоящее время»²⁴⁶.

Фундаментальный историографический очерк, являвшийся введением к основной части диссертации, преследовал цель выяснить причину отрицания существования феодальных порядков в европейском смысле на Руси. По содержанию очерк является попыткой проследить истоки «теории контраста» П.Н. Милюкова, по которой Россия развивается не как Европа «снизу вверх», то есть когда импульс эволюции идет от общества к государству, а наоборот, «сверху вниз», когда государство является источником развития. В наиболее ярком виде «теория контраста» нашла выражение в «Очерках по истории русской культуры»²⁴⁷. Отношение к «Очеркам» П.Н. Милюкова менялось у Сыромятникова со временем. Так, в магистерском реферате он называл этот труд «ласточкой новой весны русской исторической системы»²⁴⁸.

В «Традиционной теории...» оценка поменялась. Если ранее труд Милюкова Сыромятников назвал новым словом в исторической науке, то теперь мы находим следующие мысли: «Едва ли мы ошибемся, если скажем, что новый труд П.Н. Милюкова является таким же итогом исторического знания за XIX век, каким «История государства российского» Карамзина была для XVIII столетия»²⁴⁹. Именно теорию особого пути развития России Сыромятников подверг критическому разбору в своей работе. Думается, отталкиваясь от сохранившейся части докторской диссертации, мы вправе предположить, что Сыромятников задумывал свое исследование, формально посвященное доказательству существования феодализма на Руси, как всеобъемлющую критику теории особого пути России, и, в первую очередь, концепции Милюкова. Историк-правовед поставил своей целью, проследив истоки данных представлений, показать их архаичность, несоответствие современным достижениям науки. «Наука русской истории все еще продолжает вращаться в замкнутом кругу традиционных схем и давно заученных положений. <...> Два деспотических очерка держат до сих пор в тисках нашу историческую мысль. Согласно одному из этих принципов, основной двигательной силой в русской истории была всемогущая, всесозидающая «государственная власть», правительство, которое и строило «сверху» скромное здание русского «общества» из груды сырого материала. <...> Отсюда логически вытекал и второй принцип, гласящий, что историческое развитие России шло совершенно особым путем, в противоположность исторической эволюции западноевропейских народов, которые развивались органически «изнутри», среди непрерывной борьбы социальных элементов»²⁵⁰, - писал Сыромятников.

В начале своего исследования автор признал необходимость анализа философско-исторической мысли с учетом социальной среды, в которой она возникает. Такая постановка вопроса приводит к выводу, что историк рассматривал историю как часть общественной мысли: «Глубокая внутренняя зависимость человеческой мысли от социальной среды не менее рельефно выступает и в сфере развития исторических идей»²⁵¹. Стремление рассмотреть проблему феодализма в рамках всей исторической мысли нашло свое объяснение в следующем утверждении: «История, как и природа, не делает скачков, она есть процесс, непрерывная цепь явлений, где выпадение одного звена влечет разрыв всего целого. Таким образом, историческая наука имеет свою собственную историю»²⁵². Следуя этому принципу, автор решил найти истоки современных ему проблем исторической науки в ее отдаленном прошлом.

Первая глава очерка посвящена генезису исторической мысли, в первую очередь, в Западной Европе. Тем самым, Сыромятников подчеркивал однотипность развития западной и русской историографии.

Первым этапом в развитии исторических представлений, по мнению историка, был период эпосов и сказаний, героических песен и священных гимнов. За ним следовал летописный период. Автор категорически не согласился с широко распространенным мнением, по которому летописец при написании свода оставался абсолютно беспристрастным фиксатором событий. Он был подвержен тем же общественным настроениям, что и его современники. Постепенно летописная традиция, подчиняясь власти, приобретала отчетливо официальный характер. Такой переход автор связывал с образованием Московского государства, когда история превратилась в элемент легитимизации правящей московской династии. В XVI в. окончательно сложилась «официальная национально-государственная теория, согласно которой «исконная» самодержавная власть «Божьей милостью» московских государей выводится прямо от «Августа – кесаря из начала веков», а Москва объявлялась «третьим Римом», ковчегом истинного благочестия и будущих судеб человечества»²⁵³. Концепция летописцев XVI в. была воспринята авторами XVII в., найдя свое отражение в «Синописе», из которого, в свою очередь, перешла в историографию XVIII столетия. Важно отметить, что с точки зрения Сыромятникова, влияние Московской летописной традиции передавалось не только через сочинения авторов XVII в., но и через сами летописные своды, послужившие основным источником для историков XVIII века.

При сопоставлении труда Сыромятникова с современными ему историографическими работами становится очевидным большое влияние на него известной книги П.Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли». Влияние заметно и в представлениях об общей схеме развития исторической мысли. Так, П.Н. Милюков считал, что преклонение историков XVIII в. перед царствующим домом и государством в лице его правителей, а также изложение всего хода русской истории как торжества единодержавия было перенято у летописцев XVI – XVII веков²⁵⁴.

Сыромятникову также виделись истоки исторических представлений XVIII в. в московской исторической традиции: «Влияние это шло от летописных сводов, которые испытали на себе господство московских политических идей, затем интерпретация эта русской истории была воспроизведена в «Степен-

ной книге» и «Синописе», откуда перешла в сочинения историков: влияние «исторической» литературы Московского государства на историков XVIII в. должно было сказаться не только в том, что в лице «Степенной книги» и, главным образом, «Синописа» они получали в значительной степени искажённую и обезображенную летопись, но также и в том, что специфическая точка зрения названных памятников <...> заставляла их [историков - В.Т.] схематизировать летописный материал в известной системе, суживая в то же время поле исторического наблюдения»²⁵⁵. Но Сыромятников добавлял, что восприятие такой исторической схемы, при которой вся русская история рассматривается как развитие самодержавия, не встретила никакого неприятия в XVIII в. благодаря философским идеям, господствовавшим в эпоху Просвещения. Главной из них была идея просвещенного монарха, который и является источником развития народов и государств: «Говорить в данном случае о том, что наши историки XVIII ст. находились под «прямым» влиянием «московской» государственной идеи было бы неправильно <...> наши историки этого времени находились под прямым влиянием не московской, а «петербургской» государственной идеи, т.е. теории просвещенного абсолютизма»²⁵⁶. Именно философско-мировоззренческому контексту развития историографии автор уделял особое внимание.

При рассмотрении XVIII в. Сыромятников подчеркивал, что отличительными чертами, присущими этому периоду, являются рационализм и прагматизм. Им выделялись два направления среди историков: татищевское и ломоносовское. «Первое носило антикварный или академический характер и ставило своей целью накопление и сводку исторического материала с возможной критикой источников», типичным историческим сочинением этого направления являлась «история–летопись». Второе отличалось преобладанием литературного, риторического элемента, и, в первую очередь, выдвигала морально-просветительскую задачу», для этого направления характерна история – «красноречивое сложение»²⁵⁷. К первой группе, кроме В.Н. Татищева, относится также И.М. Стриттер. Ко второй – М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, И.П. Елагин и Н.М. Карамзин. Несколько особняком в этом ряду стоит И.Н. Болтин. Ему в заслугу ставится осторожная критика рационализма, с которой он выступил, признав влияние на историю не только личности, наделенной властью, но и климатического фактора.

Характерной чертой для этих историков являлся патриотизм и преклонение перед просвещенной монархией и единодержавием: «Просвещение и само-

державие – вот альфа и омега философии русских историков от Татищева до Карамзина»²⁵⁸. Все они подчинялись одной и той же схеме развития России, схеме, при которой вся история сводилась к развитию самодержавия²⁵⁹. Как уже указывалось выше, это произошло из-за рецепции в XVIII в. московской политико-исторической концепции и влияния идей просвещенного абсолютизма.

Не вписывались в господствующие направления Н.Г. Леклерк и А.Л. Шлёцер. Последнего Сыромятников называл «рыцарем исторической правды, предшественником Нибура»²⁶⁰, на том основании, что Шлёцер не впал в неумное восхваление русской истории, как это делали отечественные историки, а попытался критически осмыслить многовековой путь, который прошла Россия. Но, несмотря на осторожность и взвешенность суждений, Шлёцер полностью воспринял традиционную схему исторического развития, сводящуюся к деятельности самодержцев.

Немаловажной чертой историографии XVIII в., по мнению Сыромятникова, являлось и признание единства исторического развития народов. Тем самым, был сделан важный шаг по направлению признания идентичности исторического процесса России и Европы.

Руководствуясь идеей эволюционного характера исторического познания, Сыромятников выделял переходные периоды в истории исторической мысли, в которых переплетаются как характерные черты предыдущего этапа, так и новые тенденции. В начале XVIII в. переходный характер носило творчество В.Н. Татищева, ознаменовавшее собой отход от летописной традиции к историческому исследованию. На рубеже XVIII и XIX вв. в подобной роли выступает деятельность Н.М. Карамзина. С точки зрения Сыромятникова, Н.М. Карамзин не только подвел итог историографии XVIII в., но и стал предтечей новой эпохи в исторической мысли. Уже в работах Н.М. Карамзина Сыромятников находил существенное влияние идеалистической философии, которая стала господствующей в первой половине XIX в., послужив основой для двух направлений отечественной общественно-философской мысли: западничества и славянофильства. Карамзина исследователь называет предтечей славянофилов. В дальнейшем, в 40-х годах XX в., Сыромятников уточнит свои представления, назвав Н.М. Карамзина предшественником не только славянофилов, но и западников: «Можно было бы считать Н.М. Карамзина родоначальником тех, сложившихся в середине XIX века двух основных течений

русской общественной мысли, которые, в конце концов, получили название “западничества” и “славянофильства”»²⁶¹. К таким выводам историка привел анализ взглядов «Колумба древностей российских», рассмотренных в динамике. Путь Н.М. Карамзина – это путь от космополитизма и преклонения перед западной культурой к консерватизму и национализму. Надо отметить, что в своих историографических работах, Сыромятников последовательно идет по пути диалектической интерпретации взглядов историков. Так, в одном исследователе может уживаться как славянофил, так и западник, а любое историографическое направление – это симбиоз старого и нового.

В XIX в. на смену рационализму приходит философия идеализма, чему немало способствовала рефлексия европейского общества на события Французской революции, после которых многие мыслители повернулись в сторону консерватизма. Аналогичный процесс Сыромятников наблюдал и в русской общественной мысли. Именно идеалистическая философия способствовала превращению исторической мысли в историческую науку: «Выдвигая на первое место идею органического развития вселенной и утверждая генетическую точку зрения на мир, идеалистическая философия, в противоположность догматическому рационализму XVIII ст., была философией исторической по преимуществу. <...> Идеалистическую философию можно было бы, поэтому, не без основания назвать колыбелью истории как науки»²⁶². Идеалисты-романтики выдвинули на первый план исторические проблемы, в которых видели истоки и ответы на вопросы современности. Представители общественной мысли, основываясь на новом мировоззрении, пришли к следующим умозаключениям: «во-первых, история не повторяется и, во-вторых, что известные избранные народы призваны выполнить каждый свою особую миссию во всемирной истории»²⁶³. В таком виде история стала государственной идеологией. Так, публикация законов при Николае I должна была подчеркнуть приверженность традиции в противовес реформаторству первых годов правления Александра I: «На историю правительство смотрит теперь как на один из оплотов общественного порядка, как на одно из надлежащих средств против опасного “шатания умов”»²⁶⁴.

На развитии истории как науки в первой половине XIX в. сказалось влияние таких «молодых наук», как история права, филология, антропология, фольклористика и некоторых других. Важно, что в эту эпоху умозрительные концепции рационалистов сменяются строго историческим анализом. Принцип историзма становится определяющим в методологии исследования.

В это время выделились два основных направления как в общественной, так и в исторической мысли: западники и славянофилы. Сыромятников указывал, что нередко эти два течения пересекались и смешивались: «Нас не должен удивлять тот факт, что мы не найдем в изучаемом периоде почти ни одного выдающегося мыслителя, писателя или ученого, который в большей или меньшей степени не испытал на себе двойного влияния выше названных встречных идейных течений»²⁶⁵. Типичным деятелем, колебания которого наиболее очевидны, являлся, с точки зрения Сыромятникова, К.Д. Кавелин, названный автором «эклектиком по своему умственному складу».

Несмотря на оговорки, Сыромятников относил к славянофилам таких историков, как М.П. Погодин, С.П. Шевырѐв. К западникам примыкали К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и Т.Н. Грановский. С.М. Соловьѐва он называет «умеренным западником»²⁶⁶.

Особое место в общем течении исторической мысли занимало «археологическое направление», представителями которого являлись собиратели и издатели исторических документов, вышедшие из кружка Н.П. Румянцева.

Пальму первенства в господстве над умами того времени Сыромятников отдавал государственной школе: «Под могучим воздействием идеалистической философии, в атмосфере сгущенной политической и идейной реакции, при крайнем обострении национального чувства зародилось тогда это столь богатое по своим научным последствиям научное движение»²⁶⁷. Несмотря на плодотворность в научном плане, историко-юридическая школа также стала заложником тормозящей развитие науки традиционной схемы истории России. Более того, методологический фундамент, на котором основывалось данное направление, очень быстро стал еще одним препятствием для прогресса исторического знания. Опираясь на философские идеи первой половины XIX в., идеалистическая историография, к которой принадлежала и государственная школа, подменила конкретное изучение истории созданием жестких логических конструкций: «Философия истории XIX столетия <...> превращала процесс исторический в процесс диалектический; историческую логику событий она заменяла логикой понятий, априористически постулируя свои произвольные схемы, где развитие начала «личности», «государственности» и т.п., чередовались с самыми причудливыми сочетаниями»²⁶⁸. Идея государства, которому в гегельянской философии отводилась роль выразителя «духа наро-

да», привела к тому, что исследования сконцентрировались исключительно на политической истории и истории правительственного законодательства.

Следствием деятельности государственной школы, с точки зрения Сыромятникова, было закрепление того взгляда на историю России, по которому русский народ развивается кардинально иным путем, нежели европейские народы. К такому выводу приводила методология исследования, присущая государственной школе. Концентрируя внимание на развитии государства, игнорируя развитие общества, представители этого направления поддались иллюзии, что все в России развивается только благодаря государственному аппарату.

Несмотря на критику государственной школы, Сыромятников отмечал и достижения исторической мысли представителей этого направления. Например, использование Б.Н. Чичериным гегелевского понятия «гражданское общество» применительно к истории России позволило выделить в особый период эпоху раздробленности Руси²⁶⁹.

Интерес к историко-юридическому направлению Сыромятникова лежал не только в историографической плоскости. Так, автор посвятил несколько специальных работ одному из наиболее ярких представителей государственной школы, К.Д. Кавелину. В них он поднял совершенно неисследованную ранее проблему участия ученого в проведении Великих реформ²⁷⁰. Сыромятников проследил влияние «Записки 1855 года», написанной К.Д. Кавелиным, на ход и реализацию отмены крепостного права. В ходе исследования автор сделал вывод, что: «по существу Кавелина с достаточным основанием можно было бы назвать идеологом и вдохновителем крестьянской реформы в ее практической постановке и окончательной реализации. <...> Именно Кавелину суждено было стать глашатаем тех коренных начал реформы 1861 г., которые постепенно выявились в процессе ее подготовки и в результате легли в ее основание»²⁷¹. Проблема участия представителей государственной школы в проведении Великих реформ получила свое естественное продолжение в одном из недавних исследований²⁷².

В противовес государственной школе, придерживавшейся западнической ориентации, славянофилы дали жизнь такому направлению, как «историческое народничество», к которому относятся Н.И. Костомаров, И.Е. Забелин и А.П. Щапов. Для этих историков характерно стремление изучать не государственную, а народную жизнь. Во многом это течение предвосхитило взгляды историка, деятельность которого, по словам Сыромятникова, совершила пе-

реворот в исторической науке. Речь идет о В.О. Ключевском. Именно с ним Сыромятников связывал переход к изучению истории общества. В.О. Ключевский аккумулировал все самое лучшее, что было у его предшественников. Именно со школы Ключевского начинается новая эпоха в развитии знаний о прошлом.

Ключевскому историк посвятил, помимо всего прочего, несколько статей, заслуживших внимание специалистов в области истории исторической науки²⁷³. Особый интерес вызывает статья в сборнике памяти В.О. Ключевского, в которой Сыромятников сравнил научные принципы исследования В.О. Ключевского и Б.Н. Чичерина²⁷⁴. В указанной работе автор подчеркнул новизну предложенной Ключевским методологии. Если ранее Ключевского рассматривали, в первую очередь, как выдающегося продолжателя дела С.М. Соловьёва, то Сыромятников обратил самое пристальное внимание на различия во взглядах двух историков. «Мы положительно рисковали бы вовсе не понять Ключевского, если бы взглянули на него только как на продолжателя его учителей или отнесли его к числу «учеников С. М. Соловьёва». <...> Незабвенная заслуга Ключевского в том именно и заключалась, что он имел смелость не идти по проторенным уже путям и решительно выступил в роли историка – реформатора»²⁷⁵.

Автор сравнивал подход, присущий В.О. Ключевскому, с предшествующей ему историографией, в первую очередь, Б.Н. Чичерину. Признавая преемственность между поколениями историков, Сыромятников пришел к выводу о новаторстве автора «Боярской думы древней Руси». Новаторство В.О. Ключевского заключалось не в том, что он просто разработал очередную теорию исторического развития России - их было немало и до него, но в первую очередь в том, что он сменил сам ракурс исследования. От изучения государства, как выразителя духа народа, он переходит к изучению истории общества, от истории «сверху» к истории «снизу». В.О. Ключевский предложил социологический взгляд на русскую историю. «Если про идеалистическую школу историков можно сказать, что она явилась на смену просветительской историографии <...> то про социологическую школу Ключевского с таким же правом можно было бы утверждать, что она, в свою очередь, пришла на смену национально-государственной историографии, поставив на место философского идеализма чисто реалистическое миропонимание», - писал Сыромятников²⁷⁶.

Любопытна мысль Сыромятникова о причинах формирования взглядов В.О. Ключевского. По его мнению, творец новой эпохи исторической науки, рос в атмосфере, когда «старые жертвенники были опрокинуты, явились новые пророки»²⁷⁷, идеалистическая философия сменялась позитивизмом. Деятельность на рубеже двух эпох в развитии мировой мысли привела к тому, что Ключевский смог объединить и творчески переосмыслить как наследие предыдущего времени, так и новые веяния.

Итак, по мысли Сыромятникова, В.О. Ключевский являлся основателем нового направления в русской исторической науке. Предложенная точка зрения вызывала резкую критику со стороны советских историков, которые считали, что Сыромятников преувеличил новизну методологии В.О. Ключевского. «Сыромятников, шумно и с трезвоном утверждая научное новаторство Ключевского, все же приходит к выводу, что гениальный ученый подвел фундамент под старые схемы», - писала М.В. Нечкина²⁷⁸. Такой же позиции придерживался и А.М. Сахаров²⁷⁹. В последнее время наметилась несколько иная тенденция. В работах специалистов по истории исторической науки все больше признания получает подход впервые предложенный именно Сыромятниковым²⁸⁰.

Из насущных потребностей развития науки вытекал и характерный признак этой эпохи – широкое применение сравнительно-исторического метода, начавшего победное шествие с 80-х годов XIX столетия: «Вся история человечества предстала теперь в новом свете, как единый великий процесс»²⁸¹. До появления сравнительно-исторического подхода в русской исторической науке отечественная история рассматривалась изолированно от общеевропейского развития. Из-за этого сложилась иллюзия, что русская история не похожа на европейскую. Концентрация на собственной истории способствовала тому, что отечественные историки не смогли выявить сходных черт в эволюции России и Европы. «Кроме русской истории для них [русских историков – В.Т.] не существовало ничего. Благодаря этому у нас очень рано возникла теория о «совершенном своеобразии» русской истории, теории очень скоро превратившейся в своего рода академический символ веры. Можно сказать поэтому, что русская историческая наука в XIX столетии почти не двигалась вперед, хотя отсюда и не следует, что она оставалась без движения»²⁸², - утверждал Сыромятников. Подобный подход, по мнению Сыромятникова, привел к отрицанию существования феодальных порядков на Руси.

Именно сравнительно-исторический метод должен был, по Сыромятникову, способствовать дальнейшему развитию исторической науки. Благодаря сравнительному анализу русские историки стали постепенно отходить от неверного, с точки зрения Сыромятникова, представления об уникальности исторического пути России.

Одним из таких историков был Н.П. Павлов-Сильванский. Схожесть исследуемой проблематики обоих ученых обусловила интерес историка-правоведа к научному наследию автора «Феодализма в древней Руси». В первую очередь, Сыромятников обращает внимание на труды по феодализму, которые, в его глазах, были наиболее ценным в наследии умершего историка. По мнению ученого, работы, показавшие наличие феодальных отношений в Древней Руси, поставили под сомнение традиционную историографическую схему, по которой история России, миновав стадию феодализма, якобы, была не похожа на эволюцию европейских стран. «Его первых этюдов по феодализму оказалось достаточно, чтобы нанести роковой удар традиционной схеме русского исторического процесса»²⁸³, - утверждал исследователь.

Несмотря на положительную, в общем, оценку работ Н.П. Павлова-Сильванского, Сыромятников подмечал и недостатки его исследований: «Что касается самих построений автора, то они страдали одним недостатком. Автор придавал слишком большое значение внешнему сходству исторических явлений. Он как бы смешивал исторический закон с шаблоном»²⁸⁴. Сам Сыромятников считал, что это происходило из-за несовершенства методологической базы исследователя. По его мнению, преодоление этого недостатка возможно при применении социологического подхода к истории феодального общества. Фактически Сыромятников здесь наметил методологическую основу своей будущей книги о феодализме: объединить постановку проблемы Н.П. Павловым-Сильванским с методологией В.О. Ключевского.

Подводя итоги, можно с уверенностью констатировать, что историографические взгляды Б.И. Сыромятникова органично вписывались в дореволюционную историческую науку. Сыромятников примыкал к направлению, которое своей целью видело исследование исторических концепций при учете философских и политических взглядов историков. Такое понимание задач историографического анализа имело существенное расхождение со взглядами К.Н. Бестужева-Рюмина и В.С. Иконникова, которые сосредоточивали внимание на накоплении и объективной констатации историографических фактов.

Существенное влияние на историографические взгляды Сыромятникова оказал Милюков. Но, несмотря на ряд очевидных заимствований, существует и значительное отличие понимания причин эволюции исторического познания. Так, если П.Н. Милюков связывал развитие русской историографии преимущественно с влиянием на нее европейской мысли²⁸⁵, то Сыромятников - с внутренним генезисом. Он был убежден, что все народы проходят одни и те же стадии в своей истории. Европейские историографические идеи воспринимались так необычайно легко, потому что внутренние потребности отечественной исторической мысли органически совпадали с эволюцией мировой науки.

Отличительной чертой работ Сыромятникова было применение сравнительно-исторического метода при анализе историографического материала. Наиболее отчетливо этот принцип исследований ученого проявляется во «Введении» к «Происхождению феодальных отношений в древней Руси». Автор не всегда последовательно проводил сопоставление эволюции отечественной и зарубежной исторической мысли, нередко ограничивался простой декларацией идентичности развития. Тем не менее, в работах историка мы едва ли не впервые сталкиваемся с компаративистским изучением русской историографии.

Для Сыромятникова историографические исследования были «орудием борьбы» против конкурирующих направлений, в первую очередь, государственной школы. Так, фундаментальное исследование развития русской исторической мысли было проведено для критики Милюкова (парадоксальным образом Сыромятников отталкивался именно от разработок Милюкова), который позиционировал себя как продолжатель традиций государственной школы.

Сыромятников стремился показать истоки «государственной» точки зрения на русскую историю, и тем самым, указать не только на традиционность этого взгляда, но и на реликтовый характер самой государственной теории, на ее устарелость. С другой стороны, восхваление исторической концепции Ключевского являлось ответом на появление неокантианской методологии, в которой от широких обобщений, свойственных исторической социологии Ключевского, был совершен переход к изучению индивидуального в истории.

На примере историка-правоведа важно отметить характерную черту современной ему исторической науки: обострение борьбы между различными направлениями. Следствием такой борьбы и стало появление большого количества

историографических работ. Так, М.О. Коялович написал «Историю русского самосознания» против западнически настроенных кругов, П.Н. Милюков – в противовес М.О. Кояловичу, а Сыромятников – в противовес и П.Н. Милюкову и М.О. Кояловичу. Исследователи стремились найти истоки концепций своих конкурентов и, путем доказательства их ангажированности и, следовательно, необъективности, показать их несостоятельность.

После революции Сыромятников не оставил изучение русской исторической мысли. Так, обстоятельные историографические обзоры предваряли книги об Иване Грозном и Петре I.

Такова общая схема развития отечественной историографии, изложенная в отдельных статьях ученого и во «Введении» к фундаментальному труду по истории феодальных отношений в Древней Руси.

Взросший в последнее время интерес к наследию Сыромятникова-историографа свидетельствует о том, что его труды выдержали проверку временем и должны занять подобающее им место среди достижений исторической науки первой половины XX века.

Подведем итоги.

Теоретико-методологические и историографические взгляды Сыромятникова органично вписывались в историческую науку начала XX века.

Его основные представления о всемирно-историческом процессе, техника научного исследования, понимание задач истории как науки сформировались под влиянием общих тенденций развития гуманитарного знания указанного периода. Историк-юрист являлся заметным представителем эпохи критического позитивизма.

Его методологические взгляды формировались под сильным влиянием Ключевского. В особенности, это заметно при сопоставлении приемов анализа исторического материала обоими учеными, но в толковании всемирно-исторического процесса Сыромятников разработал схему в основе своей отличную от теоретических конструкций В.О. Ключевского.

Основные принципы исторического исследования, сформировавшиеся в до-революционное время, остались без радикальных изменений и в советскую эпоху.

Историографические взгляды играли важную роль в рефлексии историка над процессом эволюции исторического знания как в предшествующие эпохи, так и в современное ему время. Подробный анализ работ историков позволял не только пристально следить за исторической наукой, но и намечать пути для дальнейшей разработки интересовавших его проблем.

Следует отметить, что Сыромятников выработал целостную систему методологических и историографических взглядов, что позволило ему сформировать законченную концепцию русской истории.

IV. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В ТРУДАХ Б.И. СЫРОМЯТНИКОВА

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Начальная эпоха российской истории всегда была объектом пристального внимания отечественной историографии. От решения ключевых проблем появления и развития раннего русского государства зависело осмысление мировоззренческих вопросов, остро стоявших на повестке дня. В частности, одной из таких проблем был вопрос наличия феодализма в Древней Руси.

Решение, казалось бы, чисто научного вопроса, тесно переплеталось с осмыслением главной дилеммы русского общества на переходных этапах его исторической жизни, проблемы «Россия – Запад». Вопрос ставился следующим образом: если в отечественной истории был период феодализма, следовательно, Россия эволюционирует в рамках общеевропейского, западного пути развития, если нет, то русская история является глубоко своеобразной.

Долгое время вопрос о феодальной эпохе решался чаще всего в отрицательном смысле. Одной из причин такого положения дел была слабая разработка истории русского средневековья. Внимание историков было сконцентрировано на иных сюжетах. В этом плане показательны письмо В. Беркута В.О. Ключевскому, в котором он описывал сложившуюся к 70 – 80-ым годам ситуацию: «Все мы очень прилично знали историю после Петра Великого, считали ее достойной внимания просвещенных людей, с глубочайшим презрением и иронией относились к той скучной и однообразной темноте, какую нам представлялась древняя русская история. Мы совершенно не ощущали в ней биения жизненного пульса, не понимали органической связи ее с последующим. Там чудился какой-то плотный забор, разделявший обе стороны нашего прошлого»²⁸⁶.

Ситуацию изменили работы Ключевского, посвященные истории т.н. удельного периода и его значения для последующих этапов развития русского общества. Но Ключевский отрицал наличие феодального порядка в Древней Руси²⁸⁷.

Переломным моментом стало появление работ Н.П. Павлова-Сильванского, в которых доказывалось существование феодального строя в Древней Руси. «Его первых этюдов по феодализму оказалось достаточно, чтобы нанести ро-

ковой удар традиционной схеме русского исторического процесса»²⁸⁸, - писал впоследствии Сыромятников.

Работы историка имели не только научное значение, но были важным ответом на главные политико-мировоззренческие вопросы: «В качестве особой темы отечественной историографии проблема общественного строя Древней Руси появилась поздно – 900-е гг., когда Павлов-Сильванский восстанавливал в науке изучение феодального строя в средневековой русской истории. Главной историографической задачей Павлова-Сильванского была постановка такой проблемы после многих лет ее отрицания и даже преследований. Поэтому он выделил в исследованиях два аспекта: теоретическое осмысление проблемы в концепциях самобытности и концепциях общеевропейского пути исторического развития России, что имело следствием другую историографическую проблему – существование феодального строя на Руси как составной части истории европейских стран или нефеодальный путь развития Руси как результат ее особого пути»²⁸⁹. Думается, то же самое мы вправе сказать и о трудах Сыромятникова, касавшихся этой темы.

Проблема феодализма для историка-юриста была тесно связана с вопросом самобытного/типичного развития русского общества. По концепции Сыромятникова, Россия развивалась по тому же пути, что и страны Европы. Поэтому доказательство существования феодального порядка на Руси было еще одним важным аргументом в признании идентичности истории России и европейских стран.

Методологический фундамент своих исследований сам историк прекрасно обозначил в работе о Н.П. Павлове-Сильванском. Соглашаясь в целом с постановкой проблемы автором «Феодализма в древней Руси», Сыромятников считал, что его исследованиям не хватает социологического подхода²⁹⁰. Таким образом, историк-юрист собирался дополнить изучение феодальных отношений на Руси более глубоким анализом социальных аспектов вопроса. В первую очередь, он отталкивался от приемов Ключевского, прямо заявляя, что картина общественного строя, предложенная последним, во многих отношениях им принимается²⁹¹.

Историк-юрист начинал изучение периода господства феодальных отношений не без влияния работ Н.П. Павлова-Сильванского, но во многом независимо от него. Устойчивый интерес к указанной проблематике мы можем найти в самом начале самостоятельного научного творчества историка.

Очевидно, что значительное влияние на взгляды Сыромятникова оказывала и зарубежная историография. Начало XX века было периодом господства в европейской медиевистике «марковой теории» Г.Л. фон Маурера. Основными положениями его теории были существование общины-марки с коллективной формой собственности на землю, общинного политического устройства, появления аристократии в результате накопления богатств, приобретенных в ходе набегов и завоеваний. По мнению Маурера, выделение аристократии привело к разрушению общинного строя и переходу к феодальному обществу. В процессе становления феодального порядка происходило разрастание феодальной вотчины и закрепощение крестьян. «Открытие Маурером внутреннего разложения марки, описание разрушавших общинные устои действий военно-феодальной аристократии, мысль о закрепощении отдельных мелких производителей – несмотря на то, что Маурер сам рассматривал феодализм как политический порядок – открывала широкий путь дальнейшим исследователям социальных отношений феодализма»²⁹². В исторических взглядах историка-юриста можно легко проследить влияние «марковой теории». Тем не менее, в своих работах он избежал слепого копирования.

К сожалению, монография Сыромятникова о феодализме так и не увидела свет, но свои взгляды на процесс развития древнерусского общества историк не раз высказывал в учебных курсах в различных высших учебных заведениях, а также в отдельных статьях.

Образованию Древнерусского государства Сыромятников предварял доисторический этап, в котором господствовал родовой строй. Пожалуй, ни один другой период не вызывал у тогдашних русских историков столько вопросов²⁹³. В.О. Ключевский констатировал «неясность форм общежития», присущих данной эпохе, отмечая, впрочем, черты родового строя²⁹⁴. Отсутствие достоверных документальных и археологических сведений, вынудило Сыромятникова для решения этого вопроса экстраполировать данные древней истории германских племен на историю славян. Такой прием соответствовал представлению историка-юриста о том, что все народы проходят одинаковые стадии исторического развития.

Исследователь предложил следующую картину. В догосударственное время славяне жили кровными племенными союзами, которые находились в состоянии перманентной борьбы за ограниченные ресурсы. Господствующей формой общественно-политических отношений, по мнению автора, была

примитивная демократия или «непосредственное народоправство». Народоуправство реализовалось посредством института веча, позволяющего каждому непосредственно участвовать в принятии решений.

Следуя традиционному представлению о подвижности населения Руси, прочно утвердившемуся в отечественной историографии, Сыромятников нарисовал картину «несвязности первобытного союза с территорией, которую, – по мысли автора, – он временно занимает и легко оставляет»²⁹⁵. Причиной этого были преобладающие формы хозяйствования, которые исследователь называет «хищническими», то есть охота и скотоводство. Они не могли прочно привязать людей к какой-либо территории.

Несмотря на видимую однородность родового общества, в его недрах уже на ранних этапах зарождалась общественная дифференциация. В ходе этого процесса, благодаря личным качествам, выделялась группа наиболее выдающихся, «лучших людей». Они стремились закрепить сложившееся положение дел и для своих потомков, превращая свой род в поставщика лидеров в военной и гражданской областях. Возникла особая «фамильная традиция», сформировалась «внеклассовая аристократия», то есть группа, хотя и выделяющаяся из основной массы, но не имеющая правовых преимуществ перед остальными²⁹⁶. В это же время зародился институт княжеской власти, также вышедший из «фамильной традиции», то есть в результате выделения наиболее выдающихся родов.

Так, в результате внутренних процессов развития родовое общество пришло к разложению своей традиционной структуры и трансформировалось в классовый социум. Катализатором этого стал постепенный переход от кочевого хозяйства к земледелию. Оседание основной части населения на земле привело к ситуации, когда отдельно взятый человек уже не мог работать и защищать себя одновременно. Поэтому в обществе выделился особый военный класс, задачей которого являлось выполнение исключительно военных функций. Это привело, по Сыромятникову, к первому разделению труда.

В истории доклассового общества историк находил и рабство. Но в силу его однородности, рабство «не является еще социальным институтом»²⁹⁷, оно еще не становится необходимым элементом социальной структуры, во многом являясь инородным телом, появившимся в результате войн и набегов, захвата пленных, а не внутренней эволюции общества.

Таковы основные черты начального периода развития русского общества. По мнению Сыромятникова, этот период представлял «длительный мучительный процесс постепенного разложения примитивной демократии, процесс расслоения первоначального однородного общественного состава, племенно-го государства <...>»²⁹⁸.

Начало следующего периода не было отмечено автором какими-либо хронологическими рамками. Но, судя по его содержанию, мы вправе отнести его начало к IX веку. На этом этапе происходила дальнейшая ломка родового общества. Важная роль в разложении указанного социального состояния, в концепции Сыромятникова, принадлежала колонизации. В результате перемещения населения разрывались доселе прочные кровные узы. Организация социума, основанная на родстве, уже не отражала существующих реалий. На смену пришло новое образование, территориальное государство, «земля-волость»²⁹⁹. В трактовке автора волость являлась «термином, обозначающим политическое властвование, суверенитет народа, образующего древнерусское демократическое государство»³⁰⁰.

Земли-волости отличались от предшествующих им племенных союзов как размерами, так и политико-административным устройством, которое автор выводил из особенностей территориального государства как крупного образования. «Племя обыкновенно невелико, напротив, уже древнерусская земля-волость представляет собой довольно обширный по своим размерам территориальный союз. Этот факт отражается и на внутренней организации государственной общины и самом ее политическом устройстве», - писал историк. В предложенном отрывке есть и определенные неясности. Так, не совсем понятен термин «государственная община». По нашему мнению, в данном случае мы вправе толковать это понятие не как общинную организацию, подчиненную государству, а как государство, вырастающее из общинных порядков. К таким выводам приводит анализ трактовки Сыромятниковым термина «волость», которое он считает синонимом «власти». При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что автор отождествлял «волость» и «общину»³⁰¹. Это было характерным не только для Сыромятникова. Так, например, Н.П. Павлов-Сильванский также пишет о «волости-общине»³⁰², схожей точки зрения придерживался и М.Ф. Владимирский-Буданов³⁰³. В последнее время интерпретация социально-политических отношений в Киевской Руси как продолжения архаичных общинных традиций нашла свое концептуальное выражение в работах И.Я. Фроянова³⁰⁴.

Трактовка волости-общины как сложной системы неизбежно выводит на вопрос об управлении. В данном случае Сыромятников во многом опирался на «городовую теорию» В.О. Ключевского и концепцию территориальных отношений М.Ф. Владимирского-Буданова. По его мнению, Киевская Русь представляла собой сложную структуру из старших и младших городов, последние он нередко называл «пригородами». Среди старших городов автор называл Киев и Новгород. Младшие города возникли в результате колонизационных процессов и переселения части горожан из города-метрополии в менее перенаселенные части волости. В этой системе старшие города подчиняли своей воле младшие, концентрируя на себе главнейшие функции управления. Это выражалось в том, что решение веча старшего города было обязательным и для его пригорода³⁰⁵. Но такой порядок вещей не мог сохраняться вечно. В результате развития пригороды все больше начали требовать самостоятельности, что привело к столкновению с метрополией. Следствием этого стало появление новых политических центров³⁰⁶.

Таким образом, Древняя Русь не была абсолютно централизованным государством, со временем децентрализаторские тенденции только усилились. Но, несмотря на постепенно усиливающееся раздробление, Древняя Русь, в понимании автора, оставалась единой благодаря прочно скреплявшим ее торговым связям между различными волостями. Эта связь была возможна благодаря разветвленной системе речных путей, которые, впрочем, играли двоякую роль. С одной стороны, они замыкали земли друг на друге, создавая законченные экономические центры, с другой – связывали разрозненные территории. «Торговля, таким образом, и оттачивала одну землю от другой, обособляя их интересы, и притягивала их друг к другу»³⁰⁷, - замечал исследователь. В этом пункте авторская концепция Сыромятникова значительно расходилась с достаточно авторитетными мнениями об иллюзорности существования единого Киевского государства³⁰⁸.

В социальном смысле «земля» предстает как классовое общество³⁰⁹. В структуре общества автор выделял три «ярко обособленных элемента»: бояр, горожан и смердов.

Источники формирования боярства были разные. Зарождение этого социального слоя автор связывал с первым общественным разделением труда: выделением земледельцев и воинов. «Постепенно все больше и больше кристаллизуется военный дружинный класс. Это и есть бояре»³¹⁰. Дружина для историка

это, в первую очередь, союз равных, где дружинники «являются органическим целым вместе с князем»³¹¹. Именно дружина стала основным источником пополнения боярского класса.

В боярстве историк выделил два типа: пришлые и земские. Первые появились в результате призвания и, под ними автор, безусловно, понимает варягов. Особенности их положения заключались в том, что они были временным инородным элементом. Их положение определялось договором, а не традицией, и их связь с землей была достаточно слабой. Вторым типом были бояре земские. Они появились в «доисторический» период в результате выделения из общества, построенного на родовых отношениях, «лучших людей». Они словно вырастали из недр земли-волости, поэтому были тесно связаны с существующим обществом. Со временем пришлые дружинники – бояре – все более оседали на земле, лишаясь своей подвижности, и смешивались с боярами земскими: «Постепенно варяжская дружина приобретает все более и более туземный характер, хотя всецело и не соединяется с местной аристократией, образуя военную знать»³¹². Этот процесс привел к изменению положения дружинников. Если на ранних этапах своего существования дружина всецело связана с князем, то теперь бояре более привязаны к земле. «Она [дружина – В.Т.] теперь поколебалась в своей связи с князем, ее все более тянет к земле, к ее огнищу»³¹³.

Сыромятников делил дружинников-бояр не только по горизонтали – на пришлых и земских, но и по вертикали – на старших и младших. Деление на старших и младших автором трактовалось достаточно прямолинейно: старшие – это, действительно, самые старые и опытные, их задача – быть советниками князя, это «мужи думающие». А молодые и неопытные – это «мужи храброствующие». Последние «проходят пока лишь подготовительную школу к будущей ответственной политической деятельности в роли думцев княжских»³¹⁴.

Последующая эволюция института боярства привела к его дальнейшей эмансипации от князя. Показателем независимости становится наличие собственных дружин у вчерашних княжеских дружинников. В этом Сыромятников видел не только возрастание экономического благосостояния бояр, поскольку только состоятельный человек мог позволить себе содержать собственных воинов, но и повышение юридического статуса боярства. Так, если в период родового строя «лучшие люди» не обладали особым правовым положением, то теперь их социальная значимость подчеркивалась и значительно более при-

вилегированным юридическим статусом во всех сферах жизни по сравнению с остальными классами³¹⁵.

Как писал исследователь, уже в этот период начали складываться те политические права и вольности для боярства, которые станут основой их практически полной независимости от центральной власти в период господства политического феодализма. В первую очередь, это правовой иммунитет. Генезис иммунитета виделся Сыромятниковым в весьма оригинальном свете. С его точки зрения, этот институт зародился на основе привилегированного боярского рабовладения. В результате активного участия в военных экспедициях князя у старших дружинников скопилось значительное количество пленников, которых начинают использовать в качестве работников на боярских землях, тем самым, получая все большую хозяйственную независимость от князя. Именно экономическая основа, а не княжеские пожалования, и стала основой иммунитета. Такая точка зрения имеет своими истоками западную историографию. В частности, работы К.Т. Инама-Штернегга³¹⁶. Источником иммунитета становилось также и пришлое положение боярства по отношению к местному населению. Не будучи составной частью местного общества, боярин-наемник не платил дань, а был ее сборщиком³¹⁷.

Еще одной тенденцией, ярко показывающей феодализацию общества, по мнению Сыромятникова, являлось постепенное подпадание свободного населения под «институт владельческой юрисдикции», то есть в правовую зависимость от высших слоев. Причиной этого была усиливающаяся дифференциации внутри киевского социума³¹⁸.

Новые, феодальные по своей сути, порядки все более вторгались в жизнь древнерусского общества, превращаясь в ведущие тенденции его развития. Но все же господствующим слоем общества оставалось свободное население, сельское и городское.

Городское население исследователь обозначил термином «торгово-промышленный класс». Особенно он подчеркивал роль торговли в его формировании, следуя тем самым за теорией В.О. Ключевского о торговом характере древнерусских городов. Как следствие развитости торговли – значительное количество купцов. Купечество имело, в описании Сыромятникова, достаточно разветвленную организацию, разделенную на гильдии (сотни).

Развитие торговли подталкивало ускоренный рост ремесла. Выгоды от производства ремесленных товаров привели к появлению значительного сегмента

ремесленников-рабов, трудящихся на своего хозяина в лице всё того же боярина-дружинника³¹⁹.

Еще одним членом городского общества Древней Руси был, в терминологии автора, «пролетарий», смерд, потерявший своё имущество и пришедший на заработки в город³²⁰.

Значительную массу киевского общества составляли смерды. В трактовке ученого, смердом первоначально обозначался «свободный человек вообще». «Но постепенно значение смерд приобретает специальный смысл: смерд приобретает признаки сельского человека»³²¹. На смердов ложилось основное бремя дани. В понимании Сыромятникова, смерд, безусловно, независимый земледелец, которого автор противопоставлял рабам (челяди), проживающим в боярских селах. Основной формой организации смердов являлась свободная сельская община-вервь. По мнению историка: «Сельская община первоначально развилась из кровного союза (верник – родственник <...>), из рода, превратившись в «мир», из кровного союза в общественный»³²². Используя термин «общественный союз» исследователь фактически нарисовал нам территориальную общину, факт существования которой в то время вызвал множество споров, а теперь признается многими современными исследователями. Здесь можно отметить, что Сыромятников указывал на древность и непрерывность существования общины как социального института, тем самым не принимая точку зрения государственной школы, по которой община – создание правительственных органов в более позднее время.

Но положение смердов постепенно изменилось. Исследователь отметил процесс обезземеливания и закабаления этой категории населения. Все более и более разрастался слой «худых смердов», возникающий вследствие обеднения основной массы сельского люда. Мелкое землевладение отмирало под напором крупного боярского. Показательным явлением этого процесса стало распространение такой категории населения как закуп. Автор обрисовал закупа как «экспроприированного смерда», утратившего свою хозяйственную самостоятельность и ставшего в зависимое положение от частного лица³²³. Невкогда свободные смерды превратились в «колонов – зависимых держателей чужих земель».

Еще одним видом зависимого населения, количество которого стремительно увеличивалось, становилось холопство. Под холопом автор, однозначно, понимал раба. Рабство как институт зарождается в бесклассовом обществе, но с

развитием процесса социальной дифференциации увеличивается и значение рабского труда. Сыромятников описал нам обширные вотчины, населенные рабами, во главе которых стоит рабовладелец-огнищанин (такое значение термину придает исследователь)³²⁴.

Итогом социально-экономического развития Древней Руси, в концепции историка-юриста, стало смешение различных низших слоев населения. Постепенно зависимое население теряло внутренние различия, превращаясь в однородную массу. Это-то и привело к формированию крепостной зависимости. По его мнению, крепостничество в социальном смысле есть следствие «слияния холопства и крестьянства»³²⁵.

Сложившаяся конфигурация общественных сил определяла политический строй Киевской Руси. В первую очередь, Сыромятников пристальное внимание уделил вече. В его понимании, вече – феномен характерный для всей Древней Руси, а не для отдельных ее регионов, как это стремился показать С.М. Соловьёв, противопоставляя «старые» города южной Руси «новым» городам северо-восточной. «Все волости одинаково построены по принципу народовластия»³²⁶, - утверждал исследователь. Следуя этому тезису, автор совершил важную методологическую ошибку – он распространил черты, присущие новгородскому вече, на всю остальную Русь.

Основываясь на периодизации М.Ф. Владимирского-Буданова³²⁷, Сыромятников в истории веча выделил три периода: 1) господство общеплеменного веча на ранних этапах развития русской государственности; 2) «распадение первоначального единого веча на целый ряд вечевых собраний городов и пригородов»; 3) установление «принципа гегемонии» старшего города, подчиняющего влиянию своего веча собрания младших городов³²⁸.

В работе веча принимали участие свободные люди, каждый из которых формально имел право созыва веча. Решения принимались единогласно. Следствием разнообразия интересов, представленных на собрании, были частые столкновения между его участниками, попытки навязать свое мнение другим.

Значение веча не было неизменным на протяжении веков. Первоначально народным собранием решались абсолютно все вопросы, но с ростом социальной дифференциации и выделением отдельных классов, происходит разделение и вечевых полномочий. Так, военные вопросы постепенно отошли в ведение дружины. А с ростом значения князя, который медленно, но верно концентрировал в своих руках все рычаги управления, вече вообще приобрело «экстра-

ординарный характер», созываясь лишь в случаях особой важности³²⁹. Впрочем, за народным собранием осталась важная функция заключения договора с князем и контроль над его действиями.

Постепенно князь приобретал все большее значение в жизни русского общества. С распадом Киевской Руси происходил раздел земель между различными княжескими родами по лествичному принципу. Сыромятников выделил два параллельных принципа наследования: 1) лествицу земель; 2) лествицу генеалогическую. По первому – столы разделялись по принципу престижности, а по второму – на первый план выходил приоритет старшинства. Сплетение этих принципов и составляло систему господства княжеского рода над Русью.

Но, если первоначально, как это утверждал историк, лествичный порядок замещения столов был общепринятым, то со временем он дал побочные последствия, превратившиеся постепенно в норму. Появились роды, которые по причине ранней смерти своих представителей «остановились в своем лествичном движении, образовав вместе с тем первые побегии местных династий»³³⁰. Начиная формироваться «отчинный» принцип княжения, когда князь со своим родом уже не стремился оказаться в Киеве, а старался закрепиться в местном княжестве. Формировались местные династии, для которых локальные интересы их княжеств выходили на первый план. Если в более древние времена княжеская власть была инородным элементом общества, то теперь «княжеская власть <...> укрепляется в земле и становится не пришлой, а земской силой, князья теперь опираются на земские силы»³³¹.

Наравне с вече и князем, Сыромятников выделил и третью политическую силу, оказывающую существенное влияние на русское государство. Речь идет о Боярской думе. Боярская дума была независима от земли в лице веча, поскольку целиком зависела от князя. Дума состояла исключительно из пришлых дружинников, главной функцией которых при князе была совещательная. Но нередко Дума брала на себя решение задач, стоящих перед ее главой, князем. Итак, перед нами – своеобразная высшая княжеская администрация³³².

Таким образом, в политической жизни Киевской Руси исследователь выделил три элемента: вече, князя и Боярскую думу. На них и ложилось основное бремя правления. Но к концу периода княжеская власть приобрела, очевидно, доминирующий характер. Сыромятников выделял три важнейшие функции князя: военная власть, судебная и финансовая³³³.

Итак, автор нарисовал нам общество, находящееся в стадии перехода от свободной общинной системы к классовому порядку в том смысле, который Сыромятников вкладывал в понятие класс, то есть отдельную социальную группу, выделенную по хозяйственному признаку. Но что же разрушило это общество?

В объяснении упадка Киевской Руси существовало огромное количество мнений. Историк-юрист указал, в первую очередь, на социально-экономические предпосылки краха киевской государственности. Во-первых, такой причиной стало имущественное разложение общества, которое привело к социальной напряженности; а во-вторых – перемещение торговых путей, что подорвало экономическое благосостояние Киева. «Указанные два факта (экономический упадок и социальная рознь) явились основными, и они определили падение земской власти, разложившейся в своем нутре и вместе с тем подорванной в своем экономическом основании»³³⁴, - отмечал исследователь. Не отрицал он и других причин кризиса, таких как миграция населения и удары кочевников, но они, в его понимании, играли второстепенную роль.

С падением Киевской Руси, государства-волости, начался новый этап в русской истории, этап «политического феодализма». Феодализм Сыромятников, следуя за марковой теорией Г.Л. фон Маурера, выводил из разложения общинной системы и закрепощения свободного крестьянства³³⁵. Но далее он добавил к этой концепции устоявшееся на тот момент в русской историографии мнение о трансформации социальных отношений в результате влияния процессов колонизации. Перемещение населения с юга на северо-восток привело к смене хозяйственной деятельности с ремесленно-торговой на сельскохозяйственную. Это способствовало натурализации экономики, что, по мнению Сыромятникова, является основным показателем феодального государства, где главным богатством становится земля, на которой господствовали примитивные формы хозяйствования. Отсутствие вечевых традиций и классовой структуры, господствовавшей в предыдущий период, привело к изменению и роли князя: «Князь из старшего товарища дружинников, витязя, превратился в «помещика», вотчинника, и соответственно с этим вся система государственного хозяйства приняла вотчинно-поместный характер»³³⁶. Именно феодальная вотчина стала доминирующим началом экономической жизни. Такой тип социально-экономических отношений автор (правда, в тексте нет четкой датировки), так же как и Н.П. Павлов-Сильванский, относил примерно к XIII веку.

Процессы колонизации, которые постепенно приводили к дефициту земли из-за увеличения пришлого населения, и рост вотчинного землевладения, которое объективно было нацелено на захват новых территорий, обусловили вытеснение свободного крестьянства с освоенных земель. Этот процесс Сыромятников сравнил с английскими огораживаниями. «Мы видели, как разыгрывается борьба за землю, и в перипетиях этой борьбы общественные элементы, менее защищенные в своих правах, и экономически и социально слабейшие, постепенно поглощаются в процессе юридического и фактического огораживания земель представителями крупной земельной, светской и церковной собственности»³³⁷, - констатировал автор.

Изменение социально-экономической конфигурации сил привело к изменению сущности государства: из «земли-волости» государство превращается в «княжение-вотчину». Тем самым, историк поддерживал популярную в дореволюционной историографии концепцию вотчинного характера княжеской власти: «Удельное княжество не только называлось «вотчиной», но и было, в самом деле, вотчиной, то есть частной собственностью удельного князя»³³⁸.

Еще одним характерным признаком феодальной эпохи автор называл «упрощение» социального состава общества. Оно становится более однородным. Исследователь выделил в нем две основные категории: «белые» люди – привилегированные землевладельцы, и «черные» люди – «тяглый класс»³³⁹. «Белых» людей Сыромятников назвал еще «военно-служилым» классом. В свою очередь, «военно-служилый» класс делился на боярство и дворянство.

Боярин формально сохранил зависимость от князя, но на деле превратился в «полунезависимого политического государя»³⁴⁰. Это было обусловлено феодальным иммунитетом боярской вотчины. Сыромятников категорически отвергал мнение о происхождении иммунитета путем пожалований от княжеской власти. С его точки зрения, князь лишь фиксировал независимо от него сложившиеся отношения. Связь между боярином и князем носила неустойчивый характер. Боярин в любое время мог покинуть своего сюзерена.

Могущество боярства как социальной группы Сыромятников основывал на вотчинном землевладении. Поэтому с упадком боярской вотчины произошла и постепенная потеря общественного влияния боярства. Историк связывал этот феномен с дроблением боярского землевладения, происшедшего в результате раздела вотчины между наследниками. Следствием этого стало мед-

ленное попадание разоряющегося боярства в зависимость от князя и смешение его с дворянством³⁴¹.

Происхождение дворянства виделось Сыромятникову в следующем свете. Он считал, что в социальном смысле дворянство представляло собой смешанную категорию. Дворянином в результате пожалований князя мог стать как зависимый, так и независимый человек. Причем зависимый элемент преобладал: «По своему социальному составу дворянский элемент является смешанным по происхождению, в основе его лежит холопский элемент, в ряды его вошли и “вольные” люди и “меньшие”»³⁴². Они получали от князя земельные наделы, поместья, оставаясь полностью от него зависимыми. Быстрый рост дворянского землевладения проходил сначала в княжеских землях, затем, когда внутренние ресурсы княжеской вотчины были исчерпаны, процесс перекинулся на крестьянские земли. Таким образом, исследователь связывал рост поместий и процесс закрепощения.

Шаг за шагом дворянство вытесняло боярство, которое окончательно потеряло свое могущество в XVII веке и слилось с дворянством в единый социальный слой³⁴³.

Другой частью социальной структуры феодального социума было податное население. В понимании Сыромятникова, в данный период податное население, в силу хозяйственных условий и упрощения общества, – это исключительно крестьянство. Историк-юрист обрисовал крестьян как арендаторов у крупных землевладельцев, которые в случае нужды могут легко разорвать договор. В этой связи автор сделал важный вывод: «Доля урожая, которую они выплачивали князю, носила скорее характер арендной платы, а не государственного налога»³⁴⁴.

Но так продолжалось не всегда. Ключевой проблемой истории крестьянства для автора стал вопрос закрепощения. По меткому замечанию В.А. Муравьева: «Сыромятников пытался выявить экономические и юридические корни закрепощения, рассматривая их как равновеликие»³⁴⁵. В концепции историка-правоведа прикрепление крестьян проходило по двум направлениям: по договору князей, запрещающему им принимать крестьян друг у друга, и в рамках обычного права, запрещающего переход во время ведения полевых работ³⁴⁶. Экономической причиной крепостничества стало оскудение крестьянского хозяйства и рост землевладения высших классов. В результате, крестьянин превращался в должника, неспособного выплатить долг за пользова-

ние земель. Появление крепостного права историк относил к XV веку. Ещё одним явлением, отмеченным исследователем, стало сближение холопства и крестьянства в связи с ростом крепостного хозяйства. Хотя источники происхождения их разные, но в силу земледельческого характера экономики «холоп превратился в пахотного человека»³⁴⁷.

В таком свете виделось Сыромятникову развитие Древней Руси. Основой для его концептуальных обобщений послужили достижения западноевропейской историографии, в особенности, марксовая теория, а также представления отечественных историков о так называемом удельном периоде. Значительным достижением исследователя стало признание наличия феодальных порядков на Руси. К сожалению, до революции историк-правовед так и не смог – под давлением обстоятельств – создать законченной концепции генезиса отечественного феодализма.

Возвращение к тематике русского средневековья наблюдалось у Сыромятникова в начале 30-х гг., как раз тогда, когда вопрос социально-экономического характера Киевского государства приобрел большое значение как с научной, так и политической точки зрения. Дискуссии были важной частью становления советской исторической науки, формирования историко-материалистической концепции русской истории. Несмотря на марксистскую терминологию, на повестке дня стоял вечный вопрос о характере развития России по отношению к западноевропейским странам.

В дебатах отчетливо выделились две группы. Первая, во главе с Б.Д. Грековым, доказывала существование феодальных порядков на Руси уже в киевскую эпоху. Данное утверждение синхронизировало историю России и Европы, тем самым указывало на неизбежность социалистической революции и в западных странах. Кроме того, утверждение о том, что древнерусское государство по развитию было сопоставимо с европейскими феодальными государствами раннего средневековья, было важным элементом патриотического воспитания.

Ко второй группе относились П.П. Смирнов, П.И. Лященко и А.В. Шестаков. Они настаивали на рабовладельческом характере киевского общества, считая, что Русь проходила те же стадии, что и европейские страны. Данные ученые (одни по политическим, другие по научным соображениям) боролись за признание универсальности хода мировой истории.

Дискуссия проходила в два этапа. Первый – относится к началу 30-х гг. Пиком полемики стало обсуждение в апреле 1933 г. доклада Б.Д. Грекова «Рабство и

феодализм в Киевской Руси», сделанного в Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Тогда, во многом благодаря поддержке А.Г. Пригожина, была принята точка зрения Б.Д. Грекова³⁴⁸.

Второй этап связан с появлением «Истории ВКП(б). Краткий курс» в 1938 году. В главе «О диалектическом и историческом материализме», написанной лично И.В. Сталиным, говорилось о пяти формациях: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»³⁴⁹. Это официальное утверждение дало повод противникам концепции Б.Д. Грекова возобновить дискуссию.

В 1939 г. А.С. Шестаков опубликовал в «Учительской газете» статью, в которой доказывалось существование в Киевской Руси рабовладельческого общества³⁵⁰. На этом этапе к дискуссии подключился и Сыромятников в качестве оппонента Б.Д. Грекова.

Участию историка-правоведа в полемике с Б.Д. Грековым практически не уделяется внимания, между тем, именно выступление Сыромятникова глава советской медиевистики посчитал для себя наиболее опасным. Наравне с Шестаковым, историка-юриста рассматривали в качестве одного из лидеров оппонентов автора «Киевской Руси». На это указывают письма Б.Д. Грекова, обнародованные Н.А. Горской³⁵¹. Об этом свидетельствует и фраза, оброненная А.Л. Сидоровым на заседании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 году: «Многие товарищи под руководством Шестакова и присутствующего здесь проф. Сыромятникова старались на многих дискуссиях доказать, что не только Киевское государство, но и Московская Русь чуть ли не до XV в. являлись государствами рабовладельческими»³⁵².

Таким образом, участие Сыромятникова в диспутах о социально-экономическом характере Киевской Руси является значительным эпизодом в истории исторической науки в СССР.

Важным событием стал доклад Сыромятникова, озаглавленный «Проблема рабства в древней Руси»³⁵³, представленный в Институте государства и права АН 9 января 1940 года. На заседании ученого совета, где был прочитан доклад, присутствовали крупнейшие сторонники существования феодализма в Киевской Руси, Б.Д. Греков и С.В. Юшков.

Сам Сыромятников разделил свое выступление на две части: в первой он подробно разобрал основные тезисы концепции Б.Д. Грекова, а во второй – обосновал рабовладельческий характер социально-экономического строя Древней Руси³⁵⁴.

Основным тезисом, который докладчик подвергал резкой критике, было мнение Б.Д. Грекова (с опорой на Ф. Энгельса) о том, что славяне миновали стадию рабовладельческой формации и перешли в феодализм через стадию дофеодального периода. С таким решением вопроса Сыромятников был категорически не согласен. Также, со сносками на классиков марксизма-ленинизма, он утверждал, что «с точки зрения марксистской теории – никакого особого “дофеодального периода” не существовало, кроме периода рабовладельческого»³⁵⁵. Он признавал абсолютную универсальность схемы мировой истории, предложенной марксизмом: «Та схема исторических формаций, которая намечена Марксом и Энгельсом, это идеальная схема для всех времен и всех народов, поскольку они исторически развиваются»³⁵⁶. Следуя этой логике, Русь просто обязана была пройти через эпоху рабовладельческой формации.

Сделав ряд обязательных ссылок на классиков марксизма-ленинизма и «Историю ВКП(б)», Сыромятников перешел к критике взглядов Б.Д. Грекова и С.В. Юшкова по существу.

Сторонники феодализации Киевского государства главной своей задачей считали доказательство наличия крупного землевладения как основного признака феодальных порядков. Так, Греков стремился доказать существование крупной вотчины путем ссылки на «Повесть временных лет» в том месте, где упоминалось о существовании деревни Ольжичи, принадлежавшей княгине Ольге. Сыромятников не отрицал существование этого факта, но недоумевал по поводу очевидно искусственного стремления Грекова трактовать это как свидетельство наличия огромных феодальных владений у княгини: «<...> спрашивается, как же это единственное село превращается у Грекова в колоссальные земельные владения княгини Ольги?»³⁵⁷. Далее он объяснил это устремление: «По-видимому, и т.Греков и т.Юшков полагают, что если бы им удалось доказать, что у нас “крупное землевладение” появилось хотя бы в VI в., то это значит, что у нас появился феодализм». Но сам факт наличия крупного землевладения, по мнению историка-юриста, еще не свидетельствовал о наличии феодальных отношений: «<...> мы знаем, что крупное землевладение было признаком рабовладельческих обществ, например, античных»³⁵⁸. Исходя из этого, Сыромятников выдвигал

гал важный методологический посыл: «Таким образом, вопрос заключается не в том, было ли в XI – XII вв. на Руси крупное землевладение или его не было, а в том, каковы были формы, характер этого землевладения. Следовательно, чтобы доказать, что крупная вотчина Киевской Руси была феодальной, нужно доказать, что она имела феодальные признаки»³⁵⁹. А этих-то признаков историк и не находил. В его понимании, Древняя Русь – государство, где феодальные порядки можно найти лишь в зачаточном состоянии, а доминирующими являлись рабовладельческие отношения.

Первые известия о существовании рабов в русском обществе исследователь находил в VI веке. Но тогда в силу первобытно-общинного равенства рабство не приобрело массового характера. Автор выделил следующие черты рабства на его раннем этапе:

- «1) древнейшим и единственным источником рабства везде, как и в древней Руси, был военный плен, как результат межплеменных (международных) столкновений;
- 2) рабом был только иноплеменник (враг);
- 3) отсюда вытекало полное бесправие раба, чужеродца;
- 4) пленное рабство носило сначала временный, условный характер (до выкупа или отпуска);
- 5) раб не представлял в это время хозяйственной ценности как рабочая сила;
- 6) раб использовался при таких условиях как «помощник», домашний, дворовый слуга, наравне с членами семьи;
- 7) рабство носило, поэтому, мягкий характер;
- 8) первоначально термином в древней Руси для обозначения пленного раба являлся термин “челядин”»³⁶⁰.

Но ситуация поменялась с началом социальной дифференциации древнерусского общества. Выделение класса профессиональных воинов способствовало тому, что рабы превратились в важную часть военной добычи, за счет которой и существовали дружинники. Но увеличение количества рабов первоначально не привело к превращению рабства в ведущий способ производства. Это происходит со второй половины XI в. и, особенно, с XII века. В это время дружинники оседали на своих вотчинах, начиная использовать для их обработки рабов, захваченных в результате войн и набегов. «В руках поднимающейся знати

скапливаются целые стада рабов. Наступает момент «первого крупного» классового деления общества на свободных и рабов»³⁶¹, - отмечал историк.

Таким образом, Сыромятников трактовал крупное земельное владение не как феодальную вотчину, а как рабовладельческую хозяйственную единицу. Следовательно, общество, базирующееся на этом экономическом фундаменте, также являлось рабовладельческим, то есть таким, «господствующий класс которого базирует свою силу на эксплуатации несвободного труда, подобно тому, как и «античное государство» было преимущественно рабовладельческим»³⁶².

Сыромятников утверждал: «Начиная известиями VI ст. древнерусское рабство идет по восходящей линии, от свидетельств источников через Краткую Русскую правду XI в. к Пространной Русской правде XII – XIII вв. Именно Киевская Русь XII в. – наивысшая точка роста рабовладельческого хозяйства и поработительных тенденций»³⁶³.

Таков был вывод о характере социально-экономического строя Киевской Руси, сделанный Сыромятниковым в докладе. Очевидно, такие воззрения не были приемлемы для академика Б.Д. Грекова, который сделал ответное выступление через две недели.

К сожалению, до сих пор большая часть документов, касающихся академика Б.Д. Грекова недоступна, в том числе и упомянутый доклад. Поэтому мы считаем нужным осветить содержание выступления, используя работу об историке, написанную Н.А. Горской. Как ученица знаменитого ученого она имела доступ к частному архиву семьи Грековых, и была знакома с содержанием его выступления. «С ответным докладом выступил Б.Д. Греков, опиравшийся на свидетельства письменных источников («Русская Правда», летописи), на данные археологии (добытые к тому времени раскопками Б.А. Рыбакова, П.Н. Третьякова, А.В. Арциховского и других исследователей, активно поддерживавших Грекова). Б.Д. Греков старался показать не только научную несостоятельность, но и политическую тенденциозность построений Б.И. Сыромятникова. К временному затуханию полемики по проблеме рабовладения в древнерусском обществе на этом этапе привела явная необедительность аргументов Б.И. Сыромятникова (на фоне мнения ведущих специалистов), а также еще одно неудобство: «мешал» и Ф. Энгельс, утверждавший, что славяне и германцы миновали стадию рабовладения»³⁶⁴.

Не будем заострять внимание на спорных моментах концепции Б.Д. Грекова, они стали более очевидны для современных исследователей, но что касается

«тенденциозности построений» Б.И. Сыромятникова, то здесь следует возразить. Заметим, что картина социально-экономического строя киевского государства, нарисованная историком-юристом, была впервые обнародована им задолго до появления «Истории ВКП(б). Краткий курс», она близка его взглядам, высказанным в курсе «История русского государственного права». А признание рабства едва ли не доминирующим способом производства в Древней Руси имеет глубокие корни в дореволюционной историографии. Как видно, Сыромятников фактически лишь стремился приспособить свои дореволюционные взгляды к новым научно-политическим реалиям советского общества³⁶⁵.

Параллельно с дискуссией Сыромятников работал над собранием законодательных памятников, которое в перспективе должно было стать учебным пособием. Каждый пласт документов в работе был разбит на эпохи таким образом, чтобы не просто показать существовавшее законодательство, но и осветить основные социально-экономические процессы времени. Каждый раздел предварялся достаточно подробным очерком общего развития русского общества в изучаемую эпоху. Каждый памятник был подробно прокомментирован исследователем, так что в итоге перед читателем предстала целостная картина общественной жизни русского общества на разных этапах его развития, нарисованная историком-правоведом. Первый том собрания был посвящен Древней Руси³⁶⁶.

Общий экскурс в историческое развитие Древней Руси Сыромятников начинал с констатации спорности вопроса: «<...> нам приходится, вместе с большинством исследователей, констатировать тот факт, что проблема так называемой Киевской Руси до сих пор остается предметом перманентной дискуссии, так что основные вопросы остаются поднесь наиболее «спорными» и нерешенными»³⁶⁷.

Далее ученый стремился подчеркнуть необходимость использования достижений дореволюционной историографии, бережного отношения к достижениям науки, несмотря на ее «буржуазный» характер: «Только отталкиваясь от того, что было сделано ранее в изученной области, исследователь может продвигаться вперед в своих новых изысканиях, углубляя вместе с тем и фокусируя свою критическую мысль и освобождая себя от излишней необходимости открывать уже открытые Америки»³⁶⁸.

В данной работе историк заострил свой основной методологический посыл, от которого он отталкивался при изучении Киевской Руси. Он беспелляционно утверждал, что Русь развивалась так же, как и другие народы, следовательно, она также прошла стадию рабовладельческой формации. Эту закономерность он признавал универсальной: «При таких условиях говорить об «исключениях» закономерного процесса не приходится, ибо закономерность, как таковая, никаких исключений не допускает». Впрочем, существуют и исключения: «<...> эти исключения возможны там, где самый закономерный процесс уже не имеет места»³⁶⁹. Здесь Сыромятников заочно спорил с Б.Д. Грековым, который обосновывал концепцию перехода славян к феодализму, минуя рабовладельческую формацию. По мнению историка-юриста, такой переход был возможен лишь в случае какого-либо неординарного события, круто изменявшего ход развития народа, например, завоевания. Но в русской истории Сыромятников не видел такого события: «<...> пока же естественноисторический процесс налицо, закономерность носит универсальный, абсолютный характер»³⁷⁰.

Не был согласен автор и с представлением Б.Д. Грекова о Киевской Руси как раннефеодальном государстве, «державе Рюриковичей». С точки зрения Сыромятникова, централизованность этого образования несколько преувеличена историками. «Исследователи должны были переключить свое внимание от «державы Рюриковичей» на исследование тех подлинных древнерусских государств («отдельных земель»), которые в течение ряда веков стойко сохраняли свою областную самостоятельность и политическую автономию. Эти «государства-города», с их демократичностью, издревле утвержденным «народоправным» строем, а не междукняжеские отношения должны стоять на переднем плане для историка-исследователя, который ставит своей целью изучение древнерусского «государства» в его типических и конкретно исторических формах, не поддаваясь односторонности и тенденциозности традиции летописи»³⁷¹. Из этого отрывка видно, что Сыромятников, в отличие от своих более ранних работ, старался заострить внимание на центростремительных тенденциях в Киевской Руси.

Развивая свою мысль и ссылаясь на А.Е. Преснякова³⁷², он сравнивал русские города с античными полисами, которые также базировали свою демократию на эксплуатации рабов. «Вместе с Пресняковым мы сходимся в той мысли, что в лице древнерусских городов-государств, «земель» или «волостей» <...> мы имеем типический образец древнерусской вечевой демократии, подобный ан-

тичной «политии», естественно, со всем своеобразием, присущим каждому конкретному историческому явлению»³⁷³. Эта парадоксальная, казалось бы, мысль в последнее время получила дальнейшее и плодотворное развитие в рамках школы Фроянова³⁷⁴.

В предложенной работе Сыромятников выделил два этапа развития русских городов-государств и «народоправства»: «Под влиянием своих теснейших связей с мировым оборотом и международными торговыми путями древняя Русь пережила два этапа своего культурно-политического расцвета и упадка: период подъема южной Руси (Киевщины) до эпохи крестовых походов (кон. XII в.), во главе с Киевом, <...> и период новгородско-псковский, северо-западной окраины Руси (до конца XV в.), когда с перемещением мировых торговых путей Русь включилась в качестве члена Великой Ганзы в новую систему международной торговли, чем и создан был трёхвековой расцвет последней древнерусской демократии»³⁷⁵.

Итак, в труде была нарисована кардинально иная картина общественного строя Киевской Руси, чем та, что имела место у Б.Д. Грекова. Это была главная причина, почему Институт истории АН СССР всячески противодействовал попыткам автора опубликовать уже готовый многотомный труд.

Но на этом полемика не закончилась. Последним ее эпизодом стала статья Сыромятникова, посвященная проблеме социального статуса смерда³⁷⁶. Напомним, что в грековской концепции феодализма смерд играл важную роль. Автор «Киевской Руси» выделял два типа смердов: «1) смердов, не попавших в частную феодальную зависимость от землевладельцев; и 2) смердов, находящихся в той или иной степени зависимости от своих господ»³⁷⁷. Существование второй категории смердов по мысли автора свидетельствовало о широком распространении феодальной зависимости в киевском обществе.

Совершенно иное понимание положения смерда у Сыромятникова. После скрупулезного анализа текстов Русской Правды историк-юрист пришел к выводу: «Перед нами везде смерд выступает в качестве свободного землевладельца, обрабатывающего свою «ролю» своим собственным хозяйственным инвентарем, живущего «с женою и детьми» на своем селе. <...> К княжескому домену этот смерд древней Руси не имеет никакого отношения»³⁷⁸.

Такой вывод объективно наносил удар по концепции феодализма на Руси. Поскольку признание смерда абсолютно независимой социальной категорией ставило вопрос: а кто же обрабатывает огромные, описанные в работах Гре-

кова, феодальные вотчины? Сыромятников не пишет прямо об этом в статье, но его вывод очевиден – рабы. Понимал этот намек и Б.Д. Греков, о чем писал в своем классическом труде: «Б.И. Сыромятников, считая Киевскую Русь обществом рабовладельческим, полагает, что в киевском обществе именно не смерд, а раб был основным производителем. Соответственно с этой своей совершенно не доказанной и недоказуемой мыслью он старается тенденциозно истолковать данные Русской Правды»³⁷⁹.

Ответа не последовало. Дальнейшую полемику прервала смерть Сыромятникова. Теория историка о рабовладельческом характере Киевской Руси, пожалуй, не могла стать официально признанной. Причиной тому была изменившаяся политическая ситуация. В норму вошло возвеличивание русского прошлого, поэтому утверждение об интенсивной эксплуатации рабов в Киевской Руси рассматривалось государственными идеологами как ненужная тень на блестящем прошлом Родины. Как исследователь древнерусского общества Сыромятников практически забыт. Многие не выдержало проверку временем и в концепции Б.Д. Грекова. Обе трактовки социально-экономического строя Киевской Руси имели свои недостатки и свои достоинства. Они несли отпечаток своего времени и были следствием как научной дискуссии, так и частью социально-политического заказа. Но то, что они оставили свой след, одна большой, другая меньший, в истории отечественной исторической мысли – важный историографический факт.

Между тем, подводя итог, мы вправе отметить, что понимание Сыромятниковым социально-экономического строя древнерусского государства в процессе развития приобретало все больше индивидуальных черт, превратившись в оригинальную и плодотворную концепцию, которая может быть востребована современной наукой. Ее существование является заметным явлением в развитии русской исторической науки.

Оценка правления Ивана Грозного

«Время Ивана Грозного давно привлекает к себе внимание ученых и беллетристов необычным в русской истории драматизмом положений и яркостью характеров»³⁸⁰, - так начинал С.Ф. Платонов главу своего знаменитого курса лекций, посвященную правлению Ивана IV. Не думаем, что будет преувеличением сказать, что такое пристальное внимание к времени Грозного характерно для всех периодов развития русской историографии.

Вполне мог оставить свой след в изучении проблемы и Сыромятников. Но в силу сложившихся обстоятельств, его монография о царствовании Ивана Грозного так и не увидела свет. Тем не менее, изучение его взглядов на вопросы истории опричнины, Избранной рады, реформ Грозного, является важным шагом в создании целостной картины его исторических представлений.

До революции тема правления Ивана IV не играла значительной роли в научном творчестве историка. Отдельные высказывания можно найти лишь в его общих курсах лекций. Ситуация изменилась после падения монархии. Наступившая разруха, гражданская война спровоцировали всплеск интереса к личности Ивана Грозного, в первую очередь, как к жестокому, но сильному правителю.

Показательной в этой связи стала книга известного специалиста в области европейской истории Р.Ю. Виппера³⁸¹. В ней автор показал Грозного выдающимся государственным деятелем, влиятельным в международной жизни политиком, а жестокость правления списал на особенности времени. Как правильно указал А.А. Кизеветтер в 1923 г., к тому времени уже находящийся в эмиграции: «Итак, критическая основа работы Виппера построена на чистом недоразумении, проистекшим из незнакомства с той литературой, с которой он полемизирует. К сожалению, и конструктивная часть его работы страдает тем же недостатком – игнорированием фактов»³⁸². Виппер стремился показать контраст между сильной государственной властью эпохи Грозного, ее мощью и влиятельностью в мире, с анархией послереволюционных лет, когда престиж России значительно упал.

Неудовлетворение работой Виппера выразили и многие другие историки. Своеобразным ответом стала книга С.Ф. Платонова с идентичным названием, вышедшая в 1923 году³⁸³. В ней он писал: «Книгу профессора Виппера можно назвать не только апологией Грозного, но и апофеозом»³⁸⁴. Поэтому своей целью историк видел необходимость в популярной форме дать более объективную историю деятельности Грозного. Он изобразил Грозного крупным политическим деятелем, избежав, впрочем, прямой апологетики. По его мнению, в правлении Ивана IV было много успехов, но было немало и провалов.

На таком историографическом фоне Сыромятников приступил к изучению проблемы. У нас нет данных о времени начала работы над монографией, но имеются сроки окончания ее первых глав. В рукописях они датированы 1926 годом. Сама монография, носившая рабочее название «Эпоха Ивана Грозно-

го», так и не была закончена, а до нас дошли две первые части: «Иван Грозный перед судом русских историков» и «Иван Грозный и его время»³⁸⁵.

Сохранился план будущей книги, по которому она должна была состоять из двух частей и шести глав:

«Часть 1. гл. 1. Иван Грозный профессора Виппера.

гл.2. Иван Грозный профессора Платонова.

Часть 2. гл. 3. Исторические предпосылки московской монархии.

гл. 4. а) Феодалная оппозиция и ее идеология.

б) Сторонники московской монархии и их идеология.

гл. 5. Иван Грозный как политический и государственный деятель.

гл. 6. Государственные реформы и реформация XVI в. и участие в них Ивана IV»³⁸⁶.

В дальнейшем свои идеи Сыромятников отразил в очерке о развитии идеологии в эпоху Ивана Грозного³⁸⁷. При ближайшем ознакомлении, становится очевидным, что автор практически целиком (с определенными поправками на время) повторил свое понимание реформ Грозного, нашедшее отражение в неопубликованной монографии. Поэтому мы вправе рассматривать эти работы как единый комплекс.

Книга начиналась с анализа работ Р.Ю. Виппера и С.Ф. Платонова. Сыромятников указал на актуализацию проблемы в русской историографии: «Грозный как бы вновь призван перед трибуналом истории для произнесения над ним окончательного приговора»³⁸⁸.

Сначала он остановился на труде Р.Ю. Виппера. Историк-правовед отметил излишнюю беллетризованность исследования. Сыромятников писал, что автор возродил в своей работе принципы написания исторического сочинения, присущие XVIII в., а не следовал современным методам, соответствующим действительно научному исследованию. «Несомненно, всей совокупностью отмеченных особенностей «нового метода» автора объясняется и чрезвычайно приподнятый панегирический стиль его очерка, восторженный тон его речи, обильно пересыпанной гиперболическими и украшающими эпитетами, которые вновь приводят нас на память своеобразный стилистический ритм исторической прозы историков-прагматиков щёлцевско-карамзинской школы»³⁸⁹, - заключил историк.

Несколько иную оценку получила монография С.Ф. Платонова. Ученый отметил, что «нашему академику совершенно чужд публицистический тон и тенденциозный пафос, в который впал профессор Виппер»³⁹⁰. Тем не менее, Сыромятникова не удовлетворила ни та, ни другая книга.

Причиной этому был тот ракурс исследования, который предпочли оба автора. Р.Ю. Виппер и С.Ф. Платонов рассматривали эпоху Ивана Грозного сквозь призму личности самого правителя. У них получалось, что исторический процесс, проходивший в эпоху Грозного, целиком и полностью зависел от персоны царя. Сыромятников называл такую историю «внешней», то есть рассматривающей лишь поверхность событий. Как представитель московской школы он отвергал такой подход. Для него «внешний» ход событий – лишь отражение тех внутренних процессов, которые проходили в обществе. Поэтому, с его точки зрения, необходимо перейти к истории внутренней: «Подлинная история не противопоставляет “внешнюю” историю “внутренней”, и не спорит о превосходстве той или другой»³⁹¹. Исходя из понимания Сыромятниковым принципов научного исследования, это означало рассмотрение политических процессов как следствия сложившихся общественных отношений.

Приступая к освещению непосредственно правления Грозного, автор подчеркивал переходной характер эпохи. В его понимании, в это время происходит столкновение двух социально-политических систем: удельного порядка и словенной монархии³⁹². Сыромятников не принимал мнения, что в свое царствование Грозный боролся против «отдельных лиц», о чем писал В.О. Ключевский, или против «удельных правительств, но не против удельных порядков», на чем настаивал А.А. Кизеветтер³⁹³. С его точки зрения, «процесс образования московской централизованной монархии сопровождался <...> крайним обострением классовой борьбы и коренной перегруппировкой общественных классов»³⁹⁴.

К XVI в. сложилась следующая конфигурация классов. С одной стороны – удельная аристократия, являвшаяся противником создания централизованного государства, а с другой – сторонники сильной царской власти.

К противникам самодержавия Сыромятников относил, в первую очередь, «союз княжеско-боярской аристократии и удельной «византийской» церкви»³⁹⁵. У этого союза была мощная идеологическая поддержка. Здесь автор, в первую очередь, вспоминает сочинения Курбского. В трактовке политической позиции оппонента Грозного автор категорически не соглашался с мнением,

что Курбский являлся «либералом и идеологом теории народного суверенитета». С точки зрения историка, мы имеем дело с «<...> типичным реакционером, представителем сходящей уже тогда с исторической сцены общественной группы удельно-феодалной аристократии»³⁹⁶.

В целом, противники Грозного стремились сохранить те привилегии, которые были присущи эпохе политического феодализма, что объективно сталкивалось с интересами формирующегося государства и новых социальных групп.

Но сторонников у Ивана Грозного было много больше, чем противников. В первую очередь, у Сыромятникова речь шла о дворянстве. «Класс этот явился самым горячим сторонником объединения Руси и утверждения единой, твердой и грозной власти во имя национального государства»³⁹⁷, - утверждал автор. Ярким выразителем интересов дворянского класса историк признал Ивана Пересветова. По его словам: «Именно Пересветов дал законченную теорию централизованной бюрократической, дворянской монархии»³⁹⁸. В сочинениях Пересветова отразились все наиболее значительные требования дворянства относительно будущего устройства государства. Сыромятников насчитал десять таких требований:

- 1) отмена феодального иммунитета;
- 2) отмена кормлений;
- 3) отмена родовых привилегий и замена их началом выслуги;
- 4) введение государственного, одинакового для всех суда;
- 5) издание «судебника» с установлением строгой кары за неправосудие;
- 6) устройство и обеспечение дворянской армии, образование дворянской гвардии;
- 7) губная реформа для борьбы с разбоями;
- 8) сосредоточение всех налогов в государственной казне;
- 9) завоевательная политика по отношению к Казанскому ханству;
- 10) беспощадное истребление «вельмож» (опричнина)³⁹⁹.

Дворянство видело в сильном государстве естественного союзника в борьбе с аристократическими кругами, а также выразителя собственных возрастающих претензий на лидерство в обществе.

Еще одной опорой государственной власти был в терминологии Сыромятникова «торгово-промышленный класс», посад. «Московское торгово-промышленное население было целиком на стороне московского самодержавного государства, которое оно дружно поддерживало на земских соборах своими

средствами»⁴⁰⁰. По утверждению автора, сложился взаимовыгодный симбиоз между властью и «торговым капиталом». К тому времени государство уже вышло из «вотчинного» состояния, его интересы стали простирались много дальше простого удовлетворения хозяйственных нужд великокняжеской вотчины. С увеличением запросов естественно растет и нужда в финансовых источниках. «Отсюда необходимость чрезвычайных финансовых «запросов», обращенных к представителям торгового капитала, петиции правительства, обращенных к купечеству о субсидиях»⁴⁰¹. В ответ посад требовал ответных мер, направленных на удовлетворение его сословных интересов. Именно на этом фундаменте взаимовыгодного сотрудничества выросло, по мнению исследователя, здание сословно-представительной монархии. «Указанное обстоятельство и содействовало превращению московской единой и самодержавной монархии в монархию сословно-феодальную»⁴⁰², - резюмировал автор.

Немалое значение в концепции историка-юриста, имела и поддержка простым народом самодержавной власти царя. В XV – XVI вв. наблюдается все ускоряющийся процесс закрепощения крестьянства. Следствием этой тенденции стал рост недовольства простого народа по отношению к правящим классам. Но это недовольство не распространялось на царя. Причиной этого было то, что в процессе закрепощения (кстати, поддержанного государством) крестьянин сталкивался лицом к лицу с дворянином, а не с правительственными агентами. «Таким образом, оторванный в большинстве случаев от всякого непосредственного контакта с государственной властью, царским правительством, благодаря дворянскому средоточению, народ в своем сознании отделил царя от своих новых господ, сосредоточив всецело на них всю свою ненависть к крепостническому режиму»⁴⁰³, - писал Сыромятников. Сейчас бы такой феномен назвали «наивным монархизмом».

Кроме указанных социальных слоев, важную роль в противостоянии играла русская православная церковь. Исследователь отмечал раскол внутри церковной организации. Первую группу, поддерживавшую реформы Ивана Грозного, составляли иосифляне. Вторую группу представляли нестяжатели – противники централизации. Для обеих категорий ведущим вопросом было их отношение к власти. Этот вопрос воплотился в сложные церковные доктрины о месте русской церкви в мировой церковной иерархии. Так, нестяжатели считали, что церковь должна быть независимой от светской власти и подчиняться только константинопольскому патриарху. Тем самым, они априори выступали против усиления государственной власти. Они отстаивали приоритет «духовного

меча», высшего авторитета церкви в обществе. То есть такого положения дел, которое существовало в период политического феодализма. «При таких условиях нестяжательство было защитником уклада удельной Руси, а следовательно, единомышленниками и сторонниками феодальной аристократии, вместе с которой вели солидную борьбу с московской государственностью»⁴⁰⁴.

Иосифляне же, по мысли Сыромятникова, были сторонниками единого государства. В их доктрине доминировала идея национальной церкви, независимой от патриарха в Константинополе. Этот посыл объективно приводил к тому, что церковь становилась зависимой от национального государства. Отсюда и культ сильной власти, проповедуемый иосифлянами. Автор характеризовал эту доктрину как «органически сочетающую культ национального государства с национальным культом. Обожествив государственную власть, иосифляне провозгласили безусловное подчинение православному самодержцу национальной церкви, поставив ее на службу мирским интересам, светскому государству»⁴⁰⁵.

Такова была конфигурация социальных сил, сложившаяся на момент царствования Ивана Грозного. В этой системе ученый отводил важную роль и самому царю. «Возглавляя государство, строившееся по плану сословной монархии, Иван IV занял положение не «надклассового», а междусословного царя, который в такой же мере опирался на социальную «середину» московского общества, как она, в свою очередь, опиралась на него»⁴⁰⁶. Такое положение определяло сильное влияние царя на развитие событий.

Сыромятников пришел к выводу, что личные качества Ивана Грозного были важным фактором в социальной борьбе. Но не надо преувеличивать экстраординарности его действий. Вся его социальная программа, опричнина не были исключительной новостью: «В данном случае он являлся верным продолжателем и достойным преемником политики своих ближайших предшественников»⁴⁰⁷. По мнению Сыромятникова, Грозный сделал эту политику последовательной, облек в идеологически обоснованные формы. А что касается массовых казней, то «правительственный террор сделался обычным приемом московской политики задолго до Грозного»⁴⁰⁸. Политика Ивана IV основывалась на идее «грозного царства», то есть такого, где монарх являлся неограниченным правителем, вольным «казнить и миловать». Истоки этой идеологической концепции автор находит еще в Удельной Руси, но именно Иван Грозный и его сторонники попытались ее реализовать и обосновать. Теоретиком такого

царствования был Иван Пересветов. Фактически Сыромятников указывает на Пересветова как на главного выразителя идеологии нарождающегося абсолютизма. «Пересветов дает законченную теорию грозного государства, а Иван IV применяет ее на практике, превратив в систему внутренней государственной политики»⁴⁰⁹, - подводил итог исследователь.

Так, историк-юрист изобразил процесс общественной борьбы, в том числе и в сфере идеологии, в XV – XVI веках. В понимании автора, этот этап эволюции русского государства и общества был абсолютно закономерен и корреспондировался с общемировым развитием.

Для его исследования был характерен социологический подход. Именно выявление общественных отношений в правление Ивана IV могло позволить понять, с точки зрения Сыромятникова, его политику. В целом, исследователь подтвердил тезис о том, что главной целью деятельности Ивана Грозного была борьба с удельными порядками. В его схеме, правление Ивана Грозного привело к важным социально-политическим сдвигам, но оставило нетронутым экономический фундамент общества. Феодализм как был основой, так ею и остался. Но при Грозном произошли и другие важнейшие изменения. Так, именно при нем складывается национальное государство – необходимый этап развития всей мировой истории. Сыромятников был уверен, что именно Грозный заложил основы абсолютной монархии, которая установится в правлении Петра Великого.

«РЕГУЛЯРНОЕ» ГОСУДАРСТВО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Время Петра Первого является одним из ключевых в российской истории. Русская историография всегда отличалась устойчивым интересом к петровской эпохе.

Спор о месте Петра и его преобразованиях в развитии русского государства и общества приобретал особую остроту в переломные эпохи. Начало XX в. и было таким временем. Через призму анализа реформ Петра I отечественная историография решала одну из ключевых проблем общественной мысли в общем и исторической науки в частности – проблему «Россия – Запад». Вопрос имел не только научное значение, но и мировоззренческое: от его решения зависело осмысление направления дальнейшего развития России. Если учитывать активную общественную позицию Сыромятникова, то обращение исследователя к истории Петра I выглядит вполне логичным.

Первой крупной работой, посвященной историком государству Петра, стала научно-популярная статья, освещающая процесс эволюции института абсолютной монархии в XVIII веке⁴¹⁰. Статья имеет большое значение для анализа эволюции представлений Сыромятникова об абсолютизме в России в целом и государстве Петра I в частности.

Абсолютизм в России интересовал Сыромятникова, с одной стороны, как следствие естественного развития русского государства, с другой – как особая форма организации общества, имеющая свои специфические черты. Петровское государство рассматривалось автором сквозь призму организации общества и идеологию.

Истоки государства Петра I автор находил в Московской Руси. Он отмечал, что в ходе эволюции московской политической теории произошел отказ от рассмотрения страны как вотчины правящей династии. Был совершен переход к идее «государства», которая в первую очередь привела к появлению не отношений найма между государем и народом, а отношений государственного подданства⁴¹¹. Тем самым, Московское царство выполнило свою историческую задачу, создав национальное государство, ставшее прообразом Российской империи. Уже тогда сложились условия для зарождения новых представлений о роли государства. Глашатаем новой идеологии исследователь называет Ивана Грозного, который реализовывал идеал неограниченного монарха, подкрепляя его пропагандой в своих произведениях⁴¹².

Отмечая преемственность между двумя периодами русской истории, Сыромятников видел их существенное различие в господствующих социальных силах. Социально-экономический строй Московского государства XVII в. сформировался вследствие, во-первых, победы поместного дворянства над удельной аристократией, а во-вторых, усиления нового соперника дворянства – «торгово-промышленного сословия»⁴¹³. Борьба между указанными общественными классами стала фундаментом для построения здания неограниченной монархии, которая, в результате использования общественных антагонизмов, превращается в доминирующую силу: «Социальная рознь, вылившаяся в формы резкого сословного обособления «московских чинов», и была тем прочным основанием, на котором выросло и окрепло московское «самодержавство»»⁴¹⁴. Более того, в Московском царстве противостояние сословий поддерживалось искусственно, что позволяло правительству удерживать контроль над обществом.

В Московской Руси Сыромятников находил многие институты управления и власти столь характерные для империи XVIII века. Например, «ближняя Дума» являлась прообразом различных советов, функционировавших на протяжении всего периода Российской империи и решавших государственные вопросы.

Главным выводом автора стало то, что абсолютизм, в той форме, в которой он существовал в XVIII в., сложился еще в допетровской России: «Русское государство вылилось в законченные формы централизованной бюрократической неограниченной монархии»⁴¹⁵. Таким образом, Пётр являлся продолжателем дела, начатого задолго до него. «Перед правительством Петра стояла задача техническая по преимуществу - задача не творческого, а организационного, регламентирующего характера и, во всяком случае, ничего революционного в себе не заключающая»⁴¹⁶, - писал автор.

В концепции Сыромятникова абсолютизм XVIII в. – следствие эволюции всей социальной структуры русского государства. Но не только внутреннее развитие русского общества являлось предпосылкой формирования абсолютной монархии. Еще одним источником абсолютизма стали философские идеи эпохи Просвещения. Характерными чертами этого времени были рационализм и прагматизм. Реализация принципов данных философских учений на практике привела к появлению идеологии просвещенного абсолютизма. Главным устремлением времени было построение идеального государства, которое, по замыслу просветителей, должно было служить всеобщему благоденствию. Следуя сложившимся представлениям о том, что историю делают просвещенные монархи, реализацию проекта такого государства связывали с деятельностью неограниченного самодержца. Идеал был реализован в так называемом «полицейском» или «регулярном государстве», в котором была проведена попытка регламентации всех сторон жизни подданных.

Именно такие идеалы были заложены и в государстве Петра. Но, по замечанию исследователя, в России рецепция западноевропейских философских идей приобрела и ряд специфических черт. Так, неограниченная власть монарха была обоснована не только принципом рационализма, но и сакральным характером происхождения власти государя, позаимствованным из Московской Руси⁴¹⁷.

При Петре I в наиболее яркой форме идеи «полицейского государства» были выражены Феофаном Прокоповичем в его «Правде воли монаршей». Сыро-

мятников характеризовал это произведение как «высоко талантливое обоснование абсолютистской теории»⁴¹⁸. Прокоповичу удалось создать работу, объединившую в себе идеи происхождения власти монарха на основе общественного договора, с одной стороны, и божественного характера власти – с другой, т.е. скомбинировать идею рационалистическую и идею провиденциалистскую. «Цели автор достигает с помощью простой, но остроумной аргументации. В момент установления договора и выбора государя “народная воля бывает не без смотра Божия”. Глас народа, таким образом, оказывается, действительно, “гласом Божиим”», - интерпретировал мысль Прокоповича автор⁴¹⁹. В такой трактовке отношений правителя и подданных не оставалось места для изъявления свободной воли, поскольку народ делегировал свои права монарху, превращаясь в «простую принадлежность государству»⁴²⁰.

Но эпоха Петра I, в понимании исследователя, была лишь дебютом просвещенного абсолютизма. Наиболее же ярко его идеалы реализовались при Екатерине II. Выражением времени стал «Наказ» Уложенной комиссии, написанный самой Екатериной. Несмотря на либеральный фасад «Наказа», историк считал, что его идеи лишь приспособляли философию Просвещения к бюрократическому абсолютизму. Как замечал Сыромятников, «“Наказ” талантливый образец приспособления либеральных принципов философии XVIII ст. к интересам рабовладельческой империи»⁴²¹.

XVIII в. – период господства дворянства. Дворцовые перевороты – феномен, столь характерный для эпохи, был следствием влияния дворянства как сословия. С помощью дворцовых переворотов дворянство стремилось сохранить status quo, сложившийся в обществе. Их выступления были не за какого-либо правителя, а против ограничения их прав и привилегий, в первую очередь, прав на землю и крепостной труд.

Подводя итоги развития абсолютизма в России, Сыромятников подчеркнул, что его принципы управления и организации общества потерпели полное поражение. Причиной этого стало огромное количество противоречий, изначально заложенных в нем. Например, принцип законности сплошь и рядом нарушался самими же монархами, поскольку вступал в противоречие с принципом неограниченной власти правителя. Начав свой путь как реформирующая сила, просвещенный абсолютизм превратился в оплот консерватизма. Последним примером несостоятельности такого способа правления стало царствование Павла. «Начав с блестящего дебюта многообещающих преоб-

разований, развернув широкую политическую программу <...> абсолютизм закончил как на Западе, так и у нас совершенным банкротством», – резюмировал исследователь⁴²².

Статья Сыромятникова в концентрированной форме вобрала в себя достижения предреволюционной историографии. Идея трактовки государства Петра I как реализации принципов западноевропейской философии XVIII в. наиболее ярко нашла свое выражение в работах М.М. Богословского и А.А. Кизеветтера. Теория равновесия общественных сил, позволяющая абсолютной монархии держать под контролем общество, была характерна как для западной, так и для отечественной историографии, откуда, видимо, и была почерпнута Сыромятниковым. Заслуга автора в том, что он синтезировал два взгляда на проблему.

В связи с разработкой историком проблемы «полицейского» государства возникает вопрос о влиянии марксизма на исследователя. Казалось бы, теория равновесия общественных сил (в марксизме – классов) – типичный постулат марксистской мысли, концептуально оформленный Ф. Энгельсом. Но стоит отметить, что подобные взгляды на абсолютистское государство преобладали и в отечественной дореволюционной историографии. Так, о балансе социальных групп как фундаменте абсолютной власти монарха писали Н.И. Лазаревский, И.М. Разин, И.А. Максименко⁴²³. На усиление государственной власти в результате конфронтации в обществе указывал и М.М. Богословский⁴²⁴.

Поэтому, скорее всего, в разработке данной проблемы Сыромятников опирался на достижения отечественной исторической науки. В его статье нет ссылок на марксистских мыслителей. Думается, если и можно говорить о влиянии на него марксистской концепции равновесия классов как предпосылки формирования абсолютизма, то только о косвенном, через работы других историков (впрочем, вопрос рецепции марксистских концепций русскими историками-немарксистами требует особого исследования).

Полный интересных идей очерк Сыромятникова не стал заметным событием в исторической науке в силу своего научно-популярного характера.

Долгое время ученый не касался темы государства Петра. Лишь в последний период его научной карьеры она превратилась в одну из ведущих в его исследованиях. К интенсивной разработке вопроса он приступил с начала 30-х годов. После поступления на работу в Институт государства и права Сыромятников

представил план написания монографии, посвященной изучению идеолого-правовой стороны монархии Петра⁴²⁵.

В предварительном плане исследования заметна определенная ориентация на историческую концепцию М.Н. Покровского. Но уже тогда критика взглядов основателя советской исторической науки приобрела в Советском Союзе всеобъемлющий характер, поэтому Сыромятников отказался от наиболее очевидных совпадений с М.Н. Покровским. Например, термин «торговый капитализм» был заменен на более нейтральный «торговый капитал»⁴²⁶.

Будущая книга должна была состоять из двух частей: «Введение» и «Государственные преобразования Петра и их идеология». К сожалению, как и в случае с диссертацией «Происхождение феодальных отношений в древней Руси», была подготовлена только первая часть. Впрочем, на этот раз она хотя бы была опубликована. Параллельно с работой над монографией историк участвовал в работе над изданием документального наследия Петра I вместе с ленинградским историком Н.А. Воскресенским.

Книга под названием «“Регулярное” государство Пета I и его идеология» была опубликована в беспокойное военное время, в 1943 году. Исследование выделялось на фоне исторических работ того времени. Главной целью автора было изучение идеологии петровской эпохи. Однако, принимая во внимание взгляды Сыромятникова на идеологию как на отражение конфигурации общественных сил, становится очевидным, что автор не ограничился простым рассмотрением идей эпохи. Ученый анализировал идеологические концепции на широком общественно-политическом фоне.

Первая глава посвящалась разбору историографии, касавшейся петровской эпохи. Историографические исследования научной литературы о Петре были не новы. Достаточно вспомнить обстоятельный труд Е.Ф. Шмурло⁴²⁷. Но работа Сыромятникова стала самым подробным историографическим обзором в советской исторической науке и долгое время им оставалась⁴²⁸.

Автор выделил несколько эпох в изучении петровского времени. Первый период совпал с XVIII веком. Уже современники преобразователя поднимали вопросы, ставшие центральными для последующих исследователей, в особенности, вопрос о необходимости и необратимости реформ. Но, как это нередко случается, современники подменили анализ реформ рассмотрением личности преобразователя. Для них не был вполне ясен исторический смысл происходящего, перемены связывались с деятельностью одного человека – Петра. Не-

избежно, это приобретало злободневную окраску, приводило к столкновению различных мнений, и в этом времени Сыромятников находил истоки публицистичности дальнейших дискуссий о Петре, который имел как сторонников, так и противников.

Переходным этапом в изучении петровского государства, как и в исторической науке в целом, стало творчество Н.М. Карамзина. Карамзин начинал свой путь как европеист и тогда боготворил Петра, сделавшего Россию европейской страной. Однако, после Французской революции в его мировоззрении наблюдается переход к консерватизму и критике реформ. Во взглядах Карамзина, с точки зрения автора, в наиболее яркой форме отразилась общая эволюция общественной мысли от революционного рационализма к консервативному идеализму. Более того, отразив в своих произведениях противоречия времени, автор «Истории государства Российского» стал родоначальником сразу двух направлений отечественной общественной мысли, славянофилов и западников⁴²⁹.

Окончательно два названных выше течения оформились в результате полемики по поводу «Философических писем» П.Я. Чаадаева. Начавшиеся споры между славянофилами и западниками, центром которых стали петровские реформы, Сыромятников, вслед за В.О. Ключевским, характеризовал как «метаисторические», поскольку они отличались умозрительными суждениями о деятельности Петра без глубокого изучения исторического материала⁴³⁰. В оценке рассмотренной полемики Сыромятников отдавал предпочтение западникам, поскольку они признали закономерность и органичность петровских преобразований⁴³¹.

По мнению автора, дальнейшее изучение петровской эпохи стало возможным благодаря переходу от умозрительного к научному рассмотрению проблемы. Под этим Сыромятников понимал обращение к конкретно историческому материалу, к фактам. Первым такой переход попытался совершить С.М. Соловьёв. Но он не оказался вполне успешным. Несмотря на привлечение солидной документальной базы, он все же остался на методологических позициях гегелевской философии истории. «Хотя Соловьёв явно переходит уже как историк от «умозрительного» направления к «реалистическому», позитивному. Тем не менее ему не удастся эмансипироваться от идеалистических традиций, и его историческая схема, при всей своей видимой насыщенности фактическими данными, исходит все же не из этих данных, а подводит их под

заранее им принятую “теорию”, вместо того, чтобы самую теорию вывести как результат научного исследования источников»⁴³², - заметил автор. По мнению Сыромятникова, работы Соловьёва являются переходными для русской историографии петровских реформ.

Следующими крупными историками, чьи взгляды были рассмотрены в связи с проблемой петровских реформ, стали В.О. Ключевский и С.Ф. Платонов. Сыромятников категорически заявил, что их работы не привнесли ничего нового в понимание вопроса. А взгляды П.Н. Милюкова вообще названы автором «крайне запоздалым полемическим выпадом против личности Петра»⁴³³. В целом, исследователь невысоко (в силу, в том числе, и идеологической атмосферы советского эпохи) оценил вклад «буржуазных» историков в развитие понимания государства Петра.

Советское время Сыромятников выделял в особый период. Обзор советской историографии он начал с анализа взглядов М.Н. Покровского. Здесь исследователь не без горькой иронии замечает: «Автору названной работы [«Русская история с древнейших времен» - В.Т.] среди русских историков дооктябрьской России принадлежит несомненная заслуга попытки впервые подойти к истолкованию русского исторического процесса с точки зрения классовой борьбы, причем, однако, историческая концепция автора, в конечном счете, оказалась антимарксистской»⁴³⁴. Главная ошибка Покровского, по мнению автора, заключалась в преувеличении роли «торгового капитализма».

Не менее критично Сыромятников отнесся к трактовке Н.А. Рожковым Петра как представителя «нового дворянства»⁴³⁵. В этой связи необходимо остановиться на одном вопросе. В последнее время появились замечания в адрес историка-юриста в том, что «Сыромятников фактически замалчивает роль М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова, первыми на широком историческом материале попытавшихся решить вопрос о классовой природе Российского государства в советской исторической науке»⁴³⁶. В какой-то мере это утверждение справедливо. Но нам не стоит забывать и о том, что подчеркивать заслуги меньшевика Рожкова и официально осужденного Покровского в то время было как минимум небезопасно. Сам факт того, что Сыромятников упомянул их в своем обзоре, уже заслуживает уважения.

В конце историографического очерка историк подверг анализу два учебных пособия С.В. Юшкова и учебник «История СССР» 1939 года издания. Главы последнего (автор В.И. Лебедев), посвященные петровской эпохе, Сыро-

мятников признал неудовлетворительными и грешащими множеством фактических неточностей. С.В. Юшкова же автор прямо обвинил в плагиате, заметив, что тот позаимствовал большую часть своих «сенсационных» выводов из известного дореволюционного учебника В.Н. Латкина «История русского права периода империи (XVIII и XIX ст.)»⁴³⁷.

Подводя итоги, можно констатировать, что Сыромятников выделил следующие периоды в изучении петровского времени: 1) XVIII в. – эпоха рационализма и Просвещения; 2) деятельность Карамзина в качестве переходного этапа; 3) период полемики славянофилов и западников; 4) научная деятельность Соловьёва как промежуточный этап от идеализма к позитивизму; 5) позитивизм; 6) советский период. Таким образом, автор рассматривал историографию петровской эпохи как составную часть развития русской исторической науки.

Сыромятников после обстоятельного историографического экскурса в проблему сделал вывод, что ни дореволюционные, ни послереволюционные историки не дали адекватного решения проблемы. Это произошло с одной стороны, по причине, злободневности самой темы, что мешало непредвзято взглянуть на проблему, а с другой – из-за несовершенства методологического фундамента исследований. Главное – ни один из историков так и не дал определения абсолютистского государства, не раскрыл его сущностных характеристик. Таким образом, по мнению автора, изучение государства начала XVIII в. было насущной необходимостью исторической науки.

Но не только научные соображения заставили Сыромятникова обратиться к изучению организации петровского абсолютизма. Этому требовало возрождение исторического образования и отсутствие научной оценки петровской эпохи, что особенно было заметно в учебниках. Кроме того, надо помнить и о социокультурном аспекте. Вероятно, Сыромятникову сталинский Советский Союз сильно напоминал «регулярное» государство во всех его худших проявлениях.

Вторая глава, носившая название «Исторические предпосылки «регулярного» государства Петра I», в содержательном плане была посвящена рассмотрению петровской эпохи в контексте исторического развития России.

Автор определяет государство Петра как «регулярную» монархию. Он даёт следующую дефиницию петровской государственности: «государство нового

типа, которое известно под названием “регулярного”, т.е. полицейского абсолютистского государства “просвещенного деспотизма”»⁴³⁸.

Сыромятников трактовал абсолютистское государство XVIII в. как государство феодальное. В этом он делает существенный шаг вперед по сравнению со своими ранними дореволюционными работами. Если в статье «Абсолютизм в России в XVIII в.» эта мысль не прослеживалась, то теперь историк не только правильно идентифицировал социально-экономический строй петровского государства, но и провел логическую связь со своими предыдущими исследованиями, посвященными развитию феодализма в России.

Историк указывал на тесную близость между изучаемой эпохой и предыдущей эволюцией русского государства и общества. В первую очередь, преемственность заключалась в рецепции тех принципов управления, которые сложились в Московском царстве. Например, самодержавная власть монарха – абсолютизм XVIII в. – имела свои истоки в предыдущих периодах. В процессе создания централизованного государства сформировался тот баланс сил в социуме, который позволил реализовать концепцию полицейского государства. Так, в борьбе против удельной знати власть московских государей была поддержана тремя силами: 1) поместным дворянством; 2) посадскими людьми; 3) церковью. Все из названных социальных слоев были заинтересованы в централизации. Дворяне – в силу противостояния с титулованной знатью, посадские люди – по причине трудности ведения торговли в условиях раздробленности, а церковь стремилась получить гарантии сохранности ее богатств, в чем так же могло помочь только централизованное государство⁴³⁹.

Победа над политическим феодализмом не означала искоренения данного строя: феодализм остался господствующей социально-экономической системой, но создание единого государства изменило статус подданных. Если ранее их отношения с московскими князьями строились на договорных началах найма, то теперь они сменились отношениями государственного подданства. Именно установление государственного подданства – суть отношений власти/подчинения в данный период, а не «всеобщее закрепощение сословий», как это трактовалось историками государственной школы⁴⁴⁰.

После создания централизованного государства, московские цари были вынуждены делить власть с теми силами, помощь которых сделала возможным победу над удельным порядком, в первую очередь, с дворянством и посадскими. Именно необходимость поддержки этими группами верховной власти при-

вела к появлению земских соборов. XVII век Сыромятников трактовал как период сословно-представительной монархии. Если ранее отношения власти и общества развивались на различных этапах истории по следующей схеме: князь – вече, князь – боярская дума, то теперь дуалистическая организация власти выразилась в отношениях царь – земский собор. Царская власть была вынуждена мириться с таким положением дел, так как, с одной стороны, зависела от воинской силы, которую составляло дворянство, а с другой – нуждалась в постоянном притоке средств для поддержания растущих потребностей централизованного государства, которые можно было обеспечить займами у купцов и промышленников⁴⁴¹. Церковь, по мнению Сыромятникова, стала самостоятельным членом: не выше государственной власти, но, в какой-то мере, от него независимым.

Таким был строй Московского царства в XVII веке в понимании автора. По мнению исследователя, его дальнейшая эволюция привела к равновесию между двумя ведущими общественными силами: дворянством и посадом. На этом равновесии и зародилось абсолютистская империя Петра. Отличие петровского этапа от других этапов развития русского государства заключалось в отсутствии противовеса по отношению к правителю. Если раньше такую роль выполняло последовательно вече, дума и земский собор, то в XVIII в. такого сдерживавшего власть царя учреждения просто не оказалось. Следует отметить, что Сыромятников не ответил на вопрос, почему это произошло, он просто констатировал: «Специфическим признаком этой новой государственной формы, признаком правовым, является отсутствие в ней какого-либо учреждения, с которым бы «император и самодержец российский» разделял свои полномочия»⁴⁴².

Таким образом, отсутствие противовеса позволило довести власть монарха до абсолюта и подчинить ему все общество. Но не только это предопределило появление полицейского государства. XVIII век – век просвещения и рационализма. С выходом Московского царства из изоляции открылось окно влияния европейской культуры на русское общество. Идеалом тогдашних философов было государство всеобщего благоденствия, государство, построенное на принципах разумной необходимости и вере в человеческий разум. С точки зрения философии прагматизма, такое государство мог построить философ на троне, «просвещенный монарх». Таким монархом и стал Пётр. Петровские реформы, по мнению Сыромятникова, были реализацией идей западноевропейской философской мысли, в первую очередь, Пуффендорфа, Лейбница, Гоббса,

Вольфа и других мыслителей. Его идеалом было построение «регулярного» государства, где каждый подданный выполнял строго определенную функцию⁴⁴³. Программными документами, идеологически обосновавшими просвещенный абсолютизм Петра, были «Правда воли монаршей» и «Духовный регламент», написанные Ф. Прокоповичем. Сыромятников трактовал оба произведения не как сочинения частного лица, а как государственные акты, «подводившие идеологический фундамент под государственную реформу Петра в целом»⁴⁴⁴.

Еще одной чертой внутренней политики Петра Великого исследователь считал антидворянские тенденции в законодательстве. По его мнению, реформы привели к такой ситуации, когда интересы государства были поставлены выше узко сословных интересов дворянства. В первую очередь, это выразилось в ограничении крепостничества. «Ближайший анализ петровского законодательства показывает, что характерной тенденцией этого законодательства было стремление к ограничению крепостного права во имя тех же направляющих начал, которые привели и к ограничению землевладельческих прав дворянства во имя широко понимаемого интереса»⁴⁴⁵, - утверждал исследователь.

Таковыми были основные идеи первой части монографии. Вторая часть, «Государственные преобразования Петра и их идеология», так и не была опубликована, но сохранился ее план, который мы считаем нужным представить полностью:

«Официальное обоснование учения о государстве в законодательстве Петра I. Идея «регулярного» государства и идеология полицейского государства просвещенного абсолютизма (теория «должности» монарха и «гражданства»). «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и его «слова и речи», как философское обоснование теории «полицейского государства». Учение о верховной власти и его выражение в законодательстве. Организация власти (учение о «полиции» и система бюрократизма). Регламент главному магистрату. Табель о рангах и проч. Проблема церкви и государства и её постановка в законодательстве Петра. Понятие закона и законодательного регулирования. Реформа централизованного и областного управления и ее судьбы при Петре I. Городовая реформа. Государственный контроль (прокуратура и фискалат). Организация вооружённых сил империи (армия и флот).

Экономическое законодательство и политика империи Петра. Меркантилизм. Финансовая реформа (налоги).

Социальное законодательство и политика империи (сословное право и анти-сословные тенденции).

Народное просвещение и государственная реформа быта. Культурная реформа.

Петровская империя как европейская держава. Внешняя политика и дипломатия.

Боевой характер петровского законодательства и система борьбы (карательные меры) с «непокорливыми чело­вецами». Форсирование исторического процесса.

Утопия «полицейского государства», ее реализация в законодательстве Петра I. Антифеодалные тенденции петровского законодательства и политики и буржуазные стремления в условиях крепостнического режима. Основные противоречия петровской эпохи.

Классовые интересы и борьба «верхов» и «низов» против законодательной политики петровской империи её вождя «мироеда и антихриста» Петра. Дворянская реакция.

Итоги петровского строительства и его классовая база. Историческое и утопическое в политике Петра.

Приложение. Отрывки памятников»⁴⁴⁶.

Судя по плану, Сыромятников рассчитывал во второй части в развернутом виде обосновать те положения, которые он выдвинул в первой, снабдив работу документальным аппаратом.

Труд Сыромятникова был нехарактерен для советской историографии, в первую очередь потому, что опирался, в основном, на достижения дореволюционных историков. Во многом в нем повторялась концепция, впервые изложенная самим же историком в его статье «Абсолютизм в России в XVIII в.». Тезис о рецепции западноевропейских философских доктрин в российской историографии Сыромятников дополнил идеей о появлении петровского государства и его идеологии вследствие внутреннего развития русского общества. Представления, схожие с идеологией абсолютизма, Сыромятников находил еще в эпохе Ивана Грозного⁴⁴⁷. Концепция «регулярного» государства, изложенная Сыромятниковым, объективно противостояла мнению П.Н. Милюкова о спонтанности петровских преобразований⁴⁴⁸. В отличие от него, Сыромятни-

ков признавал наличие у реформатора четкого плана и конечной цели в проведении преобразований.

Основанием господства абсолютного монарха, по мнению исследователя, был сложившийся баланс сил между дворянством и буржуазией. Эту мысль Сыромятников высказывал еще в дореволюционное время. В новой книге эта идея дана со ссылками на классиков марксизма-ленинизма. В этой связи очень верно мнение И.Л. Беленького: «Многочисленные обращения к трудам «классиков марксизма-ленинизма» и формулирование основных задач исследования на теоретическом языке, близком к построениям М.Н. Покровского, ни в коей мере не могут скрыть органической связи основных идей книги с ранними работами автора»⁴⁴⁹.

Подводя итоги, мы вправе сказать, что работа об идеологии «регулярного» государства – труд синтетический. В ней концептуально обобщены достижения русской дореволюционной науки. Анализ монографии позволяет опровергнуть расхожее представление о труде Сыромятникова как возрождении концептуальных построений М.Н. Покровского⁴⁵⁰. К такому выводу приводят следующие наблюдения. По мнению М.Н. Покровского, в основе петровской империи лежал союз буржуазии и феодальной знати, причем последняя играла определяющую роль. Благодаря этому союзу произошел расцвет торгового капитализма, впрочем, на короткое время. Но когда феодалам стал невыгоден этот союз, они от него отказались⁴⁵¹. Сыромятников же исходит из концепции не «союза противоборствующих сил», а «равновесия», когда ни феодалы, ни нарождающаяся буржуазия просто не имели сил для окончательной победы. Этим воспользовалось государство. Именно государство стало доминирующей силой в этот исторический период. Кроме того, историк-правовед не выводил торговый капитализм в качестве лидера буржуазии, используемый им термин «торгово-промышленный посад» понятие более широкое. Нет у Сыромятникова и негативного портрета личности Петра. Тезис о покровительственном отношении Петра к купцам (в чем критики видели намек на торговый капитализм) был общим местом в дореволюционной историографии, более того, он повторялся и в исторической науке русского зарубежья⁴⁵², а уж ее представителей трудно заподозрить в симпатиях к М.Н. Покровскому. Перед нами яркая попытка возродить достижения дореволюционных историков в новых историографических условиях.

В работе автор пытается решить главнейший вопрос своего научного творчества - проблему «Россия – Запад». Историк в очередной раз проводит мысль об идентичности развития России и Европы, на этот раз на примере абсолютистского государства Петра. На материале петровских реформ Сыромятников стремился доказать, что этап подчинения общества государству характерен для всех европейских стран, а не только для России, как об этом писал П.Н. Милюков.

Американский исследователь С. Блэк, как это указывалось выше, совершенно правильно квалифицировал появление книги Сыромятникова как следствие ослабления идеологического пресса на историческую науку со стороны власти. Тогда стала возможна ситуация возрождения, по сути, одной из дореволюционных концепций важного исторического этапа. Причиной такого положения дел стала мировая война, во время которой действующие органы идеологического контроля не могли уделять пристального внимания исторической науке⁴⁵³.

Опубликованная книга вызвала противоречивые отклики. Первая рецензия С.А. Покровского была благожелательной. В ней рецензент положительно оценил историографическую часть книги: «Профессор Сыромятников впервые дает исчерпывающий обзор всего наиболее существенного, что было написано о Петре более чем за двести лет»⁴⁵⁴. Не менее высоко он оценил и вторую главу, особенно поставив в заслугу то, что автор характеризует петровскую монархию как просвещенный абсолютизм⁴⁵⁵. Несмотря на это, Покровский недоумевает по поводу тезиса об антикрепостнической направленности реформ Петра. Эту мысль он считает спорной.

В следующем году вышел целый ряд рецензий на работу Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого и его идеология», написанных в критическом тоне. Особенно разгромной и даже грубой была критика С.В. Юшкова и В.И. Лебедева⁴⁵⁶. Авторы утверждали, что Сыромятников, якобы, изобразил Петра учеником немецких философов: «Итак, Пётр I, ученик немецких публицистов – Лейбница, Пуффендорфа и Вольфа – пересадила на русскую, совершенно неподготовленную почву, полицейское государство. Таков первый тезис Сыромятникова, тезис, который, по сути дела, отбрасывает русскую историческую науку к временам господства немецких историков в российской АН – Миллера, Шлёцера»⁴⁵⁷. Кроме того, автора книги о Петре обвинили в возрождении концепции Покровского о буржуазных тенденциях во внут-

ренной политики абсолютистского государства. Вменяли ему в вину также и возрождение концепции государственной школы. Напоследок, его обвинили в незнании марксистско-ленинско-сталинского учения.

Все это могло дорого обойтись Сыромятникову. Обвинения в апологетике немецких философов (хотя историк писал не только о немецких, но и об английских и французских мыслителях) были очень опасны в военное время, это «попахивало» антипатриотизмом и провокацией. Авторы рецензии на этом не остановились, они поставили в вину историку-правоведу возрождение сразу двух официально осужденных концепций: буржуазной государственной школы и официально признанной «антимарксистской» концепции Покровского.

Более объективным был отзыв С.В. Бахрушина. Автор отмечал: «Появление книги Б.И. Сыромятникова <...> вызвало интерес не только среди наших историков, но и в широких кругах партийного и советского руководства. Этот интерес объясняется актуальностью самой темы исследования»⁴⁵⁸. По мнению рецензента, несмотря на то, что в целом взгляды Сыромятникова соответствуют принятым в советской науке, исследователь допустил ряд существенных ошибок. Во-первых, С.В. Бахрушина возмутило утверждение о том, что советская историография не дала научного объяснения феномена государства Петра I. «Наоборот, только в советский период эпоха Петра получила подлинно научную трактовку»⁴⁵⁹, – утверждал автор рецензии. Во-вторых, главным недостатком книги, по С.В. Бахрушину, является преувеличение роли западно-европейских мыслителей в строительстве петровской монархии. Не преминул рецензент отметить и ряд неосторожных высказываний Сыромятникова; например, о том, что «автор называет подвиг ополчения Минина и Пожарского патриотическим в кавычках. Таким образом, Сыромятников вновь повторил отвергнутые советской наукой утверждение «школы Покровского» о, якобы, контрреволюционном характере этого ополчения»⁴⁶⁰.

В схожем ключе была написана рецензия Б.Б. Кафенгауза. Но, в отличие от предыдущих авторов, Б.Б. Кафенгауз правильно указал на М.М. Богословского и Н.П. Павлова-Сильванского как главные источники концептуальных построений Сыромятникова⁴⁶¹.

Сыромятников пытался дать ответ своим критикам в работах «К вопросам об исторической критике»⁴⁶², «Ответ нашим критикам»⁴⁶³, «Ответ на рецензию С. Бахрушина»⁴⁶⁴. Наиболее развернуто защиту основных положений книги

историк представил в статье «Ответ нашим критикам». В ней автор последовательно защищает свою концепцию петровского государства и подвергает критике замечания рецензентов. Он писал: «Все рецензии, повторяя себя, написаны по одному шаблону и представляют собой систематические искажения наших основных положений, граничащие в отдельных случаях с явной недобросовестностью»⁴⁶⁵. Защитную функцию носила и статья «Классики марксизма-ленинизма об абсолютной монархии», в которой автор доказывал, что его взгляды целиком и полностью опираются на работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина⁴⁶⁶. В особенности, активно Сыромятников ссылался на мнение Сталина, высказанное тем в «Беседах с Э. Людвигом», где говорилось о прокупеческой политике Петра. Существенную поддержку автору «Регулярного государства Петра Первого» оказал Воскресенский. Он написал обстоятельную рецензию в защиту книги⁴⁶⁷. Тем не менее ни одна из этих работ так и не была опубликована. Как писал Сыромятников, это произошло из-за отчаянного противодействия со стороны его оппонентов⁴⁶⁸.

Итак, «Регулярное государство Петра Первого» стало одной из главных мишеней для критики того времени. По этому поводу Г.Д. Бурдей замечает: «Складывалась парадоксальная ситуация. Историки дискутировали по вопросу уже однажды решенному Сталиным весьма категорично. Выдвинув тезис о двуедином классовом характере политики Петра I, историки, критиковавшие книгу Сыромятникова, по существу оспаривали мнение Сталина»⁴⁶⁹. Несмотря на недоумение исследователя, в сложившейся ситуации нет ничего парадоксального. Во-первых, не надо преувеличивать сталинский контроль над всеми сферами общества, такая иллюзия была характерна для «перестроечных» лет, когда и писалась монография. А во-вторых, Сталин сам нередко менял свои взгляды в зависимости от изменчивой обстановки во внешней и внутренней политике. Основных же причин развернувшейся полемики было несколько.

Причины эти заключались, с одной стороны, в тех личностных противоречиях, которые сложились в среде историков. Так, например, отношения между Сыромятниковым и Лебедевым с Юшковым были, судя по всему, крайне натянутыми. Это выразилось, в частности, и в негативных отзывах на работы друг друга по самым разным вопросам. Сыромятников неоднократно критиковал книги Лебедева и Юшкова, в том числе и по истории Петра⁴⁷⁰. Для мести своему оппоненту указанные историки избрали такой путь. С помощью обвинения в следовании концепциям Покровского, а выше было указано, что книга

Сыромятникова имела с работами Покровского мало общего, они стремились свести личные счеты. С другой стороны, причины крылись в борьбе между как различными историографическими направлениями, так и между научными учреждениями Советского Союза.

Различные интерпретации истории неизбежно ведут к конфликтным ситуациям в среде историков. Это нормально. Но если в обычных условиях эти конфликты решаются при помощи полемики, диспутов и т. д., то в условиях сталинской эпохи, когда история превратилась в один из политически важных компонентов идеологии, эти споры не только получали политико-идеологическую окраску, но и велись отнюдь не обычными средствами, а нередко с привлечением сил, не имеющих к науке никакого отношения. Следствием такой «подковерной» борьбы было вовлечение действующих научных институтов в борьбу между различными партийными лидерами. В случае критики «Регулярного государства» мы имеем дело с продолжением конфликта между Институтом истории во главе с Б.Д. Грековым и Институтом государства и права, где работал Сыромятников. Конфликт начался еще в 1940 г., когда Сыромятников в Институте государства и права выступил с опровержением концепции Грекова о феодальном характере социально-экономического строя Киевской Руси. Продолжением его стало сопротивление Института истории публикации правовых документов, подготовленных Сыромятниковым. Значительные препятствия чинились и Н.А. Воскресенскому, составившему сборник документов петровской эпохи⁴⁷¹.

Ситуация осложнялась существованием в исторической науке нескольких поколений историков. С одной стороны, продолжали работать дореволюционные ученые, с другой – важнейшую роль начало играть новое поколение, в первую очередь ученики Покровского. Разный взгляд на прошлое страны, разное понимание задач исторического исследования неминуемо приводили к острым конфликтам. Вообще, положение дел в конце 30-х - первой половине 40-х гг. можно охарактеризовать как нарастание конфликта в исторической среде.

Существующие противоречия обнажила война. В ходе Великой Отечественной войны сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, историческая наука стала частью пропагандистской машины. Ведущие историки разъезжали по всей стране с публичными лекциями, примерами из прошлого поддерживая боевой дух солдат. С другой – историки, в силу того, что ослаб контроль

государства над наукой, получили значительную свободу в своем научном творчестве. Такое положение дел устраивало ученых старой формации, в том числе и Сыромятникова, потому что они получили возможность более свободно высказывать свои взгляды. Но ситуация совсем не устраивала учеников Покровского, привыкших следовать партийной линии в изучении прошлого и решать научные проблемы при помощи вмешательства партийного аппарата. Камнем преткновения стала оценка военной экспансии Российской империи.

Апогеем конфликта стало совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Инициатором встречи была А.М. Панкратова, написавшая письмо в ЦК с просьбой разобраться с возмутительными, по ее мнению, случаями апологетики царской России и неверными трактовками отдельных событий. Среди тех авторов, которые допустили эти ошибки, Панкратова назвала Ефимова, Яковлева, Бушуева, Сыромятникова и Аджемьяна.

В ответ на это была сформирована комиссия в составе председателя А.С. Щербакова и секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и Г.М. Маленкова. Совещание началось 29 мая 1944 г. и проводилось с перерывами 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля. На совещание были приглашены ведущие историки Советского Союза.

Мы не будем подробно останавливаться на этом, поистине, ключевом эпизоде истории отечественной исторической науки⁴⁷², коснемся лишь сюжетов, непосредственно относящихся к книге «Регулярное государство Петра Великого» и лично к Сыромятникову.

Сыромятников принимал заметное участие в совещании, тем более что его книга была подвергнута активной критике в ходе мероприятия.

Критические отзывы звучали со стороны Н.Л. Рубинштейна, А.Л. Сидорова, С.В. Бахрушина, Б.Д. Грекова. В вину историку-юристу вменяли главным образом возрождение «буржуазной исторической концепции государственной школы»⁴⁷³.

Сыромятников сделал доклад 5 июня⁴⁷⁴. Он отказался признавать справедливость критических замечаний своих оппонентов. По его словам, при разборе его концепции все они пользовались источниками, опубликованными с ошибками. Но основной пафос его доклада был направлен против деятельности Института истории и лично Б.Д. Грекова. По его мнению, деятельность этого учреждения тормозит развитие исторической науки в СССР.

Совещание стало важной вехой развития советской историографии. Но, несмотря на то, что формально совещание было инициировано историками, главным действующим лицом на нем была власть. Для советской идеологической системы проходящая конференция была хорошим поводом вернуть контроль над исторической наукой.

История была важной частью пропагандистской машины. По изменению интерпретации отечественного прошлого легко улавливались повороты как во внутренней, так и во внешней политике. После того, как исчезли надежды на мировую революцию, а во внутренней политике начали преобладать патриотические мотивы, советская историческая наука совершила поворот к позитивному (в умеренной форме) освещению русской истории. Но во время войны вновь появились обоснованные надежды на дальнейшее распространение коммунистических идей за пределы СССР. А излишне патриотическая риторика могла этому помешать. Поэтому нужно было сохранить не только патриотические элементы идеологии, которые показали себя крайне эффективно во время войны, но и не отпугнуть воинствующим советским национализмом другие народы. На основании этих соображений и принималась резолюция совещания.

В итоговом документе были осуждены как крайне негативные взгляды на русское прошлое, так и излишняя апологетика. Резолюция, авторами которой были Г. Александр, П. Поспелов, П. Фёдоров, включала несколько разделов: «О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию», «О пренебрежительном отношении некоторых советских историков к историческому прошлому нашей родины», «Антиленинские взгляды некоторых историков по национальному вопросу», «О настроения великодержавного шовинизма среди части историков»⁴⁷⁵. В последнюю часть попал Сыромятников. Историка обвиняли в возрождении буржуазных концепций. Но если проанализировать всю часть резолюции, то можно прийти к выводу, что главное неприятие у властей вызвала идея о государстве Петра как реализации идей европейских философов. «Некоторое возрождение националистической идеологии у ряда историков тем более опасно, что оно связано с идеализацией буржуазно-демократического строя и надеждой на эволюцию советского государства к обычной буржуазной республике»⁴⁷⁶, - утверждали авторы. Видимо, следуя их логике, рассмотрение России как неотъемлемой части общеевропейского исторического развития (а именно это

основная идея книги «Регулярное государство») есть надежда на то, что и в дальнейшем Россия будет развиваться также.

Несмотря на официальное осуждение, дальнейших санкций не последовало. Тем не менее, Сыромятников рассматривал свое положение как критическое. Об этом свидетельствует и письмо лично Сталину, которое он, впрочем, так и не решился отправить. В нем он писал: «Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович. Я отлично понимаю, что мое обращение к Вам в тот момент, когда Вы, как великий вождь нашей страны, всецело поглощены решением грандиозных мировых задач, являлось бы непростительной дерзостью, если бы в настоящем письме к Вам я позволил бы себе руководствоваться только личными интересами, как автор специального исследования о государстве Петра Великого, первой в русской научной литературе попытке научного анализа «регулярного» государства начала XVIII века. Но положение с моей книгой, которая сделалась предметом организованной травли в печати в ответ на мою критику основных установок сотрудников Института истории АН, заставило меня обратиться к Вашему авторитету, так как в данном случае речь идет о правильном понимании и оценке одного из поворотных этапов в развитии русского государства, этапа привлекающего к себе в наши дни широкое внимание. В моем исследовании, разумеется, как и во всякой научной работе, могут быть те или иные недочёты, но в данном случае вопрос идет о том, как следует понимать учение марксизма-ленинизма.

<...> У меня нет уверенности, что мои возражения и разъяснения по поводу выступления моих критиков могут появиться в печати (в чем мне не раз приходилось убеждаться), так как многие издания, где заготовленные мною ответы могли бы найти место, находятся в исключительном обладании моих противников на фронте исторической науки»⁴⁷⁷.

Завершающим этапом критики «Регулярного государства и его идеологии» стало заседание 30 января 1945 г. в Институте права АН СССР. Были заслушаны сообщения члена-корреспондента АН СССР М.С. Строганова и проф. П.Н. Галанзы о книге Сыромятникова.

Выводы заседания были следующими: несмотря на ряд очевидных достоинств, необходимо исправить и значительные промахи, найденные в монографии. Во многом, правда, в более мягкой форме, повторялись замечания, появившиеся в рецензиях и прозвучавшие на совещании в ЦК в 1944 году⁴⁷⁸. В заключении было напечатано: «Ученый совет Института права Академии наук СССР, при-

зная задачу, поставленную в книге, весьма актуальной, а работу Б.И. Сыромятникова отвечающей назревшей потребности, считает необходимым, чтобы автор, при подготовке к печати II тома своего исследования, учел результаты обсуждения книги в Ученом совете Института»⁴⁷⁹.

Но второй том, после разгромной критики, так и не вышел. Тем не менее, историк не оставил работу над петровской тематикой. Под редакцией Сыромятникова в 1945 г. вышел сборник законодательных актов Петра I, подготовленный Н.А. Воскресенским⁴⁸⁰.

Как писал сам автор-составитель, без поддержки Сыромятникова издание этой книги было невозможно: «Прошу по-прежнему Вашей благожелательности и действительной поддержки и помощи, без которой «Законодательные акты Петра I» не увидели бы света и не получили дальнейшего движения»⁴⁸¹. Для Сыромятникова выход этого труда тоже имел принципиальное значение, потому что основным контраргументом историка против его критиков был тезис о том, что они используют испорченные источники. С выходом научно комментированных документов, в издании которых историк принимал непосредственное участие, у автора «Регулярного государства» появлялись дополнительные аргументы в спорах.

Сыромятников написал «Предисловие» к книге. В нем он чрезвычайно высоко оценивал вышедшее издание: «Н.А. Воскресенский дает их [документы – В.Т.] в таком виде, в таком ансамбле актового материала, что его «издание» превращается в настоящее исследование»⁴⁸². Здесь же автор предисловия проводит свои мысли о петровском государстве: «Изучение во всей совокупности законодательства этой эпохи приводит к выводу, что основное содержание, главная сила и значение реформы Петра I состояли в устранении ограничений и изжитии тех феодальных условий, порядков и привилегий, которые задерживали развитие экономики и общественной жизни»⁴⁸³.

После разгрома первой части книги «Регулярное государство Петра I и его идеология» Сыромятников не смог закончить свой труд. А в отечественной исторической науке до сих пор сохранилось неверное представление о книге как о возрождении концепции Покровского. Думается, настало время пересмотреть это, очевидно, предвзятое и не подтвержденное фактами, представление.

Подводя итоги рассмотрения взглядов Сыромятникова на историю России, мы вправе утверждать, что в своих трудах им проводилась законченная кон-

цепция эволюции русского общества. Его схему характеризует широта подхода, сочетающаяся со вниманием к решению отдельных проблем. Каждый из этапов русской истории, в понимании Сыромятникова, являлся закономерным и неизбежным. В этом наглядно проявилось последовательное следование принципу историзма. Основой исторического развития ученый признавал внутреннюю эволюцию общества и экономики.

Схема русской истории в основном сформировалась у историка-правоведа до революции. Именно в этот период он сформулировал основные положения своей концепции. В дальнейшем, основные черты своего понимания отечественной истории Сыромятников сохранил и после революции. Многие из этой концепции, практически забытой исследователями, не может быть принято современной исторической наукой. Многие теперь рассматриваются по-другому. Но то, что описанная схема является интересным и заслуживающим внимания историографическим фактом – не вызывает сомнений.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторические взгляды Б.И. Сыромятникова тесно связаны с общим развитием русской исторической науки на протяжении всей первой половины XX в. и, в значительной мере, им обусловлены. Сыромятников интересен как историк, чья жизнь, творчество и судьба, с одной стороны, имеют самостоятельное значение, а с другой – являются частью истории отечественной исторической науки. В целом, изучение творчества ученого подтверждает продуктивность исследования наследия отдельно взятого историка для более цельного и детального раскрытия непрерывного историографического процесса.

Как историк-профессионал и общественный деятель, Сыромятников предстает органичной личностью. Его характеризовало целостное мировоззрение, тесное переплетение научных и общественно-политических взглядов, их взаимобусловленность. В ходе своей деятельности он последовательно пытался претворить в жизнь свои идеалы общественного устройства. Революция и сопутствовавшие ей перемены, очевидно, оставили глубокую рану в душе историка. Это заметно по той тотальной переоценке представлений, ломке сложившейся картины мира, которые происходят у Сыромятникова. Это можно проследить по его неопубликованным статьям и заметкам. Впрочем, ломка мировоззрения практически не коснулась его научно-исторических взглядов.

Мы вправе сказать, что методологические принципы исторического исследования историка-юриста вписывались в общий историографический контекст рассматриваемой эпохи.

Методологические взгляды ученого крайне важны для понимания его научного творчества. Можно сделать вывод, что теоретические представления определяли не только характер исследований и выбор тем, но часто и сами выводы в работах историка-правоведа.

В своих исследованиях Сыромятников нередко увлекся теоретизированием. Он сначала создавал логическую конструкцию и только затем переходил к конкретно-историческому исследованию. В какой-то мере здесь можно уловить традиции классической историко-юридической школы, с ее приверженностью жестким логико-историческим схемам. Кроме того, чувствуется влияние Ключевского, тяготевшего к широким обобщениям и создававшего крупномасштабные картины социально-экономической истории России.

В крупнейших трудах Сыромятникова очевидно стремление к широким обобщениям. В его работах, практически, не встречаются ранее не известные источники. Конечно, нельзя отрицать хорошей источниковедческой подготовки историка, о чем свидетельствуют хотя бы статьи о Русской правде или фундаментальное собрание правовых памятников с комментариями Сыромятникова. Но все же теоретическая сторона работ историка представляет наибольший интерес.

На примере его научного творчества четко прослеживается теснейшая связь между историко-правовыми дисциплинами и собственно исторической наукой. Характерной чертой эпохи стало взаимопроникновение указанных отраслей знания, их взаимное влияние. Можно отметить, что нередко грань между историческими и историко-правовыми исследованиями стиралась. Причиной такого положения дел была, в том числе, и общая научная ментальность того времени: предельная заостренность на правовых аспектах социальной действительности. Работы Сыромятникова четко демонстрируют указанные тенденции.

Анализ научного творчества историка-правоведа привел к выводу о его принадлежности к московской исторической школе. В историографии сам факт существования этой генерации исследователей вызывает сомнения. Но изучение теоретических аспектов научной деятельности Сыромятникова позволяет признать наличие этого историографического феномена. Исследование показало, что историк-юрист в своих трудах придерживался методологических принципов, свойственных В.О. Ключевскому и его последователям, не будучи при этом его непосредственным учеником и выпускником историко-филологического факультета. Его исследованиям присущ социологический подход в изучении русской истории, который в России впервые был последовательно обоснован В.О. Ключевским. Московский университет был местом, в котором указанный подход культивировался не только среди выпускников историко-филологического факультета, где преподавал В.О. Ключевский, но и среди представителей других гуманитарных дисциплин, в частности исторической юриспруденции.

Оставаясь на позициях позитивистской парадигмы, Сыромятников стал заметным представителем московской школы. Основываясь на методологических принципах В.О. Ключевского, он показал яркий пример применения социологии в изучении истории русского права. При изучении истории законодательства Сыромятников анализировал всю систему сложившихся со-

циально-экономических отношений. Такой подход превращал его работы по истории права в классические исторические труды с выявлением всех общественных и экономических связей, на основе которых, по мнению историка, и выросло законодательство.

Изучение научной деятельности историка-правоведа позволило проследить и влияние западноевропейской научно-исторической мысли на развитие отечественных исторических исследований. Можно смело утверждать, что русские историки не копировали слепо концепции западных коллег, а творчески их перерабатывали, синтезируя с достижениями отечественной школы. Так, например, в объяснении генезиса феодализма Сыромятников не просто использовал «марковую теорию» немецких историков, но и дополнил ее концепцией колонизации, столь характерной для русской историографии.

В своих работах Сыромятников придерживался целостной схемы всемирно-исторического процесса. По его мнению, все народы в своем развитии проходят одинаковые стадии эволюции. Разница между ними заключалась лишь во времени прохождения этих стадий. Теория идентичности мирового развития была дополнена концепцией круговорота истории. Историк последовательно придерживался этой схемы.

В этом пункте ученый существенно расходился с общепринятыми в русской дореволюционной историографии взглядами. Он был категорически против признания уникальности исторического пути России. Отталкиваясь от своих представлений о всемирно-историческом процессе, Сыромятников вписывал историю России в общемировой контекст. В его понимании, не было причин признавать русскую историю глубоко своеобразной, отличной от других европейских стран. Фундаментом для выделения этапов отечественной истории стала идея эволюционного развития. На этом основании была предложена периодизация истории России. В ней впервые в историко-правовой науке был выделен особый доисторический этап, охарактеризованный как период господства отношений коллективизма. Историк обосновывал концепцию непрерывного исторического развития России, где каждый последующий этап эволюции тесно связан с предыдущим.

Ключевую роль в схеме Сыромятникова играл феодальный период. Исследователь выделил и научно обосновал существование феодального порядка на Руси. Историк-правовед рассматривал феодализм как закономерный и необходимый этап существования русского общества. По его мнению, о феодальном порядке можно говорить в том случае, когда социально-экономическая организация

общества основывается на примитивной натурально-хозяйственной основе, а основной ценностью является земля, что он и обнаружил в истории России.

В концепции Сыромятникова, феодализм распадался на ряд этапов: политический феодализм, сословно-представительная монархия и полицейское государство. Следующим за ними этапом развития России, по мнению исследователя, неизбежно должен был стать период правового государства, являвшийся необходимым этапом для дальнейшего поступательного развития отечественного общества.

Главной задачей своего научного творчества историк видел борьбу с «пережитками» государственной школы в русской историографии. В своих исторических трудах он одним из первых предложил последовательную и целостную концепцию развития России «снизу». Если в понимании историков-государственников русская история развивается благодаря конструктивному (или деструктивному) воздействию государства, то Сыромятников описал процесс эволюции России как развитие общественной структуры, в которой государственная машина лишь необходимая часть, но не демиург. Не общество создавалось государством, а наоборот, государство обществом. Такой постулат приводил к признанию идентичности европейских исторических процессов и эволюции русского общества.

В научном творчестве Сыромятникова проявилась одна из важнейших черт предреволюционной историографии: начало ревизии концепции особого исторического пути России, нашедшее отражение также в творчестве Н.П. Павлова-Сильванского. В интерпретации историка-либерала отрицание особого пути несло и значительную идеологическую нагрузку. Так, он был уверен, что Россия будет развиваться по западноевропейскому пути, придя в итоге к правовому государству.

Заметным явлением стали и историографические исследования ученого. Изучение его наследия позволило выявить целостную и научно обоснованную схему эволюции русской исторической науки, которую Сыромятников рассматривает как часть общеевропейского интеллектуального развития. А идеи историка-правоведа о существовании школы Ключевского и идентификации ее существенных характеристик активно используются и современными исследователями.

Историографические работы историка-правоведа играли важную роль в его критике государственной школы. В своих исследованиях он стремился показать, что указанный взгляд на русскую историю устарел и не отвечал потреб-

ностям отечественной историографии. Он противопоставлял методологические принципы историко-юридического направления и приемы исследования В.О. Ключевского.

Исторические взгляды Сыромятникова теснейшим образом связаны с его политическими убеждениями. Будучи человеком либерально-демократических взглядов, он стремился способствовать распространению идей правового государства среди не только интеллектуальной элиты Российской империи, но и среди простых людей. Выдающимся явлением предреволюционной России стало основание Общества народных университетов, деятельное участие в создании которого принимал и Сыромятников. Он отдал много лет делу народного просвещения, работая не только на педагогическом поприще, но и активно занимаясь административной деятельностью на посту председателя МОНУ.

Октябрьская революция стала переломным моментом в судьбе историка. Но несмотря на это, мы вправе говорить, что ученый сохранил основные черты своего научного почерка и в советское время. В нелегких условиях историк-юрист выбрал путь приспособления концептуальных построений дореволюционных исследований к новым историографическим реалиям.

Анализ послереволюционных работ Сыромятникова позволил опровергнуть устоявшееся представление о том, что его некоторые работы были написаны под сильным влиянием М.Н. Покровского. При ближайшем рассмотрении стало очевидным, что концепция, предложенная историком в исследовании «Регулярное государство Петра Первого и его идеология», имеет своими истоками не построения Покровского, а достижения русской дореволюционной историографии и ранние работы самого Сыромятникова. Было показано, что обвинения в следовании теории «торгового капитализма» стали следствием сведения личных счетов рядом недоброжелателей историка. Впоследствии, эти голословные обвинения стали общим местом в русской историографии.

Важным дополнением к опубликованному наследию историка являются архивные документы. Изучение архивного материала привело к выводу, что роль историка-правоведа в развитии советской исторической науки была более значимой, чем это было принято считать раньше. В результате архивных изысканий были обнаружены протоколы заседания в Институте государства и права АН СССР, на котором, в присутствии Б.Д. Грекова и С.В. Юшкова, Сыромятников выступил с активной критикой основных положений концепции феодального характера Киевской Руси. Приняв деятельное участие в

дискуссии о социально-экономическом характере Древней Руси в 1940 г., он отстаивал мнение, что в киевский период мы имеем дело с классическим рабовладельческим обществом.

В целом, анализ исторических взглядов Сыромятникова позволяет охарактеризовать его как сильного и научно-добросовестного исследователя, чутко и глубоко понимавшего основные тенденции развития исторической науки, умевшего уловить актуальные потребности развития этой дисциплины, восприняв и развив пути исследования, намеченные предшественниками. Научная деятельность историка-правоведа является ярким примером того тезиса, по которому в исторической науке сохраняется преемственность, несмотря на все социально-политические катаклизмы.

Научно-литературное наследие Сыромятникова помогает опровергнуть утверждение о том, что произошел полный разрыв между дореволюционной историографией и советской наукой. Благодаря широкой эрудированности, умению перенять и переработать достижения как отечественной исторической науки, так и зарубежной историографии ученый разработал целостную концепцию исторического процесса, придерживаясь ее, с определенными изменениями, на протяжении всей своей научной биографии.

В своих трудах историк-правовед сохранил как лучшие традиции, так и недостатки дооктябрьской историографии. Однако, при применении наработок историков старой школы Сыромятников встречался с немалым количеством препятствий.

Приходится констатировать, что работы историка-юриста не получили должного признания среди специалистов, его имя знакомо еще достаточно узкому кругу историографов. Во многом такая ситуация сложилась в силу трагичности судьбы его трудов, многие из которых не были опубликованы из-за различных общественных катаклизмов и причин, не имеющих к науке прямого отношения. Тем не менее, историография всегда отличалась устойчивым интересом к наследию историка-правоведа. Думается, наступил момент признать, что научное творчество Сыромятникова является ярким и заслуживающим внимания эпизодом развития русской исторической науки.

Очевидно, что рассмотрение научной биографии историка-юриста станет своеобразным трамплином для дальнейших, более широкомасштабных исследований в области отечественной историографии. Оно позволит по-новому взглянуть на ряд проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сыромятников Б.И. Политическая доктрина «Наказа» П.И. Пестеля // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909). М., 1909. С. 679 – 718.; О ней см: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. С. 281 – 282.
- ² Сыромятников Б.И. Последний дворцовый переворот (К столетию восстания декабристов) // Право и жизнь. 1926. кн.1; О ней см: ОИИИИ т. 4. С. 345.
- ³ Кафенгауз Б.Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки // Петр Великий. М.-Л., 1947. С. 334 – 390.
- ⁴ Бахрушин С.В. Книга Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого» // Большевик. 1944. № 22. С. 54 – 59; Лебедев В., Юшков С. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М. – Л., 1943. ч. 1. // Исторический журнал. 1944. № 10 – 11. С. 126 – 131; Покровский С.А. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М. – Л., 1943. ч. 1. // Исторический журнал. 1943. № 8 -9. С. 94 – 97; Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982. С. 128.; ОИИИИ т. 5. С. 221.; Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 11, 14, 28, 32, 38 – 40, 78, 102 – 104; Попов Д.Ф. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. С. 301 – 303.
- ⁵ Бурдей Г.Д. Историк и война. Саратов, 1990. С. 190 – 191.
- ⁶ Black С.Е. The reforms of Peter the Great // Rewriting Russian history. 2 – ed. New York, 1962. pp. 233 – 259.
- ⁷ Муравьев В.А. Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Рукопись. М., 1969. С. 312 – 442.
- ⁸ Там же. С.314.
- ⁹ Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников о становлении феодальных отношений, С. 130.
- ¹⁰ Там же. С.331 - 332, 341, 367, 383.
- ¹¹ Там же. С. 391.
- ¹² Муравьев В.А. Теории феодализма в России С. 320.
- ¹³ Там же. 328.
- ¹⁴ Муравьев В.А. В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX в. // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995. С. 223. См. также: Он же. Б.И. Сыромятников // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 6. М., 1997. С. 75 – 76; Он же. Б.И. Сыромятников // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 524 – 530.
- ¹⁵ Константинов С.В. Несостоявшаяся расправа (О совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае – июле 1944 года) // Власть и общественные органы России в первой трети XX столетия. М., 1995. С. 254 – 268.

- ¹⁶ Бранденберг Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый документ совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Археографический ежегодник 1998. М., 1999. С. 148 – 163.
- ¹⁷ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 122-123.
- ¹⁸ Бельский И.Л. Борис Иванович Сыромятников (1874 – 1947) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 204 – 213.
- ¹⁹ Сыромятников Б.И. История русского государственного права. М., 1909; История русской торговли и русского торгового права. М., 1916.
- ²⁰ Сыромятников Б.И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти. М., 1913.
- ²¹ Сыромятников Б.И. Очерк по истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925; «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч.1. М. – Л., 1943.
- ²² Сыромятников Б.И. Верховенство народа и учредительное собрание. М., 1917.
- ²³ Сыромятников Б.И. Общественные классы в древней Руси // Научное слово. 1903. кн. 2. С. 32 – 49; Он же. Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств // Научное слово. 1903. кн. 8. С. 59 – 74; История суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 16 – 180.
- ²⁴ Сыромятников Б.И. Абсолютная монархия в России в XVIII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. II. С. 511 – 548.; Славянофильство // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т.4. вып.2. С. 291 - 339; Законодательство императора Николая I // Три века. М., 1913. Т.6. С.; Политическая доктрина «Наказа» П.И. Пестеля // Сборник статей, посвящённых В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 679 – 718; Последний дворцовый переворот (К столетию восстания декабристов) // Право и жизнь. 1926. кн. 1. С. 3 – 15; Из истории политической учений в России (XVI в.) // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 21 – 42.; М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 23-39.
- ²⁵ Сыромятников Б.И. Основные моменты в развитии исторической мысли // Русская мысль. 1906. № 10. С. 71 – 97; К.Д. Кавелин // Освобождение крестьян. М., 1911. С. 173 – 199.; К.Д. Кавелин и крестьянская реформа 1861 г. // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 136 – 146.; В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 59 – 94;
- ²⁶ Вырезки газетных статей и их корректура сосредоточены также в архивном фонде Б.И. Сыромятникова в Научно-исследовательском Отделе Рукописей РГБ в Ф. 366. К. 6. Ед.хр. 8. и Ф. 366. К. 6. Ед.хр. 3.
- ²⁷ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т.4. С. 462.
- ²⁸ Сыромятников Б. И. Традиция революционного движения в России // Век. 1906. № 7 – 8; Беседы о войне // Защита. 1914. № 17, 22, 27, 33, 38, 44.
- ²⁹ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 30.
- ³⁰ Муравьев В.А. Теории феодализма в России..., С. 314.

- ³¹ Историческая наука в 20 – 30-е годы // История и историки. М., 1990. С. 76.
- ³² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 1. Ед.хр. 2.
- ³³ Муравьев В.А. Теории феодализма в России..., С. 321.
- ³⁴ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 2. Ед. хр. 1.
- ³⁵ Там же. К. 4. Ед. хр. 6 – 7; К. 5. Ед. хр. 1 – 2.
- ³⁶ Там же. К. 24. Ед. хр. 6, 8 – 14; К. 25. Ед. хр. 9; К. 27. Ед. хр. 1-2, 9; К. 34. Ед. хр.20 – 25; К. 35. Ед. хр. 1 - 5, 10 – 14, 20, 29; К. 36.
- ³⁷ Там же. К. 30. Ед. хр. 8 -12; К. 31; К.32 – 33; К. 34. Ед. хр. 19.
- ³⁸ Там же. К. 2. Ед. хр. 4.; К. 3. Ед. хр. 9 – 11; К. 6. Ед. хр. 11; К. 8. Ед. хр. 14; К. 9. Ед. хр. 7 – 8; К. 26. Ед. хр. 8 – 9; К. 28 – 29.
- ³⁹ Там же. К. 37 – 38.
- ⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 41. Ед. хр. 73.
- ⁴¹ АРАН. Ф. 624. Оп.5. Ед.хр.253. Л. 1.
- ⁴² Там же. Ед.хр.252. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Оп. 1. Ед.хр.504.
- ⁴⁴ Стенограмма совещания по вопросам истории в ЦК ВКП(б) в 1944 году // ВИ. 1996. № 2 - 9; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // ВИ. 1991. № 1. С. 188 – 205; Письма Анны Михайловны Панкратовой // ВИ. 1988. № 11. С. 188 – 205.
- ⁴⁵ «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В.И. Вернадского. 1928 г. / Публ. В.П. Волкова // Исторический архив. 1999. № 1; Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.
- ⁴⁶ Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX века. М., 1958; Дурновцев В.И. Россия и Европа: обзор материалов по истории русской исторической мысли конца XVII – начал XIX вв. М., 1985; Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии с середины XIX до 1917 г. М., 1983; Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х XIX в. – начала 900-х гг. Томск, 1969; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.-Л., 1941; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке. СПб., 1996; Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. 2-изд. СПб., 2006; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии // Фроянов И.Я. Начала Русской истории. СПб., 2001; Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб., 1993; Шмурло Е.Ф. Петр Великий в русской исторической литературе (опыт историко-библиографического обзора). СПб., 1889.
- ⁴⁷ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М., 1974; Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005; Малинов А.В. Павел Гаврилович Виноградов. СПб., 2005; Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976.

- ⁴⁸ Бон Т. Русская историческая наука. П.Н. Милюков и Московская школа. СПб., 2005; Гутнов Д.А. Историческая школа Московского университета // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. № 3. С. 23 – 31; Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. СПб., 2004; Попов А.С. Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореферат...дис.докт.ист.наук. Пенза, 2002; Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX вв. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 45 – 61.
- ⁴⁹ НИОР РГБ. Ф.366. К. 10. Ед. хр. 19.
- ⁵⁰ Конспекты сосредоточены в Ф. 366. К. 10 - 11.
- ⁵¹ Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 524. Этот рассказ подтвердили архивные изыскания. Сыромятников действительно участвовал в студенческих выступлениях и попал в поле зрения полиции как неблагонадежный студент. См: Государственный архив Российской Федерации Ф. 63. 1899. Оп.2. Д. 80. Т.2. Л. 114 об.
- ⁵² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 30. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ⁵³ Там же. К. 11. Ед. хр. 3.
- ⁵⁴ Там же. Л. 7.
- ⁵⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 12. Ед. хр.10.
- ⁵⁶ Сыромятников Б.И. Общественные классы в древней Руси // Научное слово. 1903. кн. 2. С. 32 – 49.
- ⁵⁷ Сыромятников Б.И. Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств // Научное слово. 1903. кн. 8. С. 59 – 74.
- ⁵⁸ Сыромятников Б.И. Общественные классы...С. 3.
- ⁵⁹ Сыромятников Б.И. Происхождение и развитие министерского начала...С. 61.
- ⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 24. Ед. хр. 9. Л. 1.; Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников...С. 525.
- ⁶¹ Там же. К. 30. Ед. хр. 1.
- ⁶² Там же. Л. 1 об.
- ⁶³ Там же. К. 11. Ед. хр. 5, 12, 14; К. 12. Ед. хр. 14 – 15, 17; К. 13. Ед. хр. 1 – 2.
- ⁶⁴ Сыромятников Б.И. История русского государственного права. М., 1909.
- ⁶⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 30. Ед. хр. 3.; К. 34. Ед. хр. 20.
- ⁶⁶ Вестник высших женских юридических курсов в Москве. 1907/08 гг. № 4.
- ⁶⁷ Сыромятников Б.И. История русской торговли и русского торгового права. М., 1916.
- ⁶⁸ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 41. Ед. хр. 73. Л. 1.
- ⁶⁹ Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников... С. 526.
- ⁷⁰ Лаврычев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967. С. 70; Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников... С. 526.
- ⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 17. Ед. хр. 17.
- ⁷² Сыромятников Б.И. Традиция революционного движения в России // Век. 1906. № 7 – 8.

- ⁷³ Сыромятников Б.И. О сущности конституции // Русские ведомости. 1906. № 23
- ⁷⁴ Сыромятников Б.И. Традиция революционного движения в России...
- ⁷⁵ Иванов А. Российский ученый корпус в зеркале первой русской революции // Неприкосновенный запас. 2005. № 44.
- ⁷⁶ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С.232.
- ⁷⁷ Им также был опубликован отчет о третьем съезде: Сыромятников Б.И. Итоги третьего делегатского академического съезда // Век. 1906. № 18 - 19.
- ⁷⁸ Цит. по: Пархоменко Т.А. Московское общество народных университетов // Педагогика. 1996. № 6. С. 96.
- ⁷⁹ Отчет о деятельности Московского общества народных университетов в 1906 – 07 году. М., 1907. С. 4.
- ⁸⁰ Там же. С. 96.
- ⁸¹ Пархоменко Т.А. Указ. соч. С. 97.
- ⁸² Отчет о деятельности...в 1906 – 07 году. С. 5 - 7.
- ⁸³ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 11. Ед. хр. 9.
- ⁸⁴ НИОР РГБ. Ф.366. К.11. Ед. хр. 9. Л. 40.
- ⁸⁵ Сыромятников Б.И. Первый всероссийский съезд деятелей Общества народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы // Век. 1906. № 18.
- ⁸⁶ Сыромятников Б.И. Что даёт своим слушателям народный университет? // Общее дело. 1912. С. 4.
- ⁸⁷ Там же. С. 5.
- ⁸⁸ Сыромятников Б.И. Народные университеты // Практическая школьная энциклопедия. М., 1912. С. 599.
- ⁸⁹ Там же. С. 601.
- ⁹⁰ Розенталь И.С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905 – 1914 гг. М., 2004. С. 122.
- ⁹¹ Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников. С. 525.
- ⁹² Сыромятников Б.И. Основные моменты в развитии исторической мысли // Русская мысль. 1906. № 10. С. 71 – 97.
- ⁹³ История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 376, 540 – 541; Сыромятников Б.И. Московский университет // Энциклопедический словарь Гранат. б/г. Т. 29. Стб. 384.
- ⁹⁴ Цит. по: Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников. С. 525.
- ⁹⁵ НИОР РГБ. Ф.366. К. 30. Ед. хр. 3.
- ⁹⁶ Сыромятников Б.И. Народный университет в деревне // Русское слово. 1908. № 234.
- ⁹⁷ Сыромятников Б.И. Очередная культурная задача // Вестник воспитания. 1914. № 4.
- ⁹⁸ Сыромятников Б.И. Абсолютная монархия в России в XVIII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. II. С. 511 – 548; Славянофильство // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т.IV. вып.2. С. 291 – 339.

- ⁹⁹ Сыромятников Б.И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти. М., 1913.
- ¹⁰⁰ Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти. М., 1913. // Русское богатство. 1913. № 8. С.377. Авторство В.А. Мякотина установлено: Эльзон М.Д. Анонимные рецензии на историческую литературу в «Русском богатстве» (1895 – 1917 гг.) // История и историки. 1973. М., 1975. С. 350.
- ¹⁰¹ Сыромятников Б.И. К.Д. Кавелин // Освобождение крестьян. М., 1911. С. 173 – 199.; К.Д. Кавелин и крестьянская реформа 1861 г. // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 136 – 146.; В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. М., 1912. С. 59 – 94.; Законодательство императора Николая I // Три века. М., 1913. Т.6. С. 65 – 96. и другие.
- ¹⁰² Сыромятников Б.И. Политическая доктрина «Наказа» П.И. Пестеля // Сборник статей, посвящённых В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 679 – 718.
- ¹⁰³ Там же. С. 679.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 682.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 718.
- ¹⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 24. Ед. хр. 3. Л. 3.
- ¹⁰⁷ Запросы на написание статей сохранились в: НИОР РГБ. Ф. 366. К. 38. Ед. хр. 8.
- ¹⁰⁸ Сыромятников Б.И. История суда в древней и новой России // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 16 – 180.
- ¹⁰⁹ Сыромятников Б.И. Война и культура // Камско-Волжская речь. 21. 11. 15.
- ¹¹⁰ Сыромятников Б.И. Беседы о войне // Защита. 1914. № 17, 22, 27, 33, 38, 44.
- ¹¹¹ НИОР РГБ. Ф.366. К. 30. Ед. хр.11. Л. 3.
- ¹¹² Там же. Л. 2.
- ¹¹³ Сыромятников Б.И. Продовольственный кризис // Нижегородский листок. 1916. № 234.
- ¹¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 38. Ед. хр. 10. Л. 4.
- ¹¹⁵ Сыромятников Б.И. Верховенство народа и учредительное собрание. М., 1917. С. 5.
- ¹¹⁶ Муравьев В. А. Теории феодализма в России... С. 341.
- ¹¹⁷ Здесь под «конституцией» подразумевается «состояние».
- ¹¹⁸ Сыромятников Б.И. О сущности конституции // Русские ведомости. № 23.
- ¹¹⁹ Сыромятников Б.И. Верховенство народа и учредительное собрание...С. 35.
- ¹²⁰ НИОР РГБ. Ф.366. К. 16. Ед. хр.11. Л.1.
- ¹²¹ Там же. Л. 2.
- ¹²² Там же. К. 7.Ед. хр. 4. Л.1.
- ¹²³ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 37.Ед. хр. 72. Л.1.
- ¹²⁴ Савенко Г.В. Юристы социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института (1918 – 1922 гг.) // Иваново-Вознесенский юридический вестник. 2002. № 2. С. 34.

- ¹²⁵ Там же. С. 39.
- ¹²⁶ Там же. С. 35.
- ¹²⁷ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 30. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Сыромятников Б.И. Последний дворцовый переворот (К столетию восстания декабристов) // Право и жизнь. 1926. кн. 1. С. 3 – 15.
- ¹³⁰ Там же. С. 3.
- ¹³¹ Там же. С. 4.
- ¹³² Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1989. Т. 5. С. 233-234; См.: Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 162.
- ¹³³ «Чувство такое, что мы на вулкане». Из дневника В.И. Вернадского. 1928 г. / Публ. В.П. Волкова // Исторический архив. 1999. № 1. С. 183.
- ¹³⁴ Сыромятников Б.И. Очерк по истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925.
- ¹³⁵ Там же. С.17.
- ¹³⁶ Там же. С.30.
- ¹³⁷ Там же. С.42 – 43.
- ¹³⁸ Там же. С. 83.
- ¹³⁹ Там же. С.91.
- ¹⁴⁰ ОИИН т. 4.С.284 – 293.
- ¹⁴¹ Подробнее см: Соколов О.Д, М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970.
- ¹⁴² НИОР РГБ. Ф.366. К. 8. Ед. хр. 5. Л. 2.
- ¹⁴³ ОИИН т. 4. С. 286; Коховя Л.А. Промышленное развитие села Иваново – города Иваново-Воскресенска в XVII – начале XX вв. Автореферат дис...канд. истор. наук. Иваново, 2002. С. 6.
- ¹⁴⁴ НИОР РГБ. Ф.366. К. 2. Ед. хр. 1.
- ¹⁴⁵ Сыромятников Б.И. Правительство и общественные классы в царской России // Энциклопедический словарь Гранат. б/г Т. 36. Ч. IV-VI.
- ¹⁴⁶ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. т. 4. С. 462.
- ¹⁴⁷ Сыромятников Б.И. А.П. Чехов и русская интеллигенция // Чеховский сборник. М., 1929. С. 220 – 228.
- ¹⁴⁸ НИОР РГБ. Ф.366. К. 37. Ед. хр. 72. Л. 1.
- ¹⁴⁹ Там же. К.30. Ед. хр. 3. Л.1.
- ¹⁵⁰ Там же. К. 35. Ед. хр.32. Л.7.
- ¹⁵¹ Там же. К. 24. Ед. хр. 2.

- ¹⁵² Константинов С.В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП (б) 30-х. // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 220 – 221. Такой поворот автор работы также связывает и с «преодолением евроцентризма Троцкого».
- ¹⁵³ К изучению истории. М., 1946.
- ¹⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 366.К. 34. Ед. хр. 25.
- ¹⁵⁵ Там же. К.24. Ед. хр.8. Л.5.
- ¹⁵⁶ Там же. Л.4.
- ¹⁵⁷ НИОР РГБ. Ф.366. К. 36. Ед. хр. 16. Л. 30.
- ¹⁵⁸ НИОР РГБ. Ф.366. К. 36. Ед. хр. 16. Л. 40-40 об.
- ¹⁵⁹ Там же. К. 39. Ед. хр. 3. Л. 1.
- ¹⁶⁰ Сыромятников Б.И. Из истории политической учений в России (XVI в.) // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 21 – 42.; М.М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3; О «смерде» древней Руси (к критике текстов Русской правды) // Московский государственный университет. Ученые записки...Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. 1946. С. 26 – 40.
- ¹⁶¹ Исторический журнал. 1944. № 9. С.108; См. также. АРАН. Ф. 624. Оп.5. Ед.хр. 252. Л. 1.
- ¹⁶² Там же. С.108 – 109.
- ¹⁶³ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.-Л., 1943. Ч.1.
- ¹⁶⁴ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 36. Ед. хр.16.
- ¹⁶⁵ Сыромятников Б.И. К вопросу об изучении истории и права славянских народов // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 109 – 110.
- ¹⁶⁶ НИОР РГБ. Ф.366. К. 34. Ед. хр. 25. Л. 30.
- ¹⁶⁷ Там же. К. 10.Ед. хр. 10. Л. 5.
- ¹⁶⁸ Некролог [Б.И. Сыромятников] // Советское государство и право. 1947.№2. С.87 – 88.
- ¹⁶⁹ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 248.
- ¹⁷⁰ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х. годов XIX в. – начала 900-х. г. Томск, 1969. С. 110; Шапиро А.Л. Историография с древнейших времён до 1917 г. СПб., 1993. С. 481 – 502.
- ¹⁷¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 512.
- ¹⁷² Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998. С. 6.
- ¹⁷³ Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и русская историческая наука // Вестник права. М., 1911. Т.8. С. 17-18.
- ¹⁷⁴ Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 175 – 193.
- ¹⁷⁵ В этой связи интересно сравнение Ключевского и его последователей и Платонова и его учеников, сделанное С.О. Шмидтом. Он приходит к выводу о последовательной «подгонке»

фактов первого к уже заданной схеме, в то время как петербургские историки старались следовать за источником. См.: Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов // Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. Отечественная история. М., 2000. С. 111.

- ¹⁷⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 109.
- ¹⁷⁷ Сыромятников Б.И. История русского государственного права. М., 1909. С. 3.
- ¹⁷⁸ НИОР РГБ. Ф.366. К.30.Ед. хр. 1. Л. 2.
- ¹⁷⁹ Пештич С.А. Русская историография XVIII века. Л., 1965. Ч. 2. С. 85.
- ¹⁸⁰ Дурновцев В.И. Россия и Европа: обзор материалов по истории русской исторической мысли конца XVII-начала XIX вв. М., 1985. С. 64 - 65.
- ¹⁸¹ Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приёмы изучения истории права. М., 1880.
- ¹⁸² Фриман Э. Сравнительная политика. СПб., 1880.
- ¹⁸³ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С.25.
- ¹⁸⁴ Там же. С.27.
- ¹⁸⁵ Павлов – Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси // Феодализм в России. М., 1988. С. 42.
- ¹⁸⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., 2005. С. 15. См также: Михальченко С.И. М.Ф. Владимирский-Буданов//Историки России. Биографии. М.,2001. С. 302.
- ¹⁸⁷ Дьяконов М.А. Очерки истории общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 24 – 25.
- ¹⁸⁸ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 25 - 26.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 15.
- ¹⁹⁰ Там же. С. 33.
- ¹⁹¹ Там же. С. 33 - 34.
- ¹⁹² Там же. С.35.
- ¹⁹³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ.соч. С.18.
- ¹⁹⁴ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С.42.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 37.
- ¹⁹⁶ Там же. С.39.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 60 – 61.
- ¹⁹⁸ Владимирский -Буданов М.Ф. Указ.соч. С.18.
- ¹⁹⁹ Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005. С. 66.
- ²⁰⁰ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. М., 1987. Т.1. С. 55.
- ²⁰¹ Там же. С. 42 – 44.
- ²⁰² Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С.58.

- ²⁰³ Например: Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и русская историческая наука... С. 26 - 31.
- ²⁰⁴ Малинов А.В. Павел Гаврилович Виноградов. СПб., 2005. С. 96 – 124; Графский В.Г. Павел Виноградов как историк права // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 97.
- ²⁰⁵ Малинов А.В. Павел Гаврилович Виноградов. С. 112.
- ²⁰⁶ Дурновцев В.И. Указ. соч. С. 9.
- ²⁰⁷ Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911. С. 106 – 110; Он же. Круговорот истории. Берлин, 1923.
- ²⁰⁸ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С.62.
- ²⁰⁹ Там же. С. 62 – 63.
- ²¹⁰ Там же. С. 63. См. также понимание «класс» в ранней работе: Сыромятников Б.И. Общественные классы древней Руси // Научное слово. 1905. № 5. С. 33 – 49.
- ²¹¹ Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников...С. 527.
- ²¹² Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 61.
- ²¹³ Там же. С.59.
- ²¹⁴ Там же. С. 60.
- ²¹⁵ Там же. С. 92.
- ²¹⁶ Там же. С. 64.
- ²¹⁷ Там же. С. 65.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Там же. С. 71.
- ²²⁰ Там же. С. 80.
- ²²¹ Там же. С. 83.
- ²²² Муравьев В.А. Борис Иванович Сыромятников...С. 527.
- ²²³ Ключевский В.О. Сочинения...Т.1. С. 36.
- ²²⁴ Павлов – Сильванский Н.П. Указ. соч.
- ²²⁵ Богословский М. М. В.О. Ключевский как ученый // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 26 – 44.
- ²²⁶ Милюков П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 183 – 217.
- ²²⁷ Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С. 76.
- ²²⁸ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества. М., 1974.
- ²²⁹ Там же. С.311, 572.
- ²³⁰ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // ВИ. 1990. № 10. С. 55 – 56.
- ²³¹ Муравьев В.А. В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX в.... С. 223.

- ²³² Там же. С. 12 – 13.
- ²³³ Там же. С. 14.
- ²³⁴ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 265.
- ²³⁵ Гутнов Д.А. Историческая школа Московского университета // Вестник МГУ. Сер. 8. 1993. № 3. С. 23 – 31.
- ²³⁶ Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 407.
- ²³⁷ Бон Т. Русская историческая наука. П.Н. Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 12.
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Трибунский П.А. «Школа Ключевского» в оценке П.Н. Милюкова // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. С. 401.
- ²⁴⁰ Муравьев В.А. Теории феодализма в России ...С. 315.
- ²⁴¹ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.-Л., 1943. Ч. 1. С. 93.
- ²⁴² НИОР РГБ. Ф.366. К. 4. Ед. хр. б. Л. 6.
- ²⁴³ Там же. К. 26. Ед. хр. 14. Л. 13.
- ²⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 11. Ед. хр. 3.
- ²⁴⁵ Там же. К. 1. Ед. хр. 2.
- ²⁴⁶ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч.1. С. 30.
- ²⁴⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1896.
- ²⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 11. Ед. хр. 3. Л. 18 об.
- ²⁴⁹ Сыромятников Б.И. Традиционная теория русского исторического развития. С. 60 – 61.
- ²⁵⁰ Там же.
- ²⁵¹ Там же. С.4.
- ²⁵² Там же.
- ²⁵³ Там же. С.62.
- ²⁵⁴ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. 3 – изд. СПб., 1913. С. 177.
- ²⁵⁵ Сыромятников Б.И. Традиционная теория русского исторического развития. С. 58.
- ²⁵⁶ Там же. С. 72.
- ²⁵⁷ Там же С. 151.
- ²⁵⁸ Там же. 250.
- ²⁵⁹ Сыромятников даже назвал историков XVIII века «централистическим направлением», поскольку они поставили в главу угла своих трудов именно проблему становления централизованного государства. См: Традиционная теория русского исторического развития. С. 246.
- ²⁶⁰ Там же. С. 84.
- ²⁶¹ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого и его идеология. Ч.1. М.-Л., 1943. С. 14.

- ²⁶² Сыромятников Б.И. Традиционная теория русского исторического развития. С. 308.
- ²⁶³ Там же. С. 314.
- ²⁶⁴ Там же. С. 348.
- ²⁶⁵ Там же. С. 358.
- ²⁶⁶ Там же. С. 393.
- ²⁶⁷ Сыромятников Б.И. В.И. Сергеевич как историк русского права // Вестник права и нотариата. 1910. № 50.
- ²⁶⁸ Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 64.
- ²⁶⁹ Там же. С. 76.
- ²⁷⁰ Сыромятников Б.И. Константин Дмитриевич Кавелин // Великая реформа. М., 1911. Т. V. С. 136 – 146; Константин Дмитриевич Кавелин // Освобождение крестьян. Деятели Реформы. М., 1911. С. 173 – 199.
- ²⁷¹ Сыромятников Б.И. Дмитриевич Кавелин // Освобождение крестьян. Деятели Реформы... С. 173.
- ²⁷² Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004. С. 379 – 428.
- ²⁷³ Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и русская историческая наука // Вестник права. М., 1911. С. 15 – 41;
- ²⁷⁴ Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 59 – 93.
- ²⁷⁵ Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин...С. 59.
- ²⁷⁶ Там же. С. 83.
- ²⁷⁷ Там же. С. 84.
- ²⁷⁸ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества М., 1974. С. 16.
- ²⁷⁹ Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 174.
- ²⁸⁰ Бон Т. Русская историческая наука. П.Н. Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 100; Попов А.С. Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии. Автореферат дис...докт. ист. наук. Пенза, 2002.
- ²⁸¹ Сыромятников Б.И. Традиционная теория русского исторического развития. С. 41.
- ²⁸² Там же. К. 30. Ед. хр. 1. Л. 15 – 15об.
- ²⁸³ Сыромятников Б.И. Из доклада «Значение трудов Н.П. Павлова-Сильванского по феодализму в древней Руси // Отчет Учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908 – 1909 гг. М., 1910. С. 52.
- ²⁸⁴ Там же. С. 52.
- ²⁸⁵ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 120.

- ²⁸⁶ Цит по: Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 43.
- ²⁸⁷ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. М., 1987. Т.1. С. 359 – 361.
- ²⁸⁸ Сыромятников Б.И. Из доклада «Значение трудов Н.П. Павлова-Сильванского по феодализму в древней Руси // Отчёт Учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908 – 1909 гг. М., 1910. С. 52.
- ²⁸⁹ Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII – XX веков. СПб., 1996. С. 9.
- ²⁹⁰ Сыромятников Б.И. Из доклада «Значение трудов Н.П. Павлова-Сильванского...С. 52.
- ²⁹¹ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 265.
- ²⁹² Муравьёв В.А. Теории феодализма...С. 129.
- ²⁹³ Краткий историографический обзор, существовавших на тот момент мнений см.: Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2002. С. 106 – 123.
- ²⁹⁴ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 129.
- ²⁹⁵ Сыромятников Б.И. История русского государственного права ... С. 96.
- ²⁹⁶ Там же. С. 98 – 100.
- ²⁹⁷ Там же. С. 104.
- ²⁹⁸ Там же. С. 108.
- ²⁹⁹ Там же. С. 109 – 112.
- ³⁰⁰ Там же.
- ³⁰¹ Там же. С. 110 –113.
- ³⁰² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в удельной Руси // Феодализм в России. М., 1987. С. 162 – 168.
- ³⁰³ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ.соч. С. 37 – 40.
- ³⁰⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999.
- ³⁰⁵ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 114 – 115.
- ³⁰⁶ Там же. С. 116.
- ³⁰⁷ Там же. С. 122.
- ³⁰⁸ Например: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М., 2005. Т. 1. С. 124 – 125.
- ³⁰⁹ Сыромятников Б.И. Общественные классы в древней Руси // Научное слово. 1903. кн. 2. С. 3.
- ³¹⁰ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 128.
- ³¹¹ Там же. С. 134.
- ³¹² Там же. С. 133.
- ³¹³ Там же. С. 135.
- ³¹⁴ Там же. С. 139.

- ³¹⁵ Там же. С. 142.
- ³¹⁶ Муравьев В.А. Теории феодализма...С. 408.
- ³¹⁷ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 146.
- ³¹⁸ Там же. С. 146 – 147.
- ³¹⁹ Там же. С. 152.
- ³²⁰ Там же. С. 153.
- ³²¹ Там же. С. 163 – 164.
- ³²² Там же. С. 168 – 169.
- ³²³ Там же. С. 178.
- ³²⁴ Там же. С. 185 – 190.
- ³²⁵ Там же. С. 190.
- ³²⁶ Там же. С. 192.
- ³²⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 72 – 75.
- ³²⁸ Сыромятников Б.И. История русского государственного права... С. 191 – 192.
- ³²⁹ Там же. С. 202.
- ³³⁰ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 222.
- ³³¹ Там же. С. 224.
- ³³² Там же. С. 225 – 232.
- ³³³ Там же. С. 234.
- ³³⁴ Там же. С. 268.
- ³³⁵ Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – нач. XX в. М., 1958. С. 141 – 170.
- ³³⁶ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 274.
- ³³⁷ Там же. С. 284.
- ³³⁸ Там же. С. 286.
- ³³⁹ Там же. С. 293.
- ³⁴⁰ Там же. С. 300.
- ³⁴¹ Там же. С. 311.
- ³⁴² Там же. С. 310 – 311.
- ³⁴³ Там же. С. 399 – 400.
- ³⁴⁴ Там же. С. 319.
- ³⁴⁵ Муравьев В.А. Б.И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси // История и историки. 1973. М., 1975. С. 158.
- ³⁴⁶ Сыромятников Б.И. История русского государственного права...С. 321 – 322.
- ³⁴⁷ Там же. С. 346.

- ³⁴⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 274; Сахаров А.Н. Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Советская историография. М., 1996. С. 139, 148; Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII-XX вв. СПб., 1996. С. 168 – 256; Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. 2 – е изд. М., 2006. С. 175 – 178; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии // Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 243 – 328.
- ³⁴⁹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1997. С. 119.
- ³⁵⁰ Шестаков А.В. К вопросу об общественном строе Киевской Руси // Учительская газета. 1939. 21 мая.
- ³⁵¹ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 152.
- ³⁵² Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // ВИ. 1996. № 3. С. 87.
- ³⁵³ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 26. Ед. хр. 14. В архиве сохранился как сам доклад, так и протоколы заседания.
- ³⁵⁴ Там же. Л. 3.
- ³⁵⁵ Там же.
- ³⁵⁶ Там же. Л. 10 об.
- ³⁵⁷ Там же. Л. 5 об.
- ³⁵⁸ Там же. Л. 7 об.
- ³⁵⁹ Там же.
- ³⁶⁰ Там же. Л. 62.
- ³⁶¹ Там же. Л. 63.
- ³⁶² Там же.
- ³⁶³ Там же.
- ³⁶⁴ Горская Н.А. Указ. соч. С. 122 – 123.
- ³⁶⁵ К таким же выводам (правда в более осторожной форме) пришел и И.Л. Беленький: см.: И.Л. Беленький Борис Иванович Сыромятников // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 208.
- ³⁶⁶ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6.
- ³⁶⁷ Там же. Л. 10.
- ³⁶⁸ Там же. Л. 17.
- ³⁶⁹ Там же. Л. 27.
- ³⁷⁰ Там же. Л. 27.
- ³⁷¹ Там же. Л. 34 – 35.
- ³⁷² Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. т. 1. Киевская Русь.
- ³⁷³ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 38.

- ³⁷⁴ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города – государства Древней Руси. Л., 1988.
- ³⁷⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 210.
- ³⁷⁶ Сыромятников Б.И. О «смерде» древней Руси (к критике текстов Русской правды) // Московский государственный университет. Ученые записки...Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. 1946. С. 26 – 40.
- ³⁷⁷ Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 2004. С. 290.
- ³⁷⁸ Сыромятников Б.И. О «смерде» древней Руси...С. 40.
- ³⁷⁹ Греков Б.Д. Указ. соч. С. 304.
- ³⁸⁰ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 2000. С. 113.
- ³⁸¹ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.
- ³⁸² Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России // История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. М., 2006. С. 45.
- ³⁸³ Платонов С.Ф. Иван Грозный // Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 71 – 134.
- ³⁸⁴ Там же. С. 85.
- ³⁸⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 2. Ед. хр. 1.
- ³⁸⁶ Там же. Л. 1.
- ³⁸⁷ Сыромятников Б.И. Из истории политических учений в России // Советское государство и право. 1940. № 10. С. 21 – 42.
- ³⁸⁸ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 1.
- ³⁸⁹ Там же. Л. 22.
- ³⁹⁰ Там же. Л. 28.
- ³⁹¹ Там же. Л. 8.
- ³⁹² Там же. Л. 5.
- ³⁹³ Там же. Л. 74 – 75.
- ³⁹⁴ Сыромятников Б.И. Из истории политических учений в России...С. 25.
- ³⁹⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 2. Ед. хр. 1. Л. 117.
- ³⁹⁶ Там же. Л. 17 – 18.
- ³⁹⁷ Там же. Л. 118.
- ³⁹⁸ Там же. Л. 117 – 118.
- ³⁹⁹ Там же. Л. 120.
- ⁴⁰⁰ Там же. Л. 128.
- ⁴⁰¹ Там же. Л. 129.
- ⁴⁰² Там же.
- ⁴⁰³ Там же. Л. 46.
- ⁴⁰⁴ Там же. Л. 134.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 149 – 150.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 20.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 54.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 142.

⁴¹⁰ Сыромятников Б.И. Абсолютная монархия в России в XVIII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. II. С. 511 – 548.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² Там же. С. 513.

⁴¹³ Там же. С. 518.

⁴¹⁴ Там же. С. 519.

⁴¹⁵ Там же. С. 515.

⁴¹⁶ Там же. С. 512.

⁴¹⁷ Там же. С. 521.

⁴¹⁸ Там же. С. 522.

⁴¹⁹ Там же. С. 524.

⁴²⁰ Там же. С. 530.

⁴²¹ Там же. С. 531.

⁴²² Там же. С. 546.

⁴²³ Попов П.Д. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. С. 179.

⁴²⁴ Там же. С. 180.

⁴²⁵ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 3. Ед. хр. 1.

⁴²⁶ Там же. Л. 9.

⁴²⁷ Шмурло Е.Ф. Пётр Великий в русской литературе (опыт историко-библиографического обзора). СПб., 1889.

⁴²⁸ Соловьёв Е.А. Пётр Великий и русская историческая мысль XIX – начала XX вв. // ОИ. 2006. № 4. С. 114.

⁴²⁹ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого и его идеология. М.-Л., 1943. Ч.1. С. 14.

⁴³⁰ Там же. С. 18.

⁴³¹ Там же. С. 29.

⁴³² Там же. С. 35.

⁴³³ Там же. С. 51.

⁴³⁴ Там же. С. 54.

⁴³⁵ Там же. С. 62.

- ⁴³⁶ Попов Д.Ф. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. С. 16.
- ⁴³⁷ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого...С. 62 – 77.
- ⁴³⁸ Там же. С. 151.
- ⁴³⁹ Там же. С. 98 - 99.
- ⁴⁴⁰ Там же. С. 104.
- ⁴⁴¹ Там же. С. 107.
- ⁴⁴² Там же. С. 122.
- ⁴⁴³ Там же. С. 150 - 151.
- ⁴⁴⁴ Там же. С. 61.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 145.
- ⁴⁴⁶ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 3. Ед. хр. 1. Л. 9 – 10.
- ⁴⁴⁷ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого...С. 88.
- ⁴⁴⁸ Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
- ⁴⁴⁹ Бельский И.А. Указ. соч. С. 209.
- ⁴⁵⁰ Историография истории СССР. Эпоха социализма. М., 1982. С. 128.; ОИИН т. 5. С. 221.; Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 11, 14, 28, 32, 38 – 40, 78, 102 – 104; Попов Д.Ф. Проблема российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999. С. 301 - 303.
- ⁴⁵¹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М.-СПб., 2005. Т. 2. С. 113 - 114.
- ⁴⁵² Например: Ковалевский П.Е. Исторический путь России // Антология русского зарубежья. Т.III: История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. М., 2006. С. 497.
- ⁴⁵³ Black С.Е. The reforms of Peter the Great // Rewriting Russian history. 2-ed. New York, 1962. pp. 233 - 259.
- ⁴⁵⁴ Покровский С.А. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого и его идеология. М.-Л., 1943. Ч. 1. // Исторический журнал. 1943. № 8 - 9. С. 95.
- ⁴⁵⁵ Там же. С. 96.
- ⁴⁵⁶ Лебедев В., Юшков С. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Великого и его идеология. М.-Л., 1943. Ч. 1. // Исторический журнал. 1944. № 10-11. С. 126 - 131.
- ⁴⁵⁷ Там же. С. 126.
- ⁴⁵⁸ Бахрушин С. В. АРАН Ф. 624. Оп. 1. Ед.хр. 504. Опубликовано: Книга Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Великого» // Большевик. 1944. № 22. С. 54.
- ⁴⁵⁹ Там же. С. 54.
- ⁴⁶⁰ Там же. С. 58 - 59.

- ⁴⁶¹ Кафенгауз Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 37 - 38.
- ⁴⁶² НИОР РГБ. Ф. 366. К. 4. Ед. хр. 1.
- ⁴⁶³ Там же. К. 4. Ед. хр. 2.
- ⁴⁶⁴ Там же. К. 3. Ед. хр. 4.
- ⁴⁶⁵ Там же. К. 4. Ед. хр. 2. Л. 1.
- ⁴⁶⁶ Там же. К. 27. Ед. хр. 5.
- ⁴⁶⁷ Там же. К. 38. Ед. хр. 61.
- ⁴⁶⁸ Там же. К. 37. Ед. хр. 5. Л. 1.
- ⁴⁶⁹ Бурдей Г.Д. Историк и война. Саратов, 1991. С. 190 – 191.
- ⁴⁷⁰ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 28. Ед. хр. 17.
- ⁴⁷¹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 37. Ед. хр. 41. Л. 4 об.
- ⁴⁷² Подробнее см.: Константинов С.В. Несостоявшаяся расправа (О совещании историков в ЦК ВКП(б) в мае – июле 1944 года) // Власть и общественные органы России в первой трети XX столетия. М., 1995. С. 254 – 268; Бранденберг Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый документ совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Археографический ежегодник 1998. М., 1999. С. 148 - 163.
- ⁴⁷³ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // ВИ. 1996. № 3. С. 97.
- ⁴⁷⁴ Там же. С. 99 - 105.
- ⁴⁷⁵ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // ВИ. 1991. № 1. С. 188 - 205.
- ⁴⁷⁶ Там же. С. 203.
- ⁴⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 366. К. 37. Ед. хр. 5. Л. 1 - 14.
- ⁴⁷⁸ О книге Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I и его идеология» // Известия Академии наук СССР. 1945. № 2. С. 39 - 40.
- ⁴⁷⁹ Там же. С. 40.
- ⁴⁸⁰ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945.
- ⁴⁸¹ НИОР РГБ. Ф. 366. К. Ед. хр. 41. Л. 4 об.
- ⁴⁸² Законодательные акты Петра I...С. XXXIV.
- ⁴⁸³ Там же. С. XLII.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ – Вопросы истории

НИ ОР РГБ – Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки

ОИ - Отечественная история

ОИИН - Очерки истории исторической науки в СССР

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Библиография печатных трудов Б.И. Сыромятникова

1903

1. Происхождение и развитие министерского начала в России до общего учреждения министерств // Научное слово. 1903. Кн. VIII. С. 59 - 74.

1905

2. Общественные классы в древней Руси // Научное слово. 1905. Кн. II. С. 32 - 49.

1906

3. Итоги третьего делегатского академического съезда // Век. 1906. № 18 - 19.
4. О сущности конституции // Русские ведомости. 1906. № 23.
5. Основные моменты в развитии исторической мысли // Русская мысль. 1906. № 10. С. 71 – 97.
6. Первый всероссийский съезд деятелей обществ народных университетов и других просветительских учреждений частной инициативы // Век. 1906. № 18.
7. Традиция революционного движения в России // Век. 1906. № 7 - 8.

1908

8. Игра в свои соседи // Русское слово. 1908. № 227.
9. Программа по истории русского права // Вестник высших женских юридических курсов в Москве. 1907/08. № 4.
10. История русского права. Удельный период // Вестник высших женских юридических курсов в Москве. 1908. № 5 - 6. С. 11 - 19.
11. Стена // Русское слово. 1908. № 215.
12. «Снисходительная» система // Там же. 1908. № 223.
13. Премия // Там же. 1908. № 225.
14. Народный университет в деревне // Там же. 1908. № 234.

1909

15. Политическая доктрина «Наказа» П.И. Пестеля // Сборник статей, посвящённых В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 679 - 718.
16. История верховной власти в России // Критическое обозрение. 1909. вып. 4. С. 5 - 18.
17. История русского государственного права. Курс лекций. М., 1909.

1910

18. В.И. Сергеевич как историк русского права // Вестник права и нотариата. 1910. № 50.
19. Из доклада «Значение трудов Н.П. Павлова-Сильванского по феодализму в древней Руси // Отчет Учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908 - 1909 гг. М., 1910. С. 51 - 53.
20. Что дает своим слушателям народный университет? // Педагогический листок. 1910. кн. 4.

1911

21. Абсолютная монархия в России в XVIII в. // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т. II. С. 511 - 548.
22. В.О. Ключевский и русская историческая наука // Вопросы права. 1911. т. 8. С. 15 - 41.
23. К.Д. Кавелин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 173 - 199.
24. К.Д. Кавелин и крестьянская реформа 1861 г. // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 136 - 146.
25. Культурная миссия народного университета // Вестник воспитания. 1911. № 5.

1912

26. В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Воспоминания и характеристики. М., 1912. С. 59 - 93.
27. Народные университеты // Практическая школьная энциклопедия. М., 1912. С. 597 - 610.
28. О Новороссийском университете // Школа и жизнь. 22. 10. 1912.
29. Радищев о «земледецах» // Вестник права и нотариата. 1912. № 71.
30. Что дает своим слушателям народный университет // Общее дело. 1912. С. 3 - 42.

1913

31. Дитятин И.И. // Энциклопедический словарь Гранат. 7 – е изд. 6\г. Т. 18. Стб. 421 - 424.
32. Дмитриев Ф.М. // Там же. Т. 18. Стб. 479 - 480.
33. Дружина // Там же. Т. 19. Стб. 103 - 109.
34. Дьяконов М.А. // Там же. Т. 19. Стб. 281 - 283.
35. Законодательство императора Николая I. // Три века. М., 1913. Т. 6. С. 65 - 96.
36. Краткий обзор и указание литературы по истории государственной власти по России. М., 1913.
37. Памяти А. Эсмента // Вестник права и нотариата. 1913. № 34.

38. [Рец.] Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. // *Голос минувшего*. 1913. № 2. С. 249 - 253.
39. [Рец.] Шмурло Е.Ф. Пётр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1. (XVIII в.). СПб., 1912. // *Голос минувшего*. 1913. № 8. С. 282 - 286.
40. [Некролог] А. Эсмен // Там же. 1913. № 8. С. 297 - 300.

1914

41. Кошелев А.И. // *Энциклопедический словарь Гранат* Т. 25. Стб. 327 - 330.
42. Славянофильство // *Книга для чтения по истории нового времени* М., 1914. Т. 4. вып. 2. С. 291 - 339.
43. Очередная культурная задача // *Вестник воспитания*. 1914. № 4. С. 4 - 15.
44. Беседы о войне // *Защита*. 1914. № 17, 22, 27, 33, 38, 44.

1915

45. История суда в древней и новой России // *Судебная реформа*. Т.1. М., 1915. С. 16 - 180.
46. Война и культура // *Волжско-Камская речь*. 21.11.15.
47. Кабинет министров // *Энциклопедический словарь Гранат*. 7 – изд. б/г. Т. 23. Стб. 12 - 16.
48. Калачов Н.В. // Там же. Т. 23. Стб. 162 - 163.
49. Коллегии // Там же. Т. 24. Стб. 496 - 503.

1916

50. Возрождение родительских комитетов // *Волжский день*. 07. 10. 1916.
51. История русской торговли и русского торгового права. Курс лекций. М., 1916.
52. Министерство землевладения // *Вятская речь*. 20. 09. 1916.
53. Продовольственный кризис // *Нижегородский листок*. 1916. № 234.
54. [Некролог] В.И. Семевский // *Русское слово*. 22. 09. 1916.

1917

55. Верховенство народа и Учредительное собрание. М., 1917.
56. За свободу и независимость // *Южные ведомости*. 1917. № 3.
57. Революция, демократия и народный университет // *Педагогический листок*. 1917. № 1 - 4.

1925

58. Очерк по истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925.

1926

59. Последний дворцовый переворот (К столетию восстания декабристов) // *Право и жизнь*. 1926. кн. 1. С. 3 - 15.
60. Литовский статут // *Энциклопедический словарь Гранат*. 7 - е изд. б/г. Т. 27. Стб. 218 - 221.

61. Московский университет // Там же. Т. 29. Стб. 374 - 386. 62. Наместник // Там же. Т. 29. Стб. 558 - 561.

1927

63. Николай I // Энциклопедический словарь Гранат. 7 – е изд. б/г. Т. 30. Стб. 211 - 228.
 64. Приказы // Там же. Т. 33. Стб. 453 - 463.
 65. Судебники // Там же. Т. 41. Ч. 5. Стб. 227 - 229.
 66. Судебные мужи // Там же. Т. 41. Ч. 5. Стб. 235 - 237.
 67. Судебные грамоты XV в. // Там же. Т. 41. Ч. 5. Стб. 234 - 235.
 68. Чети // Там же. Т. 45. Ч.3. Стб. 829 - 832.

1928

69. Толстой Д. // Энциклопедический словарь Гранат. 7 – е изд. Т. 41. Ч. 9. Стб. 310 - 316.
 70. Шварц А.Н. // Там же. Т. 49. Стб. 167 - 169.
 71. Шлёцер А. Л. // Там же. Т. 50. Стб. 239 - 240.
 72. Шпилевский С.М. // Там же. Т. 50. Стб. 381 - 382.
 73. Штелин Я.Я. // Там же. Т. 50. Стб. 445 - 446.
 74. Трубецкой Е.Н. // Там же. Т. 41. Ч. 9. Стб. 333 - 335.
 75. Чичерин Б.Н. // Там же. Т. 48. Стб. 644 - 650.

1929

76. Правительство и общественные классы в царской России // Энциклопедический словарь Гранат. 7 – е изд. Т. 36. Ч. IV-VI.
 77. А.П. Чехов и русская интеллигенция // Чеховский сборник. М., 1929. С. 220 - 228.
 78. Чехов в своих пьесах и на сцене // Там же. С. 229 - 235.
 79. Радищев // Энциклопедический словарь Гранат. 7 – е изд. б/г. Т. 35. Стб. 437 - 444.
 80. Рачинский Э. // Там же. Т. 36. Ч. 1. Стб. 169 - 170.
 81. Редкин П.Г. // Там же. Т. 36. Ч. 1. Стб. 254 - 255.
 82. Ренненкамф Н.К. // Там же. Т. 36. Ч. 1. Стб. 484 - 485.
 83. Ровинский Д.А. // Там же. Т. 36. Ч. 2. Стб. 672 - 673.
 84. Соловьёв В.С. // Там же. Т. 40. вып. 1. Стб. 85 - 95.

1930

85. Распутин // Энциклопедический словарь Гранат. 7 – е изд. б/г. Т. 35. Стб. 659 - 661.
 86. Разночинцы // Там же. Т. 35. Стб. 511 - 512.
 87. Рейц А. // Там же. Т. 36. Ч. 1. Стб. 355 - 356.
 88. Русская правда // Там же. Т. 36. Ч. 8. Стб. 392 - 396.
 89. Эверс И.Ф. Г. // Там же. Стб. 624 - 626.

90.Энгельгард А.Н. // Там же. Т. 54. Стб. 19 - 21.

91.Энегальмен И.Н. // Там же. Т. 54. Стб. 22 - 23.

1940

92.М. М. Сперанский как государственный деятель и политический мыслитель // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 92 - 113.

93.Из истории политических учений в России (XVI век) // Там же. 1940. № 10. С. 21 - 43.

94.[Рец.] Правда Русская. Т.1. Тексты / под ред. Б.Д. Грекова. М.-Л., 1939. // Там же. 1940. № 7. С. 144 - 149.

1943

95.«Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М., 1943.

1944

96.К вопросу об изучении истории и права славянских народов // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 109 - 110.

1945

97.Предисловие // Воскресенский Н. А. Законодательный акты Петра I.М. – Л., 1945. С. XXXIII - XLIV.

98.С.Е. Десницкий – основатель науки русского правоведения // Известия Академии наук СССР. Отдел экономики и права. 1945. № 3. С. 33 - 40.

1946

99.О «смерде» древней Руси. (К критике текстов Русской правды) // Московский государственный университет. Ученые записки... Вып. 116. Труды юридического факультета. М., 1946. Кн. 2. С. 26 - 40.

100.[Рец.] Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрике по 1522 г. // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 120 - 121.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Литература о Б.И. Сыромятникове и его трудах

1. Мясотин В.А. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. Краткий обзор и указатель литературы по истории государственной власти. М., 1913. // Русское богатство. 1913. № 8. С. 377.
2. Покровский С.А. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство и его идеология. Ч. 1. М., 1943. // Исторический журнал. 1943. № 8-9. С. 94 - 97.
3. Лебедев Б., Юшков С. Рец. на кн.: Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство и его идеология. М., 1943. Ч. 1. // Исторический журнал. 1944. № 10 - 11. С. 126 - 131.

4. Кафенгауз Б.Б. Вопросы историографии эпохи Петра Великого // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 24 - 42.
5. Бахрушин С.В. Книга Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого» // Большевик. 1944. № 22. С. 54 - 59.
6. О книге Б.И. Сыромятникова «Регулярное» государство Петра I и его идеология // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 2. С. 39 - 40.
7. Кафенгауз Б.Б. Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки // Пётр Великий / под ред. А.И. Андреева М. – Л., 1947. ч. I. С. 334 - 390.
8. Black С.Е. The reforms of Peter the Great // Rewriting Russian history. 2 – ed. New York, 1962. pp. 233 - 259.
9. Муравьёв В.А. Теории феодализма в русской историографии конца XIX – начала XX вв. Дис. канд. ист. наук. Рукопись. М., 1969.
10. Муравьёв В.А. Б.И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в Древней Руси // История и историки. 1973. М., 1975. 125 - 160.
11. Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.
12. Муравьёв В.А. Б.И. Сыромятников // Историки России XVIII - XX веков. Вып. 6. М., 1997. С. 75-76.
13. Попов Д.Ф. Проблемы российской абсолютной монархии (верховная власть) в русской исторической науке. М., 1999.
14. Муравьёв В.А. Борис Иванович Сыромятников // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 524 - 530.
15. Савенко Г.В. Юристы социально-экономического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института (1918 - 1922) // Иваново-Вознесенский юридический вестник. 2002. № 2. С. 34 - 39.
16. Бельский И.Л. Борис Иванович Сыромятников // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 204 - 213.
17. Тихонов В.В. Основные этапы развития русской исторической мысли в освещении Б.И. Сыромятникова // Наше Отечество. Страницы истории: Сборник научных статей. Вып. 5. М., 2006. С. 90 - 98.
18. Тихонов В.В. Неизвестные страницы из истории общественной деятельности Б.И. Сыромятникова // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2007. № 2. С. 35 - 40.
19. Tikhonov V.V. The Russian State and the interpretation of History during the Second World War: the Impact of V.I. Syromyatnikov's «The “Regulated” State and Peter the Great and its ideology» // Power and culture. Vol. II: Identity, Ideology, Representation. Pisa, 2007. pp. 159 - 170.
20. Тихонов В.В. Исторические взгляды Б.И. Сыромятникова. Дис. канд. ист. наук. Рукопись. М., 2007.

A HISTORIAN OF THE "OLD SCHOOL". BORIS IVANOVICH SYROMYATNIKOV'S SCIENTIFIC BIOGRAPHY

ENGLISH SUMMARY

A distinctive feature of modern historiographic studies is the 'personification' of the historical cognitive process, which has led in particular to an interest in the scientific biography of historians of the late 19th and early 20th centuries. The unprecedented political and social cataclysms of the period had a significant influence on the science of historiography. The historiographical achievements of the period continue to influence the development of modern historical thought. The study of the lives and activity of historians of previous centuries can provide a better understanding and more adequate evaluation of modern historiographic reality.

A flowering of creative activity by a galaxy of prominent Russian historians occurred in pre-revolutionary times. Their work in the fields of Russian and world history allowed Russian historical thought to occupy an honourable place among European schools.

One of the most of the most brilliant representatives of this generation was the well-known historian, jurist and public figure Boris Ivanovich Syromyatnikov (1874-1947).

B.I. Syromyatnikov was born on 4 October 1874 in Moscow. In 1895 he entered the Faculty of Law of Moscow State University, graduating in 1900. While a student, Syromyatnikov was greatly influenced by V.O. Klyuchevskiy. After graduation the young future lawyer continued his studies in order to obtain a Master's degree. Subsequently he was invited to lecture at the University as assistant professor. From 1903 to 1905 Syromyatnikov was engaged in a probation period abroad. This had an enormous influence on the formation of his scientific outlook.

After his return to Russia, Syromyatnikov lectured at different educational institutions in Moscow, simultaneously continuing work on his thesis, which was devoted to feudalism in Old Rus'. Syromyatnikov was an active participant in public and scientific life of early 20th-century Moscow. Like the majority of university professors, he held liberal views and believed that Russia should develop in the same direction as Western Europe. Ideally, in his opinion, Russia should live under the rule of law according to the Western European model. This intellectual and po-

litical position determined Syromyatnikov's public activity. He was not only a historian and university professor, but also an active propagandist and participant in the movement for the enlightenment and the modernisation of the Russian empire. He participated actively in the creation and the activities of the Moscow Society of Public Universities (MSPU), where he occupied key posts. During this period Syromyatnikov's public and political views were completely formed and his position was liberal democratic. Though he denied that education and politics were linked, Syromyatnikov's enlightened views were closely connected with his political preferences. Being a *zapadnik* [liberal westernizer] he believed that for a western type of society to emerge in Russia, it would be necessary for a new kind of emancipated, educated individual to be formed, capable not only of understanding his place in the world, but also able and willing to fight for his rights. Syromyatnikov saw as the primary task of public universities that of helping students to become aware of their personalities and abilities so as to become active members of society.

In 1911, protesting against the interference of the Minister of Education, L.A. Kasso, in the activities of the University of Moscow, Syromyatnikov, like many other lecturers of the university, submitted a request for retirement. The consequence of this was that the first part of Syromyatnikov's thesis, entitled *Traditional Theory of Russian Historical Development*, was not published (and it is still unpublished today).

The events of 1911 opened a new stage in the historian's life. He concentrated on teaching activity in the MSPU without abandoning his scientific work. His articles and essays appeared thanks to different publishing houses and they concerned a broad range of historical problems. Moreover Syromyatnikov actively published works of a pedagogical character, basically covering MSPU activities.

Syromyatnikov greeted the February Revolution with excitement. He considered it a natural stage of development which would bring about the foundation of a state based on the rule of law in Russia. The historian-lawyer was invited to work in Moscow University again. But his dreams of a legal democratic state did not come true. The October Revolution refuted Syromyatnikov's prognosis. Those events, as well as the growing devastation and anarchy in the country, were a cause for great disillusionment in the Revolution. Syromyatnikov did not accept the Bolsheviks' rise to power.

Syromyatnikov's post-revolutionary life can be divided into two stages. The first stage (1917-1934) was characterized by quite an unsuccessful attempt to become

part of the Soviet historiographical community. Though he taught at several higher educational establishments, his position remained shaky. He was hardly able to publish at all. In spite of the fact that he did not accept the Bolsheviks' power, in practice he had to adjust to the situation. This situation was reflected in his scientific work. He began to study Marxism and the theoretical legacy of V.I. Lenin, though Marxist methodology did not penetrate deeply into his outlook. His works continued to be based on the pre-revolutionary approaches and ideals. He remained a historian of the "old school". All this caused him to occupy the position of an outsider in Soviet historical science. As Soviet historiography evolved towards a more traditional model he came to occupy his own niche in the historiographical community.

In the 1920s Syromyatnikov worked in the Ivanovo-Voznesensk Polytechnic Institute (IVPI) contributing to the journal "Law and Life" and co-operating with the Granat publishing house. From 1928 to 1930 he lectured at Kazan University. On returning to Moscow he occupied the position of the chief manager of the library of the Central Research Textile Institute (CRTI).

The next stage (1934-1947) in Syromyatnikov's life and activity, as well as that of most historians of the "old school", began with the resolution of 1934. After a decade of official dominance of the school of Pokrovskiy, Russian history of the past was interpreted – rather negatively – as the period of dominance of the proletariat's class enemies. Such a view could exist when the idea of world revolution and internationalism was prevalent in the ideology of the Communist party. After Stalin obtained decisive control over the party and the whole country, hopes for a rapid world revolution vanished and the historical component of the official ideology also changed. It became more patriotic. Thus it became necessary to search the past not only for negative examples, but also for samples to be imitated. The changes that occurred were listed in "Remarks on Compiling Synopses of Textbooks on the History of the USSR", written by A.A. Zhdanov, I. V. Stalin and S.M. Kirov. Such a turn allowed the humanistic scientists of pre-revolutionary times to occupy their place in Soviet science. Among them was Syromyatnikov.

After this shift had taken place, Syromyatnikov occupied his niche in academic community; he was invited to work in prestigious educational institutions and research centres of the capital. In spite of some obstacles, his works began to be published regularly in the most important periodicals.

From 1938 on Syromyatnikov worked at the State and Law Institute of the Academy of Science of the USSR. His main activity was the preparation of the tomes of the

Monuments of Law for publication, the total planned length being 100 printed folios. Publication did not actually take place because of the reluctance of the Institute of History, headed by B.D. Grekov. The main reason for this was Syromyatnikov's active development of the concept of the slave-owning character of society of Kievan Rus'. The legal historian tried to defend his point of view during several debates with B.D. Grekov.

The main achievement of this period of the scientist's life was the book *The "Regulated" State of Peter I and its Ideology*, published in 1943. The book received many reviews, most of which were negative. The book was discussed at the famous meeting of historians at the Central Committee of the All-Russian Communist Party (of Bolsheviks) in 1944, where it was disapproved as being both a rebirth of M.N. Pokrovskiy's concept, and an example of bourgeois historiography.

Syromyatnikov devoted the last years of his life to the legal history of Slavic nations. He planned to publish a book on this subject, but was not able to finish what he had planned. He died on 12 January 1947.

Syromyatnikov's scientific heritage is marked by the variety and breadth of the topics treated and by the depth of the scientific research carried out. Some of the historian's works are published. Among these some had broad resonance and became the subject of heated debates. Others were not published, and are little-known and not sufficiently studied.

Positivism was the axis around which Syromyatnikov's methodological concepts were organised. In his scientific work he strove to use a firm system based on scientific methods of historical research. According to Syromyatnikov, it is the change in methodology that allows a scientist to take a qualitative step forward, and that provides for transition from outdated to modern scientific concepts. A somewhat exaggerated emphasis on the methodological component of the historian's craft led to rather a cautious attitude towards seeking new sources. This attitude led to the lack of use of previously unknown documents in Syromyatnikov's works.

The important feature of Syromyatnikov as a researcher was the consequential use of a relative historical method. In his opinion, it was thanks to comparative study that it would be possible to structure and explain the enormous factual material that had been accumulated through scientific research. In his view, there are certain characteristics in historical evolution, although history never repeats itself exactly.

The methodological problems in understanding Syromyatnikov are most closely connected with the foundation of the scientific status of historical disciplines. The

use of a comparative historical method allows history to be identified as a science the purpose of which is the search for regularities. Being an expert in the field of history of law, Syromyatnikov saw as his primary task that of promoting the history of law and establishing its place amongst the other historical disciplines. The lawyer-historian emphasized the close relationship between the science of history and the history of law, or historical jurisprudence as he called it: “[...] the purposes and methods of historical jurisprudence are essentially the same as those of historical science in general. What differentiates historical jurisprudence from the latter is only the object of study”. In his studies of the history of law, Syromyatnikov was close to V.O. Klyuchevskiy’s principles. In the course of his analysis of legal history he focused his attention on the social and economic base on which legal relations are built. His works on legal history actually became classics in historiographic research.

At the base of all specific theoretical and methodological notions there lies a general interpretation of the world historical process. Syromyatnikov was convinced that all nations, whatever the specific traits of their histories, pass through similar stages in their development. This thought was complemented by a belief in the “rotation of history”, in accordance with which historical stages of social development are inevitably repeated when a new “public organism” appears in a new timeframe.

Within the framework of the above-mentioned principle Syromyatnikov attempted to solve the vital problem of Russian public thought: the problem of “Russia versus the West”. In his opinion, Russia had passed through the same stages of historical development as western countries. He was strongly against the idea that Russia’s historical trajectory was unique, and he included Russia in the world context on principle.

Syromyatnikov’s scientific activity took up one of the most important features of pre-revolutionary historiography, and led to a reconsideration of the concept of Russia’s unique historical path, which was also reflected in works by N. P. Pavlov-Silivanskiy.

Syromyatnikov identified the following stages in Russian history: 1) the epoch of primitive democracy; 2) the epoch of the dominance of political feudalism; 3) feudal monarchy; 4) the police state and 5) the people’s state founded on law. He developed the concept of unceasing historical development of Russia, where each successive stage of evolution is closely connected with the previous one.

An analysis of Syromyatnikov’s theoretical and methodological views allows us to

solve in a more accurate way than has been possible until now the problem of how his research relates to the various historiographical schools and influences. The present study has shown that Syromyatnikov continued to observe the methodological principles characteristic of V.O. Klyuchevskiy and his followers, although he was not his direct pupil nor a graduate of the Faculty of History and Philology. The sociological approach to the study of Russian history that was first developed and defended by V.O. Klyuchevskiy is central to Syromyatnikov's studies. Moscow University was a place where that approach had been cultivated not only amongst graduates of the Faculty of History and Philology where V. O. Klyuchevskiy taught, but also among exponents of other humanistic disciplines, and of history of law in particular.

A significant place in Syromyatnikov's legacy is occupied by works of a historiographic character. The researcher left no single complete work which would give us the whole picture of his historiographic views, but the analysis of his scientific heritage leads us to acknowledge that he was a great and original specialist in the field of the history of historical thought.

The largest among his works of a historiographic character was the first part of the unpublished thesis entitled *Traditional Theory of Russian Historical Development*. In this work Syromyatnikov pursued the aim of explaining why the belief that Russian historical development was peculiar to it alone was so popular in Russian science. Following P.N. Milyukov in many respects, Syromyatnikov pointed out that in the 18th century, at the dawn of its formation, Russian historiography had adopted many features of pre-Petrine historical literature. In particular, following semi-official chronicles, the historians of the 18th century started to consider the Russian past as the history of its rulers' activity. Moreover, the scheme of the chronicles was organically combined with the philosophical thought of the Age of Enlightenment, with its faith in an "enlightened monarch" creating history.

The first half of the 19th century was marked by the departure from rationalism and the mastery of idealistic concepts. Having explored the heritage of German classical philosophy, Russian historians concentrated on the study of the state as an expression of the "public spirit". Such an approach inevitably led to the opinion that the history of Russia is a history of a state, rather than of a society. This point of view was expressed most clearly by the school of historians of the state. Their concepts, according to Syromyatnikov, continued to prevail in Russian historiography even at the beginning of the 20th century. Thus P.N. Milyukov's "theory of contrast" was a logical continuation of the conceptual theories of the historians of the state.

The counterweight to the state school was the school of Klyuchevskiy. He was the first to suggest a general scheme of development of Russian history that was not “top down”, but “from the bottom up”. The impulse for development in his view did not go from state to society, but on the contrary, state institutions grew on this or that social and economic base.

Syromyatnikov's historiographic works played an important role in his critique of the state school. In his study he tried to prove that the concepts of the state school had become old-fashioned and did not respond the needs of Russian historiography anymore. There is no doubt that Syromyatnikov's historiographic views were naturally compatible with the historical sciences of the pre-revolutionary times. He joined the trend that considered that its ultimate purpose was to study historical concepts taking into account the philosophical and political views of historians. P.N. Milyukov had an essential influence upon Syromyatnikov's historiographic views. But, in spite of some obvious borrowings, there are significant differences in how the causes of the evolution of historical understanding are viewed. Thus if P.N. Milyukov linked the development of Russian historiography mainly with the influence of European thought, Syromyatnikov saw it as being the result of an internal genesis. He strongly believed that all nations passed through the same stages in their development. European historiographic ideas were understood and accepted so easily because the internal needs of Russian history organically coincided with the evolution of the science on a world scale.

An important trait of Syromyatnikov's work was the use of a comparative historical method while analysing historiographical material. He was not always consistent in conducting parallels between the evolution of Russian and foreign historical thought, often restricting himself to mere declaration that the two developed in an identical way. However, in his works we find comparative studies of Russian historiography.

The example of Syromyatnikov as a legal historian reveals a typical feature of the historical science of his time: the intensification of the struggle between different and competing trends. One of the results of this struggle was the increase in the quantity of historiographic works. Researchers tried to find the sources of their rivals' concepts: by proving that they were politically or ideologically engaged and hence not objective, they could attack their rivals as purveyors of slanted and invalid views.

Syromyatnikov's historiographic studies played an important role in concrete historical research in particular with respect to the history of the Old Rus'. For the first

time in historical legal science Syromyatnikov spoke of a special pre-historical stage in the formation of the Old Rus' state and characterized it as a period characterised by collective relations. The evolution of social relations gave rise to the class structure. Following V.O. Klyuchevskiy, Syromyatnikov used the term "class" to refer to any social group.

The beginning of the following period was not explicitly defined according to a precise chronological framework. But, judging by its description, we can refer it to the beginning of the 9th century. This stage was characterised by further decomposition of tribal society. Syromyatnikov ascribed an important role in this decomposition to colonization. As a result of migration, strong blood ties were being broken down. The organization of society, based on kinship, no longer reflected reality. A new formation – the territorial state or "land-*volost*" – appeared.

Syromyatnikov considered the state that was established to be a weakly centralized formation. He produced a synthesis of V.O. Klyuchevskiy's "town theory" and of M.F. Vladimirskiy-Budanov's concept of "territorial relations". In his opinion, Kievan Rus' presented itself as a complex system made up of "senior" and "minor" cities grouped into *volost* formations, with trade constituting the main part of the economy.

In a social sense, the "land" in Syromyatnikov's interpretation appears as a class society. In its structure the author distinguished three "obviously isolated elements": boyars, townsfolk and peasants. In his view, there were three powers that dominated the political sphere: the prince, the boyars and the *veche* [popular assembly]. The princely power became gradually more dominant. The change in the social and economic configuration of power brought about the regeneration of the essence of the state: the state was transformed from a "land-*volost*" state into a "patrimonial principedom". By that time the Kievan state was in decline as a result of social stratification and the decay of trade.

With the fall of the land-*volost* state of Kievan Rus', a new stage in Russian history began, the stage of "political feudalism". Syromyatnikov, as well as N. P. Pavlov-Silivanskiy, distinguished and explained scientifically the appearance of the feudal order in Rus'.

Following G.L. Maurer's "mark theory", Syromyatnikov thought that feudalism derived from the decomposition of the communal system and the transformation into serfs of the free peasantry. But he added to this concept an opinion that social relations were transformed as a result of the influence of processes of colonization,

as was widely assumed in Russian historiography of the period. The migration of the population from south to northeast, in this view, brought about a change in the prevalent economic activity, from trade and artisanal production to agriculture. This promoted the “naturalization” of the economy, a factor that, according to Syromyatnikov, constitutes the most important trait of a feudal state, where the main wealth was the land, on which primitive forms of management dominated. The absence of *veche* traditions and the class structure which had prevailed during the previous period changed the prince’s function: he became above all the owner of an extensive landed patrimony.

By the 13th century, the process of shaping the large boyar patrimonies founded on the use of slave labour had been clearly marked. These became the base of the feudal order. Syromyatnikov considered feudalism to be a natural and necessary stage in the existence of Russian society. In his concept feudalism fell into a number of stages: political feudalism, class-representative monarchy and a police state. Unfortunately due to the pressure of circumstances the legal historian was not able to elaborate a complete concept of the genesis of Russian feudalism before the revolution.

Syromyatnikov’s return to the themes of the Russian Middle Ages can be observed at the beginning of early 1930s. This was the time when the question of social and economic nature of Kievan state acquired great importance both from scientific and political point of view.

Syromyatnikov was one of B.D. Grekov’s main opponents. His report, entitled “The Problem of Slavery in Old Rus’ ”, and read at the Institute of State and Law on 9 January 1940, became an important event. The speaker himself separated his report into two parts: in the first he analysed in detail the main points of B.D. Grekov’s concept, but in the second one he explained the slave-owning nature of social and economic order of Old Rus’.

While B.D. Grekov supposed that Kievan Rus’ having passed by the stage of slave-owning immediately entered the feudal era, Syromyatnikov tried to prove the universal character of the theory of formations for all nations. This conviction naturally resulted from the historian’s pre-revolutionary concepts about the universality of the historical process. He concentrated on a critique of the positions of the author of “Kievan Rus’ ” about the existence of a large feudal patrimony cultivated by an enslaved population. According to Syromyatnikov, there are no facts to support the hypothesis that feudal land-owning characterised Kievan Rus’. And the base of the Kievan state economy was slave labour.

The concept that Kievan society was slave-owning was developed in *Monuments of the History of State and Law of the USSR, commented by B.I. Syromyatnikov*. In agreement with A.E. Presnyakov, he compared Russian cities to ancient city-states, whose democratic formation was based on the exploitation of slavery. “Together with Presnyakov we drive at the thought that in Old Russian city-states, “lands” or “volost”[...] we have a typical sample of Old Russian *veche* democracy, like the ancient *polis*, with all the diversity which is naturally inherent in each particular historical phenomenon”.

Syromyatnikov’s understanding of the social and economic order of Old Russian state in the process of development gained more and more individual features, and turned into an original and fruitful concept, which can be claimed by modern science. Its existence is a significant fact in the development of Russian historical science.

Another significant direction in the historian’s studies was his research on the epoch of Ivan the Terrible, to which he devoted the unpublished monograph *The Epoch of Ivan the Terrible* in 1926. The book begins with the analysis of the works by R.Yu. Vipper and S.F. Platonov. Syromyatnikov was not satisfied with either of these works about Ivan the Terrible and his rule. In his view, the authors presented the historical process during Ivan the Terrible’s reign as being completely dependent on the tsar’s persona. As a representative of the Moscow school Syromyatnikov rejected such an approach, considering political processes and their effects to be the results of established relations within society.

Syromyatnikov asserted that during Ivan the Terrible’s reign there was a collision of two social and political systems: the appanage order and class monarchy. The historian thought that it was impossible to agree with the statement that Ivan the Terrible fought against “individuals” or the administration, but not against the “appanage order”. Syromyatnikov’s position is unambiguous: the process of the formation of the Muscovian centralized monarchy was accompanied by an extreme intensification of class struggle and a fundamental rearrangement of the social classes.

By the 16th century the following configuration of classes had been formed. On the one hand, the aristocracy, struggling against a centralized state, and on the other hand, the supporters of the tsar’s strong power. Among the rivals of Ivan the Terrible, in the first place the historian indicated the upper part of the feudal order and the “Byzantine church” (“non-grabbers”). These were strongly against reinforcement of the tsar’s authority. But the tsar found support among the gentry, the trading and

manufacturing class, Joseph Volockiy's followers ("grabbers") and the common folk. The struggle of these social groups was at the core of the period under consideration.

The tsar's personality was also of great importance. Syromyatnikov came to the conclusion that personal qualities of Ivan the Terrible were an important factor in the social struggle. But the extraordinary character of his actions should not be exaggerated. His social program and the *oprichnina* were not absolutely new. In Syromyatnikov's opinion, Ivan IV made this policy coherent, moulding it in an ideologically motivated way. And as for mass executions, the "governmental terror had become the usual device of Moscow policy long before Ivan the Terrible". The policy of Ivan IV was based on the idea of an "awesome kingdom", that is to say a kingdom in which the monarch is an unlimited ruler, free "to execute and pardon".

Such was the way Syromyatnikov depicted the process of social struggle in the 15th and 16th centuries, including the sphere of ideology. That stage in the evolution of the Russian state and society was absolutely natural and corresponded to the worldwide path of development. Revealing public relations during Ivan IV's rule provides for adequate understanding and evaluation of his policies. Ivan the Terrible fought against the appanage order and old classes. Syromyatnikov was sure that it was Ivan the Terrible who laid the bases for the absolute monarchy which would be established during Peter the Great's reign. The scientific work of the legal historian was characterized by a firm interest in Peter's time. The first work directly devoted to that problem was a popular scientific article about the development of the institution of absolute monarchy under the title "Absolute Monarchy in Russia in the 18th century".

At the end of 1930s the researcher returned to the theme of the Petrine state. The first part of his monograph *The "Regulated" State of Peter I and its Ideology* was published in 1943.

The historiography on the question was considered in the first chapter. Syromyatnikov distinguished the following periods in the study of the time of Peter the Great: 1) the 18th century, as the epoch of rationalism and the Enlightenment; 2) Karamzin's activity as a transitional stage; 3) the period of debates between Slavophiles and Westernizers; 4) Soloviyov's scientific activity as an intermediate stage between idealism and positivism; 5) positivism; 6) the Soviet period. He came to the conclusion that neither pre-revolutionary nor Soviet authors gave an adequate interpretation of the enlightened absolutism of Peter the Great.

Syromyatnikov found the sources of absolutism in the Muscovite state. Its development led to a balance between two leading social forces – the gentry and the *posad*. This balance was the basis for Peter's absolute empire. The difference between Peter's reign and other periods in the development of the Russian state lay in the absence of a counterweight to the ruler. While earlier such a role was performed by the *veche*, the *duma* and the *Zemsky Sobor*, the 18th century had no such institution restricting the tsar's power.

But this was not the only factor that triggered the appearance of a police state. When the Muscovite state broke out of its isolation, a window to European culture was opened to influence on Russian society. The ideal of the philosophers of the time was a state of general prosperity, a state built on the principals of reasonable need and faith in human reason. From the point of view of the philosophy of pragmatism, such a state could be built by a philosopher in power, an "enlightened monarch". Peter I became such a monarch.

Syromyatnikov thought that the important feature of Peter the Great's internal policy was the anti-gentry trend in legislation. In his opinion, the reforms led to a situation where state interests were superior to the narrow class interests of the gentry. The book by Syromyatnikov was not characteristic of Soviet historiography, first of all because it was based mainly on achievements of pre-revolutionary historians. In many respects it repeated the concept first stated by the historian himself in his article "Absolutism in Russia in the 18th century".

The work dedicated to the ideology of a "regulated" state represented a synthesis in the historiographical context. It conceptually generalised the achievements of Russian pre-revolutionary science. The analysis of the monograph allows us to reject the generally accepted belief that Syromyatnikov's work was a rebirth of M.N. Pokrovskiy's conceptual theories.

In *The "Regulated" State*, Syromyatnikov tried to solve the central question of his scientific work – the problem of "Russia and the West". The historian once again asserted his belief in the identity of the development of Russia and the rest of Europe. This time he chose the example of Peter's absolute state. Analysing Peter's reforms Syromyatnikov tried to prove that the stage of subordination of society to the state was typical of all European countries, not only of Russia: the same idea that was formulated by P.N. Milyukov.

Thus B.I. Syromyatnikov's historical ideas are closely connected with the general development of Russian historical science during the first half of the 20th century

and significantly determined by it. Syromyatnikov presents an interest as a historian whose life, work and fate are important in themselves as aspect of an individual experience, while at the same time they also constitute a part of the history of Russian historical science.

Syromyatnikov's scientific work shows a close relationship between legal history and historical science proper. The methodological views of the scientist are extremely important for understanding his scientific activity. It is possible to draw the conclusion that the theoretical conception of the historian determined not only the essence of his studies and his choice of themes, but, quite often, the findings themselves.

Now and then in his studies Syromyatnikov engaged in theorizing. First he created a logical design and only then passed on to concrete historical study. To some extent this can be explained by the traditions of the classical historical and legal school, with its adherence to a firm logical and historical scheme.

Remaining a positivist, Syromyatnikov became an outstanding representative of the Moscow school. Founding his research on methodological principle of V. O. Klyuchevskiy, he gave a vivid example of how to introduce sociology into the study of the history of Russian law.

Syromyatnikov stuck to a holistic scheme in interpreting the worldwide historical process. In his opinion, all nations evolve through similar stages. The only difference between them is the time spent in passing through these stages. The theory of the identical character of world development of all countries was complemented by the concept of "rotation of history". The historian consequently kept to this scheme. At this point, he diverged widely from a generally accepted view in pre-revolutionary historiography. He was strongly against admitting the unique character of Russia's historical trajectory. Starting from his beliefs about a worldwide historical process, Syromyatnikov included the history of Russia in a worldwide context. He did not find any proof that Russian history should be considered deeply original, different from that of other European countries.

Not only his publications but also unpublished and archival documentation are important in understanding and evaluating Syromyatnikov's legacy. The archival material has allowed us to conclude that the role of the legal historian in the development of Soviet historical science was more significant than has been believed until now.

As a whole, an analysis of Syromyatnikov's historical views permits us to characterize him as a bright and scientifically conscientious researcher, who achieved a close knowledge and deep understanding of the main trends of the development

of historical science; who was capable of responding to the contemporary needs of the discipline, having accepted and developed the paths of study marked out by his predecessors. The scientific activity of the lawyer-historian testifies that large-scale social and political cataclysms can greatly complicate, but not break up the stream of thematic investigation, the profound theoretical relationship and continuity between separate periods in the development of historical knowledge. In this sense historiographic memory is closely connected to historical memory.

The analysis of the scientific and literary heritage of Syromyatnikov leads us to reject the statement that there was a complete break between pre-revolutionary historiography and Soviet science. Thanks to the broad erudition on which it was based, the skill in adapting and developing the achievements of both Russian historical science, and foreign historiography, Syromyatnikov was able to elaborate a holistic concept of the historical process and keep to it, with certain changes, during his entire scientific career. In his works Syromyatnikov preserved both the best traditions and the defects of pre-revolutionary historiography.

Syromyatnikov's scientific legacy did not receive the acknowledgment that was due among specialists. His name is known to a rather narrow circle of historians. This was mainly caused by the fate of his works. Many of them were not published for reasons having no direct relations with scientific concerns. However historiography has always showed an interest in the legal historian's heritage. The scientific activity of Syromyatnikov constitutes a bright area, worthy of consideration, in the development of Russian historical science.

PUBLICATIONS OF THE CLIOHRES NETWORK OF EXCELLENCE

Thematic Work Group 1, “States, Legislation, Institutions”

1. *Public Power in Europe: Studies in Historical Transformation*, James S. Amelang, Siegfried Beer eds., 2006;
2. *Communities in European History: Representations, Jurisdictions, Conflicts*, Juan Pan-Montojo, Frederik Pedersen eds., 2007;
3. *Making, Using and Resisting the Law in European History*, Günther Lottes, Eero Medijainen, Jón Viðar Sigurðsson eds., 2008.

Thematic Work Group 2, “Power and Culture”

1. *Power and Culture: Hegemony, Interaction and Dissent*, Ausma Cimdiņa, Jonathan Osmond eds., 2006;
2. *Power and Culture. Identity, Ideology, Representation*, Jonathan Osmond, Ausma Cimdiņa eds., 2007;
3. *Power and Culture: New Perspectives on Spatiality in European History*, Pieter François, Taina Syrjämaa, Henri Terho eds., 2008.

Thematic Work Group 3, “Religion and Philosophy”

1. *Religion, Ritual and Mythology. Aspects of Identity Formation in Europe*, Joaquim Carvalho ed., 2006;
2. *Religion and Power in Europe: Conflict and Convergence*, Joaquim Carvalho ed., 2007;
3. *Bridging the Gaps: Sources, Methodology and Approaches to Religion in Europe*, Joaquim Carvalho ed., 2008.

Thematic Work Group 4, “Work, Gender and Society”

1. *Professions and Social Identity. New European Historical Research on Work, Gender and Society*, Berteke Waaldijk ed., 2006;
2. *Reciprocity and Redistribution: Work and Welfare Reconsidered*, Gro Hagemann ed., 2007;
3. *Rhetorics of Work*, Dimitra Lampropoulou, Carla Salvaterra, Yannis Yannitsiotis eds., 2008.

Thematic Work Group 5, “Frontiers and Identities”

1. *Frontiers and Identities: Exploring the Research Area*, Lud'a Klusáková, Steven G. Ellis eds., 2006;
2. *Imagining Frontiers. Contesting Identities*, Steven G. Ellis, Lud'a Klusáková eds., 2007;
3. *Frontiers and Identities: Cities in Regions and Nations*, Lud'a Klusáková, Laure Teulières eds., 2008.

Thematic Work Group 6, “Europe and the Wider World”

1. *Europe and the World in European Historiography*, Csaba Lévai ed., 2006;
2. *Sights and Insights: Interactive Images of Europe and the Wider World*, Mary N. Harris ed., 2007;
3. *Europe and its Empires*, Mary N. Harris, Csaba Lévai eds., 2008.

Transversal Themes

1. *Citizenship in Historical Perspective*, Steven G. Ellis, Guðmundur Hálfðanarson, Ann Katherine Isaacs eds., 2006.
2. *Immigration and Emigration in Historical Perspective*, Ann Katherine Isaacs ed., 2007.
3. *Discrimination and Tolerance in Historical Perspective*, Guðmundur Hálfðanarson ed., 2008.

Doctoral Dissertations

1. Florencia Peyrou, *La Comunidad de Ciudadanos. El Discurso Democrático-Republicano en España, 1840-1868* (2006);
2. Marta Smagacz, *Revitalisation of Urban Space. Social changes in Kraków's Kazimierz and the Ticinese District of Milan* (2007);
3. Andreas Gémes, *Austria and the 1956 Hungarian Revolution. Between Solidarity and Neutrality* (2008).
4. Vitaly V. Tichonov, *A Historian of the “Old School”. Boris Ivanovich Syromyatnikov's Scientific Biography* (2008).

Under the aegis of CLIOHRES.net

www.cliohres.net

Printed in July 2008
by Industrie Grafiche Pacini Editore S.p.A.
on behalf of Edizioni PLUS - Pisa University Press